М. Горькій.

Несвоевременныя мысли.

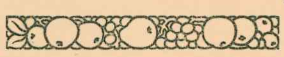
Замѣтки о революціи и культурѣ.

„КУЛЬТУРА и СВОБОДА"
Просвѣтительное О-во въ память 27-го февраля 1917 года.
Петроградъ, Лиговская ул., 3.

М. Горькій.

Несвоевременныя мысли.

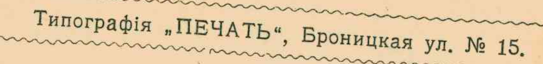
Замѣтки о революціи и культурѣ.

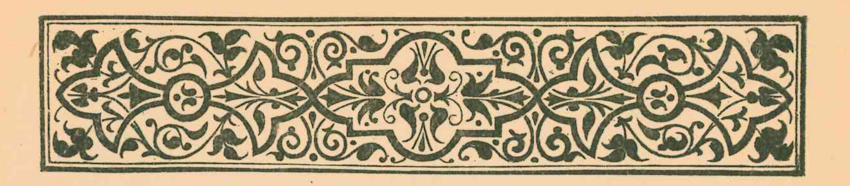

„КУЛЬТУРА и СВОБОДА“
Складъ изданій: Петроградъ, Лиговская ул. № 3.

Типографія „ПЕЧАТЬ“, Броницкая ул. № 15.

Мы добивались свободы слова затѣмъ, чтобы имѣть возможность говорить и писать правду. Но говорить правду, — это искусство, труднѣйшее изъ всѣхъ искусствъ, ибо въ своемъ «чистомъ» видѣ, не связанное съ интересами личностей, группъ, классовъ, націй, правда почти совершенно неудобна для пользованія обывателя и непріемлема для него. Таково проклятое свойство «чистой» правды, но въ то же время это самая лучшая и самая необходимая для насъ правда. Поставимъ себѣ задачу сказать правду о нѣмецкихъ звѣрствахъ. Я надѣюсь, что совершенно точно установимы факты звѣрскаго отношенія нѣмецкихъ солдатъ къ солдатамъ Россіи, Франціи, Англіи, а также къ мирному населенію Белгіи, Сербіи, Румыніи и Польши. Я имѣю право надѣяться, что эти факты внѣ сомнѣній и также неоспоримы, какъ факты русскихъ звѣрствъ въ Сморгони, въ городахъ Галиціи и т. д. Я не отрицаю, что отвратительные пріемы истребленія людей, примѣняемые нѣмцами, впервые допущены въ дѣлѣ человѣкоубійства. Не могу отрицать, что отношеніе нѣмцевъ къ русскимъ военноплѣннымъ гнусно, ибо знаю, что отношеніе старой русской власти къ нѣмецкимъ военноплѣннымъ было тоже гнусно.

Все это правда, эту правду создала война. На войнѣ необходимо, какъ можно больше убивать людей, — такова циническая логика войны. Звѣрство въ дракѣ неизбѣжно. Вы видали, какъ жестоко дерутся дѣти на улицахъ?

«Чистая» правда говоритъ намъ, что звѣрство есть нѣчто вообще свойственное людямъ, — свойство, не чуждое имъ даже и въ мирное время, если таковое существуетъ на землѣ. Вспомнимъ, какъ добродушный русскій человѣкъ вколачивалъ гвозди въ черепа евреевъ Кіева, Кишинева и другихъ городовъ, какъ садически мучили тюремщики арестантовъ, какъ черносотенцы разрывали дѣвушекъ-революціонерокъ, забивая имъ колья въ

половые органы, — вспомнимъ на минуту всѣ кровавыя безстыдства 1906-1907-1908 г.г.

Я не сравниваю нѣмецкихъ звѣрствъ съ общечеловѣческимъ и, въ частности, русскимъ звѣрствомъ; я просто, пользуясь свободой слова, разсуждаю о правдѣ сего текущаго дня, о правдѣ, созданной войною, и о «чистой» правдѣ, которая общезначима для всѣхъ временъ, и которая воистину «краше солнца», хотя она часто печальна и обидна для насъ.

Осуждая человѣка — нѣмца или русскаго — это все равно, — мы не должны забывать о «чистой» правдѣ, потому что она — самое драгѣнное достояніе наше, самый яркій огонь нашего сознанія; бытіе этой правды свидѣтельствуетъ о высотѣ моральныхъ требованій, предъявляемыхъ человѣкомъ самому себѣ.

Нѣсколько десятковъ милліоновъ людей, здоровыхъ и наиболѣе трудоспособныхъ, оторваны отъ великаго дѣла жизни — отъ развитія производительныхъ силъ земли — и посланы убивать другъ друга.

Зарывшись въ землю, они живутъ подъ дождемъ и снѣгомъ, въ грязи, въ тѣснотѣ, изнуряемые болѣзнями, пожираемые паразитами, — живутъ, какъ звѣри, подстерегая другъ друга для того, чтобы убить.

Убиваютъ на сушѣ, на моряхъ, истребляя ежедневно сотни и сотни самыхъ культурныхъ людей нашей планеты — людей, которые создали драгоцѣннѣйшее земли—европейскую культуру.

Разрушаются тысячи деревень, десятки городовъ, уничтоженъ вѣковой трудъ множества поколѣній, сожжены и вырублены лѣса, испорчены дороги, взорваны мосты, въ прахѣ и пеплѣ сокровища земли, созданныя упорнымъ, мучительнымъ трудомъ человѣка. Плодоносный слой земли уничтоженъ взрывами фугасовъ, минъ, снарядовъ, изрытъ окопами, обнажена безплодная подпочва, вся земля исковеркана, осквернена гніющимъ мясомъ невинно убитыхъ. Насилуютъ женщинъ, убиваютъ дѣтей,— нѣтъ гнусности, которая не допускалась бы войной, нѣтъ преступленія, которое не оправдывалось бы ею.

Третій годъ мы живемъ въ кошмарѣ и озвѣрѣли, обезумѣли. Искусство возбуждаетъ жажду крови, убійства, разрушенія; наука, изнасилованная милитаризмомъ, покорно служитъ массовому уничтоженію людей.

Эта война — самоубійство Европы.

Подумайте — сколько здороваго, прекрасно мыслящаго мозга выплеснуто на грязную землю за время этой войны, сколько остановилось чуткихъ сердецъ?

Это безсмысленное истребленіе человѣкомъ человѣка, уничтоженіе великихъ трудовъ людскихъ не ограничивается только матеріальнымъ ущербомъ — нѣтъ!

Десятки тысячъ изуродованныхъ солдатъ долго, до самой смерти не забудутъ о своихъ врагахъ. Въ разсказахъ о войнѣ они передадутъ свою ненависть дѣтямъ, воспитаннымъ впечатлѣніями трехлѣтняго ежедневнаго ужаса. За эти годы много посѣяно на землѣ вражды, пышные всходы даетъ этотъ посѣвъ.

А вѣдь такъ давно и краснорѣчиво говорилось намъ о братствѣ людей, о единствѣ интересовъ человѣчества! Кто же виноватъ въ дьявольскомъ обманѣ, въ созданіи кроваваго хаоса?

Не будемъ искать виновныхъ въ сторонѣ отъ самихъ себя. Скажемъ горькую правду: всѣ мы виноваты въ этомъ преступленіи, всѣ и каждый.

Представьте себѣ на минуту, что въ мірѣ живутъ разумные люди, искренно озабоченные благоустройствомъ жизни, увѣренные въ своихъ творческихъ силахъ, — представьте, напримѣръ, что намъ, русскимъ, нужно въ интересахъ развитія нашей промышленности, прорыть Риго-Херсонскій каналъ, чтобы соединить Балтійское море съ Чернымъ — дѣло, о которомъ мечталъ еще Петръ Великій. И вотъ, вмѣсто того, чтобы посылать на убой милліоны людей, мы посылаемъ часть ихъ на эту работу, нужную странѣ, всему ея народу. Я увѣренъ, что люди, убитые за три года войны, сумѣли бы въ это время осушить тысячеверстныя болота нашей родины, оросить голодную степь и другія пустыни, соединить рѣки Зауралья съ Камой, проложить дорогу сквозь Кавказскій хребетъ и совершить цѣлый рядъ великихъ подвиговъ труда для блага нашей родины.

Но мы истребляемъ милліоны жизней и огромные запасы трудовой энергіи на убійство и разрушеніе. Изготовляются массы страшно дорогихъ взрывчатыхъ веществъ, уничтожая сотни тысячъ жизней; эти вещества безслѣдно таютъ въ воз-

духѣ. Отъ разорвавшагося снаряда все-таки остаются куски металла, изъ которыхъ мы со временемъ хоть гвоздей накуемъ, а всѣ эти мелиниты, лидиты, динитро-толуолы — дѣйствительно «пускаютъ по вѣтру» богатства страны. Рѣчь идетъ не о милліардахъ рублей, а о милліонахъ жизней, безсмысленно истребляемыхъ чудовищемъ Жадности и Глупости.

Когда подумаешь объ этомъ, — холодное отчаяніе сжимаетъ сердце, и хочется бѣшено крикнуть людямъ:

Несчастные, пожалѣйте себя!

Недавно одинъ романистъ восплакалъ о томъ, что въ революціи нѣтъ романтизма, что она не создала Терруань-де-Мерикуръ, не выдвинула героевъ, яркихъ людей.

Положимъ, Терруань, вѣроятно, потому не явилась, что мы не осаждали Бастилію, но, еслибъ мы дѣлали это, — я думаю, что изъ 50 тысячъ петроградскихъ «дѣвушекъ для радости» нашлись бы героини. Но, вообще говоря, героевъ у насъ всегда было маловато, если не считать тѣхъ, которыхъ мы сами неудачно выдумывали — Сусанина, купца Иголкина, солдата-спасителя Петра Великаго, Кузьму Крючкова и прочихъ героевъ физическаго дѣйствія, такъ сказать.

Полемизируя, можно, разумѣется, забыть о герояхъ духа, о людяхъ, которые великимъ и упорнымъ подвигомъ всей жизни вывели, наконецъ, Россію изъ заколдованнаго царства безправія и насилія.

Но я думаю, что романтизмъ все-таки не изсякъ, и романтики живы, если именемъ романтика мы можемъ почтить— или обидѣть — человѣка, страстно влюбленнаго въ свою идею, въ свою мечту.

На дняхъ такой романтикъ — крестьянинъ Пермской губерніи — прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ меня очень тронули вотъ эти строки:

«Да, правда не каждому подъ силу, порой она бываетъ настолько тяжела, что страшно оставаться съ ней съ глазу на глазъ. Развѣ не страшно становится, когда видишь, какъ великое, святое знамя соціализма захватываютъ грязныя руки, карманные интересы? Крестьянство, жадное до собственности, получитъ землю и отвернется, изорвавъ на онучи знамя Желябова, Брешковской».

«Партійный работникъ, студентъ с.-д. откровенно заявляетъ, что онъ теперь не можетъ работать въ партіи, такъ какъ на службѣ получаетъ 350 руб., а партія не заплатитъ ему и 250». Сто рублей онъ, пожалуй, уступилъ бы ради «прежняго» идеализма»...

«Солдаты охотно становятся подъ знамя «миръ всего міра», но они тянутся къ миру не во имя идеи интернаціональной демократіи, а во имя своихъ шкурныхъ интересовъ: сохраненія жизни, ожидаемаго личнаго благополучія».

«Я отлично помню свое настроеніе, когда я семнадцатилѣтнимъ юношей шелъ за сохой подъ жаркимъ солнцемъ; если я видѣлъ идущаго мимо писаря, священника, учителя, то непремѣнно ставилъ себѣ вопросъ: — «Почему я работаю, а эти люди блаженствуютъ?». Ибо я признавалъ за трудъ только физическій трудъ, и всѣ мои стремленія были направлены къ освобожденію себя отъ этого труда. Это же самое теперь я вижу у многихъ, охотно примыкающихъ къ соціалистическимъ партіямъ. Когда я вижу этихъ «соціалистовъ», мнѣ хочется заплакать, ибо я хочу быть соціалистомъ не на словахъ, а на дѣлѣ».

«Нужны вожди, которые не боятся говорить правду въ глаза. И если бы соціалистическая пресса обличала не только буржуазію, но и ведомыхъ ею, — она отъ этого выиграла бы въ дальнѣйшемъ. Надо быть суровымъ и безпощаднымъ не только съ противникомъ, но и съ друзьями. Въ Библіи сказано: «обличай премудро и возлюбитъ тя».

Вотъ голосъ несомнѣннаго романтика, голосъ человѣка, который чувствуетъ организующую силу правды и любитъ ея очищающій душу огонь.

Я почтительно кланяюсь этому человѣку. Людямъ его типа трудно живется, но ихъ жизнь оставляетъ прекрасный слѣдъ.

На-дняхъ я получилъ письмо такого содержанія:

»Вчера я прочиталъ Вашъ «Кошмаръ», и душа моя— душа человѣка, тоже служившаго въ охранѣ, плачетъ отъ

сознанія безнадежности моего положенія, которое этотъ разсказъ пробудилъ во мнѣ. Я не стану разсказывать вамъ, какъ попалъ въ эту яму: это не интересно. Скажу лишь, что голодъ и совѣтъ человѣка, близкаго мнѣ тогда, состоявшаго подъ судомъ и думавшаго, что я смогу облегчить его участь, толкнули меня на этотъ ужасный шагъ.

«Скажу, что презиралъ себя все время, служа тамъ, презираю и сейчасъ. Но—знаете, что больно? То, что даже чуткій человѣкъ, какъ вы, не понялъ, очевидно, что надо было, навѣрное, каждому изъ насъ, охранниковъ, сжечь многое въ душѣ своей. Что страдали мы не въ то время, когда служили, а—раньше, тогда, когда не было уже выхода. Что общество, которое сейчасъ бросаетъ въ насъ грязью, не поддержало насъ, не протянуло намъ руку помощи и тогда. Вѣдь не всѣ такъ сильны, что могутъ отдавать все, не получая взамѣнъ ничего. *Если бы еще не было вѣры въ соціализмъ, въ партію,—а то, знаете, въ своей подлой головѣ я такъ разсуждалъ: слишкомъ малъ тотъ вредъ, который я могу причинить движенію, слишкомъ я вѣрю въ идею, чтобы не сумѣть работать такъ, что пользы будетъ больше, чѣмъ вреда.* Я не оправдываюсь, но мнѣ хотѣлось бы, чтобы психологія даже такого жалкаго существа, какъ провокаторъ, все же была бы уяснена вами. Вѣдь насъ—много—все лучшіе партійные работники. *Это не единоличное уродливое явленіе, а, очевидно, какая-то болѣе глубокая общая причина загнала насъ въ этотъ тупикъ.* Я прошу васъ: преодолѣйте отвращеніе, подойдите ближе къ душѣ предателя и скажите намъ всѣмъ: какіе именно мотивы руководили нами, когда мы, вѣря всей душой въ партію, въ соціализмъ, во все святое и чистое, могли «честно» служить въ охранкѣ и, презирая себя, все же находили возможнымъ жить?»

Тяжело жить на святой Руси.

Тяжело.

Грѣшатъ въ ней—скверно, каются во грѣхахъ—того хуже. Изумительна логика подчеркнутыхъ словъ о вѣрѣ въ соціализмъ. Могъ ли бы человѣкъ разсуждающій такъ странно и страшно, откусить ухо или палецъ любимой женщинѣ на томъ основаніи, что онъ любитъ всю ее, все тѣло и душу, а палецъ, ухо—такіе маленькіе сравнительно съ ней, цѣлой. Вѣроятно—не могъ бы. Но—вѣруя въ дѣло соціализма, любя партію, онъ отрываетъ одинъ за другимъ ея живые члены и думаетъ—искренно,—что пользы дѣлу отъ этого будетъ больше, чѣмъ вреда. Я повторяю вопросъ: искренно ли думаетъ онъ такъ? И боюсь, что—да, искренно, что это соображеніе явилось не послѣ факта, а родилось въ одну минуту съ фактомъ предательства. Оригинальнѣйшая черта русскаго человѣка—въ каждый данный моментъ онъ искрененъ. Именно эта оригинальность и является, какъ я думаю, источникомъ моральной сумятицы, среди которой мы привыкли жить. Вы посмотрите: вѣдь нигдѣ не занимаются такъ много, упорно вопросами и спорами, заботами о личномъ «самосовершенствованіи», какъ занимаются этимъ, очевидно, безплоднымъ дѣломъ у насъ.

Мнѣ всегда казалось, что именно этотъ родъ занятій создаетъ особенно густую и удушливую атмосферу лицемѣрія, лжи, ханжества. Особенно тяжелой и подавляющей эта атмосфера была въ кружкахъ «толстовцевъ», людей, которые чрезвычайно яростно занимались «самоугрызеніемъ».

Морали, какъ чувства органической брезгливости ко всему грязному и дурному, какъ инстинктивнаго тяготѣнія къ чистотѣ душевной и красивому поступку,—такой морали нѣтъ въ нашемъ обиходѣ. Ея мѣсто издавна занято холодными «отъ ума» разсужденіями о правилахъ поведенія, и разсужденія эти, не говоря объ ихъ отвратительной схоластикѣ, создаютъ ледяную атмосферу какого то безконечнаго, нуднаго и безстыднѣйшаго взаимоосужденія, подсиживанія другъ друга, заглядыванія въ душу вамъ косымъ и зоркимъ взглядомъ врага. И—сквернаго врага. Онъ не заставляетъ васъ напрягать всѣ ваши силы, изощрять весь разумъ, всю волю для борьбы съ нимъ.

Онъ—словесникъ. Единственно, чего онъ добивается,—доказать вамъ, что онъ умнѣе, честнѣе, искреннѣе и вообще—всячески лучше васъ. Позвольте ему доказать это—онъ обрадуется на минуту, а затѣмъ опустѣетъ, выдохнется, обмякнетъ, и станетъ ему скучно. Но ему не позволяютъ этого, къ сожалѣнію, а вступая съ нимъ въ споръ, сами развращаются, растрачивая паѳосъ на пустяки. И такъ словесникъ

плодитъ словесниковъ, такъ небогатыя наши чувства размѣниваются на звенящую мѣдь пустыхъ словъ.

Посмотрите, насколько ничтожно количество симпатій у каждаго и вокругъ каждаго изъ васъ, какъ слабо развито чувство дружбы, какъ горячи наши слова и чудовищно холодно отношеніе къ человѣку. Мы относимся къ нему пламенно только тогда, когда онъ, нарушивъ установленныя нами правила поведенія, даетъ намъ сладостную возможность судить его «судомъ неправеднымъ». Крестьянскія дѣти зимою по вечерамъ, когда скучно, а спать еще не хочется, ловятъ таракановъ и отрываютъ имъ ножки—одну за другой. Эта милая забава весьма напоминаетъ общій смыслъ нашего отношенія къ ближнему, характеръ нашихъ сужденій о немъ.

Авторъ письма, «товарищъ-провокаторъ», говоритъ о таинственной «общей причинѣ» загоняющей многихъ и загнавшей его «въ тупикъ».

Я думаю, что такая «общая причина» существуетъ и что это-очень сложная причина. Вѣроятно, одной изъ ея составныхъ частей служитъ и тотъ фактъ, что мы относимся другъ къ другу совершенно безразлично, это при условіи, если мы настроены хорошо. Мы не умѣемъ любить, не уважаемъ другъ друга—у насъ не развито вниманіе къ человѣку, о насъ давно уже и совершенно правильно сказано, что мы:

«Къ добру и злу постыдно равнодушны».

«Товарищъ-провокаторъ» очень искренно написалъ письмо, но я думаю, что причина его несчастія—именно вотъ это равнодушіе къ добру и злу.

На всю жизнь останутся въ памяти отвратительныя картины безумія, охватившаго Петроградъ днемъ 4-го іюля.

Вотъ, ощетинясь винтовками и пулеметами, мчится, точно бѣшеная свинья, грузовикъ-автомобиль, тѣсно набитый разношерстными представителями «революціонной арміи». Среди нихъ стоитъ встрепанный юноша и оретъ истерически:

— Соціальная революція, товарищи!

Какіе-то люди, еще не успѣвшіе потерять разумъ, безоружные, но спокойные, остановливаютъ гремящее чудовище и разоружаютъ его, выдергивая щетину винтовокъ. Обезоруженные солдаты и матросы смѣшиваются съ толпой, исчезаютъ въ ней; нелѣпая телѣга, опустѣвъ, грузно прыгаетъ по избитой грязной мостовой и тоже исчезаетъ, точно кошмаръ.

И ясно, что этотъ устрашающій выѣздъ къ „соціальной" революціи затѣянъ кѣмъ-то на-спѣхъ, необдуманно, и что глупость—имя силы, которая вытолкнула на улицу вооруженныхъ до зубовъ людей.

Вдругъ гдѣ-то щелкаетъ выстрѣлъ, и сотни людей судорожно разлетаются во всѣ стороны; гонимые страхомъ, какъ сухіе листья, вихремъ валятся на землю, сбивая съ ногъ другъ друга, визжатъ и кричатъ:

—Буржуи стрѣляютъ.

Стрѣляли, конечно, не „буржуи", стрѣлялъ не страхъ передъ революціей, а страхъ за революцію. Слишкомъ много у насъ этого страха. Онъ чувствовался всюду—и въ рукахъ солдатъ, лежащихъ на рогаткахъ пулеметовъ, и въ дрожащихъ рукахъ рабочихъ, державшихъ заряженныя винтовки и револьверы со взведенными предохранителями, и въ напряженномъ взглядѣ вытаращенныхъ глазъ. Было ясно, что эти люди не вѣрятъ въ свою силу. да едвали и понимаютъ, зачѣмъ они вышли на улицу съ оружіемъ.

Особенно характерна была картина паники на углу Невскаго и Литейнаго часа въ 3 вечера. Роты двѣ какихъ-то солдатъ и нѣсколько сотенъ публики смиренно стояли около ресторана Палкина и дальше, къ Знаменской площади, и вдругъ, точно силою какого-то злого ирноическаго чародѣя, всѣ эти рооруженные и безоружные люди превратились въ оголтѣлое стадо барановъ.

Я не смогъ уловить, что именно вызвало панику и заставило солдатъ стрѣлять въ пятый домъ отъ угла Литейнаго по Невскому—они начали палить по окнамъ и колоннамъ дома не цѣлясь, съ лихорадочной торопливостью людей, которые боятся, что вотъ, сейчасъ, у нихъ отнимутъ ружья. Стрѣляло человѣкъ десять, не болѣе, а остальные, побросавъ винтовки и знамена на мостовую, начали вмѣстѣ съ публикой ломиться во всѣ двери и окна, выбивая стекла, ломая двери, образуя на троттуарѣ кучи мяса, обезумѣвшаго со страха.

По мостовой. среди разбросанныхъ винтовокъ, бѣгала дѣвочка-подростокъ и кричала:

—Да это свои стрѣляютъ, свои же.

Я поставилъ ее за столбъ трамвая, она возмущенно сказала:

— Кричите, что свои...

Но всѣ уже исчезли, убѣжавъ на Литейный, Владимирскій, забившись въ проломанныя ими щели. а на мостовой валяются винтовки, шляпы, фуражки, и грязные торцы покрыты красными полотнищами знаменъ.

Я не впервые видѣлъ панику толпы, это всегда противно, но—никогда не испытывалъ я такого удручающаго, убійственнаго впечатлѣнія.

Вотъ это и есть тотъ самый «свободный» русскій народъ, который за часъ передъ тѣмъ, какъ испугаться самого себя, „отрекался отъ стараго міра“ и „отрясалъ его прахъ съ ногъ своихъ“. Эти солдаты революціонной арміи разбѣжались отъ своихъ же пуль, побросавъ винтовки и прижимаясь къ тротуару.

Этотъ народъ долженъ много потрудиться для того, чтобы пріобрѣсти сознаніе своей личности, своего человѣческаго достоинства, этотъ народъ долженъ быть прокаленъ и очищенъ отъ рабства, вскормленнаго въ немъ медленнымъ огнемъ культуры.

Опять культура? Да, снова культура. Я не знаю ничего иного, что можетъ спасти нашу страну отъ гибели. И я увѣренъ, что если та часть интеллигенціи, которая, боясь отвѣтственности, избѣгая опасностей, попряталась гдѣ-то и бездѣльничаетъ, услаждаясь критикой происходящаго, еслибъ эта интеллигенція съ первыхъ же дней свободы попыталась ввести въ хаосъ возбужденныхъ инстинктовъ иныя начала, попробовала возбудить чувства иного порядка,—мы всѣ не пережили бы множества тѣхъ гадостей, которыя переживаемъ. Если революція неспособна тотчасъ же развить въ странѣ напряженное культурное строительство,—тогда, съ моей точки зрѣнія, революція безплодна, не имѣетъ смысла, а мы — народъ, неспособный къ жизни.

Прочитавъ выжеизложенное, различные безстыдники, конечно, не преминутъ радостно завопить:

— А о роли ленинцевъ въ событіяхъ 4-го іюля-ни слова не сказано, ага! Вотъ оно гдѣ, лицемѣріе!

Я — не сыщикъ и не знаю, кто изъ людей наиболѣе повиненъ въ мерзостной драмѣ. Я не намѣренъ оправдывать авантюристовъ, мнѣ ненавистны и противны люди, возбуждающіе темные инстинкты массъ, какія бы имена эти люди ни носили и какъ бы ни были солидны въ прошломъ ихъ заслуги предъ Россией. Я думаю, что германская провокація событій 4-го іюля — дѣло возможное, но я долженъ сказать, что и злая радость, обнаруженная нѣкоторыми людьми послѣ событій 4-го, — тоже крайне подозрительна. Есть люди, которые такъ много говорятъ о свободѣ, о революціи и о своей любви къ нимъ, что рѣчи ихъ напоминаютъ сладкія рѣчи купцовъ, желающихъ продать товаръ возможно выгоднѣе.

Однако, главнѣйшимъ возбудителемъ драмы я считаю не «ленинцевъ», не нѣмцевъ, не провокаторовъ и тайныхъ контръ-революціонеровъ. а — болѣе злого, болѣе сильнаго врага — тяжкую россійскую глупость.

Въ драмѣ 4-го іюля больше всѣхъ другихъ силъ, создавшихъ драму, виновата именно наша глупость — назовите ее некультурностью, отсутствіемъ историческаго чутья, — какъ хотите.

«Пролетаріатъ — творецъ новой культуры», — въ этихъ словахъ заключена прекраеная мечта о торжествѣ справедливости, разума, красоты, мечта о побѣдѣ человѣка надъ звѣремъ и скотомъ; въ борьбѣ за осуществленіе этой мечты погибли тысячи людей всѣхъ классовъ.

Пролетаріатъ — у власти, нынѣ онъ получилъ возможность свободнаго творчества. Умѣстно и своевременно спросить — въ чемъ же выражается это творчество? Декреты „правительства народныхъ коммиссаровъ“ газетные фельетоны, не болѣе того. Это — литература, которую пишутъ „на водѣ вилами“ и хотя въ этихъ декретахъ есть цѣнныя идеи, — современная дѣйствительность не даетъ условій для реализацій этихъ идей.

Что-же новаго даетъ революція, какъ измѣняетъ она звѣриный русскій бытъ, много-ли свѣта вноситъ она во тьму народной жизни?

За время революціи насчитывается уже до 10 тысячъ „самосудовъ". Вотъ какъ судитъ демократія своихъ грѣшниковъ: около Александровкаго рынка поймали вора, толпа немедленно избила его и устроила голосованіе: какой смертью казнить вора: утопить или застрѣлить? Рѣшили утопить и бросили человѣка въ ледяную воду. Но онъ кое—какъ выплылъ и вылѣзъ на берегъ, тогда одинъ изъ толпы подошелъ къ нему и застрѣлилъ его.

Средніе вѣка нашей исторіи были эпохой отвратительной жестокости, но и тогда если преступникъ приговоренный судомъ къ смертной казни срывался съ висѣлицы — его оставляли жить.

Какъ вліяютъ самосуды на подростающее поколѣніе?

Солдаты ведутъ топить въ Мойкѣ до полусмерти избитаго вора, онъ весь облитъ кровью, его лицо совершенно разбито, одинъ глазъ вытекъ. Его сопровождаетъ толпа дѣтей; потомъ нѣкоторые изъ нихъ возращаются съ Мойки и, подпрыгивая на одной ногѣ, весело кричатъ:

Потопили, утопили!

Это — наши дѣти, будущіе строители жизни. Дешева будетъ жизнь человѣка въ ихъ оцѣнкѣ, а вѣдь человѣкъ — не надо забывать объ этомъ! — самое прекрасное и цѣнное созданіе природы, самое лучшее, что есть во вселенной. Война оцѣнила человѣка дешевле маленькаго куска свинца, этой оцѣнкой справедливо возмущались, упрекая за все „имперіалистовъ" — кого-же упрекнемъ теперь — за ежедневное, звѣрское избіеніе людей?

Въ силу цѣлаго ряда условій у насъ почти совершенно прекращено книгопечатаніе и книгоиздательство и, въ тоже время, одна за другою уничтожаются цѣннѣйшія библіотеки. Вотъ недавно разграблены мужиками имѣнія Худекова, Оболенскаго и цѣлый рядъ другихъ имѣній. Мужики развезли по домамъ все что имѣло цѣнность въ ихъ глазахъ, а библіотеки — сожгли, рояли изрубили топорами, картины изорвали. Предметы науки, искусства, орудія культуры не имѣютъ цѣны въ глазахъ деревни, — можно сомнѣваться имѣютъ-ли они цѣну въ глазахъ городской массы.

Книга — главнѣйшій проводникъ культуры и для того, чтобъ народъ получилъ въ помощь себѣ умную, честную книгу, работникамъ книжнаго дѣла можно-бы пойти на нѣкоторыя жертвы, — вѣдь они прежде всѣхъ и особенно заинтересованы въ томъ, чтобъ вокругъ нихъ создалась идеологическая среда, которая помогла-бы развитію и осуществленію ихъ идеаловъ.

Наши учителя, Радищевы, Чернышевскіе, Марксы — духовные дѣятели книгъ, жертвовали и свободой, и жизнью за свои книги. Чѣмъ облегчаютъ сейчасъ физическіе дѣлатели книгъ развитіе книжнаго дѣла?

Вотъ уже почти двѣ недѣли каждую ночь толпы людей грабятъ винные погреба, напиваются, бьютъ другъ друга бутылками по башкамъ, рѣжутъ руки осколками стекла и точно свиньи валяются въ грязи, въ крови. За эти дни истреблено вина на нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей и, конечно будетъ исреблено на сотни милліоновъ.

Если-бы этотъ цѣнный товаръ продать въ Швецію — мы могли-бы получить за него золотомъ или товарами, необходимыми странѣ—мануфактурой, лекарствами, машинами.

Люди изъ Смольнаго, спохватясь нѣсколько поздно, грозятъ за пьянство строгими карами, но пьяницы угрозъ не боятся и продолжаютъ уничтожать товаръ, который давно-бы слѣдовало реквизировать, объявить собственностью обнищавшей націи и выгодно, съ пользой для всѣхъ, продать.

Во время винныхъ погромовъ людей пристрѣливаютъ, какъ бѣшеныхъ волковъ, постепенно пріучая къ спокойному истребленію ближняго.

Въ «Правдѣ» пишутъ о пьяныхъ погромахъ какъ о «провокаціи буржуевъ»,—что, конечно, ложь, это «красное словцо», которое можетъ усилить кровопролитіе.

Развивается воровство, растутъ грабежи, безстыдники упражняются во взяточничествѣ такъ же ловко, какъ дѣлали это чиновники царской власти; темные люди, собравшіеся вокругъ Смольнаго, пытаются шантажировать запуганнаго обыва-

теля. Грубость «представителей народныхъ комиссаровъ» вызываетъ общія нареканія, и они — справедливы. Разная мелкая сошка, наслаждаясь властью, относится къ гражданину какъ къ побѣжденному, т. е. такъ же, какъ относилась къ нему полиція царя. Орутъ на всѣхъ, орутъ какъ булочники въ Конотопѣ или Чухломѣ. Все это творится отъ имени «пролетаріата» и во имя «соціальной революціи», и все это является торжествомъ звѣриннаго быта, развитіемъ той азіатчины, которая гноитъ насъ.

А гдѣ же и въ чемъ выражается тотъ «идеализмъ русскаго рабочаго» о которомъ такъ лестно писалъ Карлъ Каутскій?

Гдѣ же и какъ воплощается въ жизнь мораль соціализма,—«новая» мораль?

Ожидаю, что кто-нибудь изъ «реальныхъ политиковъ» воскликнетъ съ пренебреженіемъ ко всему указанному:

— Чего вы хотите? Это—соціальная революція!

Нѣтъ,—въ этомъ взрывѣ зоологическихъ инстинктовъ я не вижу ярко выраженныхъ элементовъ соціальной революціи. Это -- русскій бунтъ безъ соціалистовъ по духу, безъ участія соціалистической психологіи.

Революція углубляется...

Безшабашная демогогія людей, «угубляющихъ» революцію, даетъ свои плоды, явно гибельные для наиболѣе сознательныхъ и культурныхъ представителей соціальныхъ интересовъ рабочаго класса. Уже на фабрикахъ и заводахъ постепенно начинается злая борьба чернорабочихъ съ рабочими квалифицированными; чернорабочіе начинаютъ утверждать, что слесари, токари, литейщики и т. д. суть «буржуи».

Революція все углубляется во славу людей производящихъ опытъ надъ живымъ тѣломъ рабочаго народа.

А рабочіе, сознающіе трагизмъ момента, испытываютъ величайшую тревогу за судьбу революціи.

«Боюсь, — пишетъ мнѣ одинъ изъ нихъ — что не далекъ уже тотъ день, когда массы, не удовлетворившись большевизмомъ, навсегда разочаруются въ лучшемъ будущемъ, навсегда потеряютъ вѣру въ соціализмъ и повернутъ всѣ взоры опять къ прошлому, къ черному монархизму, и тогда дѣло освобожденія народовъ погибнетъ на сотни лѣтъ.

Я думаю, что это будетъ, ибо большевизмъ не осуществитъ всѣхъ чаяній некультурныхъ массъ, и вотъ, я не знаю, что намъ, находящимся среди этихъ массъ, дѣлать для того, чтобъ не дать угаснуть вѣрѣ въ соціализмъ и въ лучшую жизнь на землѣ».

«Положеніе мало-мальски развитого рабочаго въ средѣ обалдѣвшей массы становится похоже на то, какъ бы ты сталъ чужой для своихъ-же», сообщаетъ другой.

Эти жалобы слышатся все чаще, предвѣщая возможность глубокаго раскола въ нѣдрахъ рабочаго класса. А иные рабочіе говорятъ и пишутъ мнѣ:

— «Вамъ бы, товарищъ, радоваться, пролетаріатъ побѣдилъ!»

Радоваться мнѣ нечему, пролетаріатъ ничего и никого не побѣдилъ. Какъ самъ онъ не былъ побѣжденъ, когда полицейскій режимъ держалъ его за глотку, такъ и теперь, когда онъ держитъ за глотку буржуазію — буржуазія еще не побѣждена. Идеи не побѣждаютъ пріемами физическаго насилія. Побѣдители обычно — великодушны, — можетъ быть по причинѣ усталости, — пролетаріатъ не великодушенъ, какъ это видно по дѣлу С. В. Паниной, Болдырева, Кановалова, Бернацкаго, Корташева, Долгорукаго и другихъ, заключенныхъ въ тюрьму не извѣстно за что.

Кромѣ названныхъ людей въ тюрьмахъ голодаютъ тысячи, — да, тысячи! — рабочихъ и солдатъ.

Нѣтъ, пролетаріатъ не великодушенъ и несправедливъ, а вѣдь революція должна была утвердить въ странѣ возможную справедливость.

Пролетаріатъ не побѣдилъ, по всей странѣ идетъ междуусобная бойня, убиваютъ другъ друга сотни и тысячи людей. Въ «Правдѣ» сумасшедшіе люди науськиваютъ: бей буржуевъ, бей калединцевъ! Но буржуи и калединцы—вѣдь это все тѣ же солдаты — мужики, солдаты — рабочіе, это ихъ истребляютъ и это они разстрѣливаютъ красную гвардію.

Если-бъ междуусобная война заключалась въ томъ, что Ленинъ вцѣпился въ мелкобуржуазные волосы Милюкова, а Милюковъ трепалъ бы пышныя кудри Ленина.

— Пожалуйста! Деритесь, паны!

Но дерутся не паны, а холопы и нѣтъ причинъ думать, что эта драка кончится скоро. И не возрадуешься, видя какъ здоровыя силы страны погибаютъ, взаимно истребляя другъ друга. А по улицамъ ходятъ тысячи людей и, какъ будто бы сами надъ собой издѣваясь, кричитъ: «Да здравствуетъ миръ!»

Банки захватили? Это было-бы хорошо, если-бъ въ банкахъ лежалъ хлѣбъ, которымъ можно досыта накормить людей. Но хлѣба въ банкахъ нѣтъ и дѣти изо дня въ день недоѣдаютъ, среди нихъ растетъ истощеніе, растетъ смертность.

Междоусобная бойня окончательно разрушаетъ желѣзныя дороги:—если-бы мужики дали хлѣба, его не скоро подвезешь.

Но всего больше меня и поражаетъ, и пугаетъ то, что революція не несетъ въ себѣ признаковъ духовнаго возрожденія человѣка, не дѣлаетъ людей честнѣе, прямодушнѣе, не повышаетъ ихъ самооцѣнки и моральной оцѣнки ихъ труда.

Есть, конечно, люди, которые ходятъ «гоголемъ», напоминая циркового борца, успѣшно положившаго противника своего «на обѣ лопатки», — о этихъ людяхъ не стоитъ говорить. Но въ общемъ, въ массѣ—не замѣтно, чтобъ революція оживляла въ человѣкѣ это соціальное чувство. Человѣкъ оцѣнивается такъ же дешево, какъ и раньше. Навыки стараго быта, не исчезаютъ. «Новое начальство» столь-же грубо какъ старое, только еще менѣе внѣшне благовоспитанно. Орутъ и топаютъ ногами въ современныхъ участкахъ, какъ и прежде орали. И взятки хапаютъ, какъ и прежніе чинуши хапали, и людей стадами загоняютъ въ тюрьмы. Все старенькое, скверненькое пока не исчезаетъ.

Это плохой признакъ, онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что совершилось только перемѣщеніе физической силы, но это перемѣщеніе не ускоряетъ роста силъ духовныхъ.

А смыслъ жизни и оправданіе всѣхъ мерзостей ея только въ развитіи всѣхъ духовныхъ силъ и способностей нашихъ.

«Объ этомъ—преждевременно говорить, сначала мы должны взять въ свои руки власть».

Нѣтъ яда, болѣе подлаго, чѣмъ власть надъ людями, мы должны помнить это, дабы власть не отравила насъ, превративъ въ людоѣдовъ еще болѣе мерзкихъ, чѣмъ тѣ, противъ которыхъ мы всю жизнь боролись.

Стоитъ на берегу Фонтанки небольшая кучка обывателей и, глядя вдаль, на мостъ, запруженный черной толпою, разсуждаетъ спокойно, равнодушно:

— Воровъ топятъ.

— Много поймали?

— Говорятъ—трехъ.

— Одного, молоденькаго, забили.

— До смерти?

— А то какъ же?

— Ихъ обязательно надо до смерти бить, а то — житья не будетъ отъ нихъ...

Солидный, сѣдой человѣкъ, краснолицый и чѣмъ-то похожій на мясника, увѣренно говоритъ:

— Теперь — суда нѣтъ, значитъ должны мы сами себя судить...

Какой-то остроглазый, потертый человѣчекъ спрашиваетъ:

— А не очень-ли просто это,—если сами себя?

Сѣдой отвѣчаетъ лѣниво и не взглянувъ на него:

— Проще—лучше. Скорѣй, главное.

— Чу, воетъ!

Толпа замолчала, вслушиваясь. Издали, съ рѣки, доносится дикій, тоскливый крикъ.

* * *

Уничтоживъ именемъ пролетаріата старые суды, гг. народные комиссары этимъ самымъ укрѣпили въ сознаніи «улицы» ея право на «самосудъ»,—звѣриное право. И раньше, до революціи, наша улица любила бить, предаваясь мерзкому „спорту“ съ наслажденіемъ. Нигдѣ человѣка не бьютъ такъ часто, съ такимъ усердіемъ и радостью, какъ у насъ, на Руси. «Дать въ морду», «подъ душу», «подъ микитки», «подъ девятое ребро», «намылить шею», «накостылять затылокъ», «пустить

изъ носу юшку»—все это наши русскія, милыя забавы. Этимъ—хвастаются. Люди слишкомъ привыкли къ тому, что ихъ „съ измала походя бьютъ“, — бьютъ родители, хозяева, била полиція.

И вотъ теперь этимъ людямъ, воспитаннымъ истязаніями, какъ бы дано право свободно истязать другъ друга. Они пользуются своимъ «правомъ» съ явнымъ сладострастіемъ, съ невѣроятной жестокостью. Уличные „самосуды“ стали ежедневнымъ „бытовымъ явленіемъ“, и надо помнить, что каждый изъ нихъ все болѣе и болѣе расширяетъ, углубляетъ тупую болѣзненную жестокость толпы.

Рабочій Костинъ попытался защитить избиваемыхъ, — его тоже убили. Нѣтъ сомнѣнія, что изобьютъ всякаго, кто рѣшится протестовать противъ «самосуда» улицы.

Нужно ли говорить о томъ, что „самосуды“ никого не устрашаютъ, что уличные грабежи и воровство становятся все нахальнѣе?

Но самое страшное и подлое въ томъ, что растетъ жестокость улицы, и вина за это будетъ возложена на голову рабочаго класса: вѣдь, неизбѣжно скажутъ, что «правительство рабочихъ распустило звѣриные инстинкты темной уличной массы». Никто не упомянетъ о томъ, какъ страшно болитъ сердце честнаго и сознательнаго рабочаго отъ всѣхъ этихъ «самосудовъ», отъ всего хаоса расхлябавшейся жизни.

Я не знаю, что можно предпринять для борьбы съ отвратительнымъ явленіемъ уличныхъ кровавыхъ расправъ, но народные комиссары должны немедля предпринять что-то очень рѣшительное. Вѣдь не могутъ же они не сознавать, что отвѣтственность за кровь, проливаемую озвѣрѣвшей улицей падаетъ и на нихъ, и на классъ, интересы котораго они пытаются осуществить. Эта кровь грязнитъ знамена пролетаріата, она пачкаетъ его честь, убиваетъ его соціальный идеализмъ.

Больше, чѣмъ кто-либо, рабочій понимаетъ, что воровство, грабежъ, корыстное убійство—все это глубокія язвы соціальнаго строя, онъ понимаетъ, что люди не родятся убійцами и ворами, а — дѣлаются ими. И, — какъ это само собою разумѣется, — сознательный рабочій долженъ съ особенной силой бороться противъ „самосуда“ улицы надъ людьми, которыхъ нужда гонитъ къ преступленію противъ «священнаго института собственности».

Пріѣхалъ ко мнѣ изъ провинціи человѣкъ — одинъ изъ тѣхъ неукротимыхъ оптимистовъ, которые, «хоть имъ колъ на головѣ теши», не унываютъ, не охаютъ и которыхъ, къ сожалѣнію, мало у насъ на Руси.

Спрашиваю его:

— Ну, что у васъ новаго, интереснаго?

— Не мало, государь мой, не мало; а самое интересное и значительное — буржуй растетъ! Удивляетесь, смѣетесь? Я тоже сначала удивлялся, но не смѣясь, а печально, ибо — какъ же это? Соціалистическое отечество и вдругъ — буржуй растетъ! И такой, знаете, урожай на него, какъ на бѣлый грибъ сырымъ лѣтомъ. Мелкій такой буржуй, но — крѣпкій, ядреный, вижу. Присмотрѣлся внимательнѣе и рѣшилъ: что жъ подѣлаешь? Игра судьбы, которую на кривой не объѣдешь, рожонъ исторіи, противъ котораго не попрешь.

— Но — позвольте! Откуда же буржуй?

— Отовсюду: изъ мужика, который за время войны нажилъ немножко денжатъ, немножко — тысячи три, пятокъ, а кто и двадцать! Помѣщика пограбилъ — тоже доходъ не безгрѣшенъ, а — хорошъ. И все это невѣрно говорится и пишется у васъ, что мужикъ, будто, сталъ пьяницей, картежникомъ, — пьютъ тѣ, которые похуже, кому не жить; пьетъ соръ деревенскій, пустой народишко, издавна отравленный водкой, — ему, все равно, при всякомъ режимѣ вырожденіе суждено и смерть! Онъ, дѣйствительно, пьетъ разныя мерзости, отчего и умираетъ весьма быстро, тѣмъ самымъ освобождая деревню отъ хулиганства и всякой дряни. Тутъ дѣйствуетъ одинъ суровенькій закончикъ: какъ холера является экзаменомъ на обладаніе хорошимъ желудкомъ, такъ алкоголизмъ—экзаменъ общей стойкости организма. Нѣтъ, дрянцо человѣчье вымираетъ; конечно—жаль, но, все-таки, — утѣшительно! А что въ карты играютъ жестоко это вѣрно! Денегъ очень много у всѣхъ, ну и — балуются. Но примите во вниманіе, что выигрываетъ всегда наиболѣе хладнокровный и расчетливый игрокъ, такъ и въ этомъ нѣтъ бѣды. Идетъ законный подборъ: сильный одолѣваетъ слабаго.

Пришелъ солдатъ, онъ тоже принесъ не мало деньжонокъ и довольно успѣшно увеличиваетъ ихъ, пуская въ оборотъ. Солдаты образовали свои секціи и это имъ очень выгодно: у насъ содержаніе волостного комитета стоило 1.500 р., а сол-

даты взимаютъ теперь 52 тысячи. И вообще, если говорить просто, — грабежъ идетъ въ деревнѣ невѣроятный, но, какъ увидите, это не очень страшно... Прибавьте сюда бабу — она стала невѣроятно ловкой и умной стяжательницей.

Явился матросъ, тоже человѣкъ денежный, я видѣлъ двухъ, которые не скрывая говорятъ, что у нихъ «накоплено» по 30 тысячъ. Какимъ образомъ? А они, видите-ли, послѣ того, какъ армія ушла, турецкихъ армянъ перевозили на миноносцахъ въ русскіе порты, за что взималось по тысячѣ рублей съ каждой армянской головы.

— Но чего же стоятъ теперешніе деньги?

— Не безпокойтесь, это учтено! Деньгами не дорожатъ, ихъ не прячутъ: мелкія, размѣнныя бумажки держатъ при себѣ, а крупныя суммы обращаютъ въ имущество, покупаютъ все, что имѣетъ болѣе или менѣе устойчивую цѣну. А посмотрѣли бы вы, какъ заботится новый мужикъ о пріобрѣтеніи и размноженіи скота! Особенно бабы! О, это удивительный народъ по жадности своей къ накопленію! Мало того, — есть уже настолько проницательные люди, что уже начинаютъ учитывать возможныя потребности будущаго. Такъ, напримѣръ, въ волости въ моей, девять человѣкъ солдатъ, крестьянъ и какой-то матросъ затѣяли кирпичный заводъ. Губернія у насъ не очень лѣсная, но, все таки, и не безлѣсная,—къ чему бы имъ заводъ, вдали отъ желѣзной дороги? «А, видите ли, товарищъ, мы такъ расчитываемъ, что когда все утихомирится, народъ станетъ кирпичные дома строить, потому что теперь у многихъ имущества дорогого довольно накоплено, такъ изба то ужъ не годится!» У насъ въ городѣ вахмистръ случный пунктъ для лошадей устроилъ, трехъ жеребцовъ завелъ, думаетъ расширить дѣло до настоящаго конскаго завода. И такихъ начинаній не мало, о нихъ слышишь повсюду.

— Ну да, конечно, до соціализма отсюда далеко, но вѣдь было бы наивно расчитывать на деревенскій соціализмъ у насъ, на Руси. Расчитывали? Что жъ—ошиблись, а «ошибка въ фальшъ не ставится». А суть въ томъ, что деревня родитъ буржуя, очень крѣпкаго и знающаго себѣ цѣну. Это, государь мой, будетъ, видимо, настоящій хозяинъ своей земли, человѣкъ съ «отечествомъ». Попробуйте-ка у этого господина отнять то, что онъ считаетъ своимъ! Онъ вамъ покажетъ, онъ, вѣдь, теперь вооруженный человѣкъ. И если онъ первое время, можетъ быть, набросится на дешевый нѣмецкій товаръ, такъ это не надолго: пройдетъ лѣтъ десятокъ, онъ пойметъ настоящую культурную цѣнность своего дешеваго товара и не постѣснится снова вступить съ нѣмцемъ въ драку.

— Да, вотъ какъ вышло: соціализмъ родилъ буржуя! Конечно — много разбито и ограблено, однако, награбленное пока еще не ушло изъ Россіи, а только распредѣлилось среди бо̂льшаго количества ея жителей. «Буржуя» стало больше на землѣ нашей и я говорю вамъ, что хотя это и мелкій, но очень крѣпкій буржуй—онъ себя покажетъ!

— А рабочій классъ?

— И рабочему классу онъ покажетъ себя, если рабочій не пойдетъ по путямъ крестьянской политики, не захочетъ понять всей важности деревенскихъ интересовъ.

...Все это звучитъ нѣсколько иронически и каррикатурно, однако, мнѣ кажется, что въ этомъ разсказѣ есть весьма значительная доля правды, а всякая правда должна быть сказана вслухъ на поученіе наше.

Мы плохо знаемъ, какъ живетъ современная деревня, лишь изрѣдка и случайно доносятся «изъ глубины Россіи» голоса ея живыхъ людей—вотъ почему я нахожу нужнымъ опубликовать нижеприведенное письмо, полученное мною надняхъ.

«Глубокоуважаемый другъ и товарищъ!» Затѣмъ слѣдуетъ нѣколько строкъ дружескихъ изліяній, а суть письма — вотъ какова: «Новаго у насъ въ селѣ за послѣднее время очень много, въ особенности за послѣднюю недѣлю. 3 и 4 апрѣля пришлось пережить намъ всѣмъ, Басьцамъ, весьма тяжелое время въ нашей жизни, а именно: 3 апрѣля къ намъ, въ село Баську, пріѣзжали красногвардейцы, около 300 человѣкъ, которые ограбили всѣхъ состоятельныхъ домохозяевъ, т. е. взяли контрибуцію, съ кого тысячу, съ кого двѣ и до шести тысячъ рублей, всего съ нашего села собрали 85.350 руб., которые и увезли съ собой, а сколько, кромѣ того, ограбили разнаго добра

у нашихъ гражданъ, хлѣбомъ, мукою, одеждой и проч., то тѣмъ и подсчета вести нѣтъ возможности, а у Сергѣя Тимофѣевича взяли жеребца, но только не пришлось имъ воспользоваться: только доѣхали до села Толстовки, онъ и палъ, около церкви. А сколько пороли нагайками людей, трудно описать, и такъ сильно пороли, что отъ одного воспоминанія волосы дыбомъ становятся, это прямо ужасно! Эти два дня провели наши Басьцы въ такомъ страхѣ, что всѣхъ ужасовъ описать не хватитъ силъ. Всѣмъ казалось, что легче пережить муки ада, нежели истязанія этихъ разбойниковъ.

Больше особыхъ новостей въ нашемъ селѣ нѣтъ, а въ Барановкѣ, Болдасьевѣ и Славкинѣ, послѣ отъѣзда красной гвардіи, по примѣру этихъ разбойниковъ, сами, бѣднѣйшій классъ, начали грабить состоятельныхъ гражданъ своего села, даже дѣлаютъ набѣги на другія села въ ночное время. Словомъ, здѣсь жизнь становится невыносимой. Затѣмъ досвиданья, ждемъ васъ въ гости, а пока—будьте здоровы».

Эпическая простота разсказа какъ нельзя убѣдительнѣе свидѣтельствуетъ о правдивости автора, изобличая въ немъ настоящаго русскаго человѣка, изъ тѣхъ, которые издавна ко всему притерпѣлись, и если говорятъ о «мукахъ ада», такъ это больше для краснаго словца, чѣмъ изъ чувства возмущенія грабежомъ и побоями. Это человѣкъ, который видѣлъ, какъ «бѣднѣйшій крестьянинъ», послуживъ въ солдатахъ, возвратился въ деревню крестьяниномъ «богатѣйшимъ»; теперь онъ наблюдаетъ, какъ этого «богатѣйшаго» снова превращаютъ въ «бѣднѣйшаго»; онъ знаетъ, что когда красногвардейцы, обѣднивъ «богатѣйшихъ», встанутъ на ихъ мѣсто, то и красногвардейцевъ можно будетъ пограбить.

Онъ считаетъ эту чехарду «невыносимой», однако, не настолько, чтобы отказаться видѣть своего пріятеля въ гостяхъ у себя. Чехарда возмущаетъ его умъ, но, кажется, не очень глубоко задѣваетъ чувство справедливости и весьма возможно, что онъ съ увѣренностью ждетъ своей очереди превращать богатѣйшихъ въ бѣднѣйшихъ. Все это похоже на каррикатуру, на фарсъ, но—къ сожалѣнію, это «правда жизни», вызванная изъ нѣдръ деревенской зоологіи лозунгомъ жизни «грабь награбленное!»

Вотъ и грабятъ усердно «эти бѣдныя селенья», съ которыхъ можно собирать 85 тысячъ рублей, грабятъ, ибо очень

твердо запомнили неглупую поговорку, созданную цинизмомъ хищниковъ и тупымъ отчаяніемъ неудачниковъ: „отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ“. Каторжный мужицкій трудъ, цѣликомъ зависимый отъ благорасположенія стихій и руководимый древними навыками, а не новѣйшими успѣхами знанія, не способенъ развить вкусъ къ «праведному», упорному и честному труду, а ходъ исторіи экономическаго развитія Россіи даже и кретина способенъ убѣдить въ томъ, что поистинѣ «собственность—есть кража».

И вотъ — грабятъ, воруютъ, поощряемые свыше премудрой властью, возгласившей народу и міру новѣйшій лозунгъ соціальнаго благоустройства:

— Сарынь на кичку!—что въ переводѣ на языкъ текущаго дня и значитъ:

— Грабь награбленное!

Вспоминаются стихи изъ фарса Шумахера:

«Винить-ли мужика за то, что онъ мужикъ?
«Отъ колыбели онъ быть таковымъ привыкъ».

Винить слѣдуетъ не мужика—онъ только послушно идетъ по пути, предуказанному его темной волѣ людьми мудрыми, людьми разума.

У насъ, на Руси, о культурѣ слѣдуетъ говорить безконечно — и еще столько же.

Пришелъ ко мнѣ поэтъ-самоучка, такой здоровый, гладкій молодецъ лѣтъ 20-ти, съ добрыми—не безъ хитрецы—глазами, прочиталъ мнѣ полсажени довольно немудрыхъ стиховъ и вдругъ въ ушахъ моихъ звучитъ слѣдующее двустишие:

«Лукавый тевтонъ, подъ искусною маской,
Задумалъ въ Россію культуру ввести»!

Спрашиваю поэта:

— Не объясните ли вы мнѣ — что такое, по вашему, культура?

Онъ придалъ недодѣланному лицу своему выраженіе снисходительное и объяснилъ:

— Я понимаю культуру, какъ всякое стѣсненіе человѣка, примѣрно: организаціи, партіи и вообще все, что противъ свободы личности.

— Вы анархистъ?

— Нѣтъ, я съ ними поссорился, они тоже—партія и заставляютъ книги читатъ.

— А вы не любите читать?

— Романы и стихи читаю, только не очень, это мнѣ мѣшаетъ свои стихи сочинять, начитаешься, а у самого ничего ужъ и не выходитъ. Поэтъ долженъ беречь себя, никому не поддаватся, а черпать вдохновеніе въ своей душѣ.

— Какіо же вы стихи читали?

— Сѣверянина, потомъ еще нѣкоторыхъ... много! Только согласенъ съ однимъ—не помню имя—который говоритъ:

Не учись по этимъ книгамъ,
Что лежать передъ тобою,
Лицемѣры ихъ писали,
Вознесенные толпой...

— Это очень вѣрно сказано—вы согласны?

— Разныя книги есть...

Онъ живо перебилъ меня:

— Нѣтъ, для поэта всякое чужое—вредно, онъ долженъ жить только своимъ. Да и всѣ вообще русскіе должны жить своимъ, мы народъ особенный, вотъ,—никто не можетъ отказаться воевать, а мы отказались!

— Ну гдѣ же отказались? Другъ друга-то бьемъ и прежестоко!

— Это наше внутреннее дѣло. А нѣмецкой или французской культуры, все-таки, не примемъ—вонъ, они дерутся, какъ звѣри, все одно! Срамъ!

— Вы—крестьянинъ?

— Да. Только я не считаю себя никѣмъ, я не люблю деревню и мужиковъ тоже, это люди чужіе мнѣ, понять меня они не могутъ.

Круглое полудѣтское лицо его стало грустно, свѣтлые глаза обиженно прищурились, онъ погладилъ чистенько вымытой рукой волосы, завитые на концахъ въ колечки и тяжело вздохнулъ. Совсѣмъ—страдалецъ. Не понятая душа.

Когда я сказалъ ему, что на мой взглядъ, онъ не умѣетъ писать стиховъ и что ему нужно учиться, онъ не повѣрилъ мнѣ, но, кажется, не очень обидѣлся.

— Учиться,—сказалъ онъ, задумчиво хмурясь,—значитъ —быть, какъ всѣ? Не гожусь я для этого, я хочу жить самъ по себѣ. Гимназисты, студенты—всѣ одинаковы. Нѣтъ, ужъ я какъ-нибудь самъ добьюсь...

Онъ ушелъ огорченный и я знаю, что года два-три, а, можетъ, и пять онъ безполезно для себя убьетъ, «добиваясь» неосуществимой для него возможности быть не похожимъ на другихъ.

А черезъ пять лѣтъ онъ приткнется къ какому-нибудь сытному дѣлу и будетъ дѣлать его неглупо, не очень охотно, будетъ жить съ великой обидой на людей вообще и съ презрѣніемъ ко всѣмъ, кто—такъ или иначе—будетъ зависимъ отъ него.

Г-жа З. Г. пишетъ мнѣ:

«Я могу представить себѣ десятки, даже сотни мужиковъ, способныхъ принять культуру, но когда я подумаю, что всѣ мужики и бабы научатся чистить ногти или сморкаться въ платки—это кажется мнѣ смѣшной утопіей».

Ветеринаръ А. Н. разсуждаетъ о культурѣ такъ:

«Въ самомъ словѣ «культура» ясно видѣнъ ея смыслъ—культъ, религія. Культура можетъ развиваться только на религіозной почвѣ и это будетъ истинная культура, а все остальное—культура вещей, внѣшнее и отъ лукаваго. Въ эти дни, когда человѣкъ озвѣрѣлъ, спасти его можетъ только возвращеніе къ Богу, ко Храму, къ наивной вѣрѣ: „Будьте, какъ дѣти», вотъ что надо сказать людямъ, вотъ чему надо ихъ учить, а вы учите—будьте, какъ звѣри. Это—вліяніе германское, вліяніе поганыхъ книгъ Ницше, Маркса, Конта и другихъ іезуитовъ, придумавшихъ всѣ эти идеи спеціально только для насъ, русскихъ, ибо нѣмецъ знаетъ, что мы падки на идеи, какъ жерехъ на навозныхъ червей».

«Противно и гадко говорить о культурѣ, когда мужики сыты, а интеллигенція голодаетъ» — пишетъ учительница, а «группа молодежи» убѣждена:

«Это къ лучшему, что съ людей сходитъ все внѣшнее, возложенное ими на себя по долгу, по ученію святыхъ отцовъ литературы, философіи и науки,—слиняетъ, сойдетъ все это и человѣкъ дѣйствительно будетъ свободенъ. Можетъ быть, онъ снова приметъ то же самое, что отвергъ, но на время ему необходимо пожить безъ идей, принциповъ и всякихъ традицій—довольно ужъ литературы, культуры, соціализма и всего этого».

Можно привести еще десятокъ столь же самобытныхъ мнѣній о культурѣ, мнѣній, свидѣтельствующихъ о развитіи мысли въ родныхъ Тамбовско-Калуцкихъ школахъ философіи, но и цитированныя съ достаточной убѣдительностью свидѣтельствуютъ о томъ, что ощущеніе жизни, у насъ становится острѣе, а пониманіе ея смысла и цѣлей — тупѣетъ. Ну, а тѣ правила общественнаго поведенія, тѣ навыки взаимоотношеній, которые могутъ быть построены на остромъ зоологическомъ ощущеніи жизни, не обѣщаютъ намъ радостей, они еще болѣе усугубятъ всеобщее одичаніе, которому, не сопротивляясь, подчиняется не только деревня, но и городъ, не только народъ, но и такъ называемые «полуинтеллигенты».

Отсюда еще разъ, съ полной очевидностью вытекаетъ необходимость культурно-просвѣтительной работы — немедленной, планомѣрной, всесторонней и упорной.

Наблюдая работу революціонеровъ нашихъ дней, ясно различаешь два типа: одинъ — такъ сказать, вѣчный революціонеръ, другой—революціонеръ на время, на сей день.

Первый, воплощая въ себѣ революціонное Прометеево начало, является духовнымъ наслѣдникомъ всей массы идей, двигающихъ человѣчество къ совершенству, и эти идеи воплощены не только въ разумѣ его, но и въ чувствахъ, даже въ области подсознательнаго. Онъ—живое, трепетное звено безконечной цѣпи динамическихъ идей и при любомъ соціальномъ строѣ онъ, всей совокупностью своихъ чувствъ и мнѣній, принужденъ на всю жизнь остаться неудовлетвореннымъ, ибо знаетъ и вѣритъ, что человѣчество имѣетъ силу безконечно создавать изъ хорошаго—лучшее.

Онъ жарко любитъ вѣчно юную истину, но не на столько чувственно и физически, чтобы вбивать ее кулакомъ въ сердце и головы людей, которые порабощены мертвой правдой прошлаго или неизлѣчимо влюблены въ отжившее. Вообще же люди для него — неисчерпаемая живая, нервная сила, вѣчно творящая новыя ощущенія, мысли, идеи, вещи, формы быта. Онъ хотѣлъ бы оживить, одухотворить весь мозгъ міра, сколько его имѣется въ черепахъ всѣхъ людей земли, но, преслѣдуя эту его единственную и дѣйствительно революціонную цѣль, онъ не способенъ прибѣгать къ тѣмъ или инымъ пріемамъ насилія надъ человѣкомъ иначе, какъ въ случаяхъ неустранимой необходимости и съ чувствомъ органическаго отвращенія ко всякому акту насилія.

Онъ твердо знаетъ, что, по вѣрному слову одного изъ замѣчательныхъ русскихъ мыслителей, «ужасъ исторіи и величайшее ея несчастіе заключается въ томъ, что человѣкъ жестоко оскорбленъ», — оскорбленъ природой, которая создавъ его, бросила въ пустыню міра звѣремъ среди звѣрей, предоставивъ ему для развитія и совершенствованія тѣ же условія, какъ и всякому другому звѣрю; оскорбленъ богами, которыхъ онъ, въ страхѣ и радости предъ силами природы, создалъ слишкомъ поспѣшно, неумѣло и слишкомъ «по образу и подобію своему»; безконечно оскорбленъ хитрымъ или сильнымъ ближнимъ и—всего горше—самимъ собою, своими колебаніями между древнимъ звѣремъ и новымъ человѣкомъ.

Но у революціонера вѣчнаго нѣтъ чувства личной обиды на людей, онъ всегда умѣетъ встать выше личнаго и побороть въ себѣ мелкое, злое желаніе мести людямъ за пытки и муки, нанесенныя ему.

Его идеалъ — человѣкъ, физически сильный, красивый звѣрь, но эта красота физическая—въ полной гармоніи съ духовной мощью и красотой. Человѣческое — это духовное, то, что создано разумомъ, изъ разума—наука, искусство и смутно ощущаемое все большимъ количествомъ людей сознаніе единства ихъ цѣлей, интересовъ. Вѣчный революціонеръ стре-

мится всѣми силами духа своего углубить и расширить это сознаніе, чтобы оно охватило все человѣчество, и, расширивъ и разрушивъ все, дробящее людей на расы, націи и классы, создало въ мірѣ единую семью работниковъ-хозяевъ, создающихъ всѣ сокровища и радости жизни для себя.

Измѣненія соціальныхъ условій бытія къ лучшему для вѣчнаго революціонера—только ступень безконечной лѣстницы, возводящей человѣчество на должную высоту, и онъ не забываетъ, что именно въ этомъ—смыслъ историческаго процесса, въ которомъ онъ лично является одною изъ безчисленныхъ необходимостей.

Вѣчный революціонеръ—это дрожжа, непрерывно раздражающая мозги и нервы человѣчества, это—или геній, который, разрушая истины, созданныя до него, творитъ новыя, или — скромный человѣкъ, спокойно увѣренный въ своей силѣ, сгорающей тихимъ, иногда почти невидимымъ огнемъ, освѣщая пути къ будущему.

Революціонеръ на время, для сего дня,—человѣкъ, съ болѣзненной остротой чувствующій соціальныя обиды и оскорбленія — страданія, наносимыя людьми. Принимая въ разумъ внушаемыя временемъ революціонныя идеи, онъ по всему строю чувствованій своихъ, остается консерваторомъ, являя собою печальное, часто трагикомическое зрѣлище существа, пришедшаго въ люди, какъ бы нарочно для того, чтобы исказить, опорочить, низвести до смѣшного, пошлаго и нелѣпаго культурное, гуманитарное, общечеловѣческое содержаніе революціонныхъ идей.

Онъ прежде всего обиженъ за себя, за то, что не талантливъ, не силенъ, за то, что его оскорбляли, даже за то, что нѣкогда онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, былъ въ ссылкѣ, влачилъ тягостное существованіе эмигранта. Онъ весь насыщенъ, какъ губка, чувствомъ мести и хочетъ заплатить сторицею обидѣвшимъ его. Идеи, принятыя имъ только въ разумъ, но не вросшія въ душу ему, находятся въ прямомъ и непримиримомъ противорѣчіи съ его дѣяніями, его пріемы борьбы съ врагомъ тѣ же самые, что примѣнялись врагами къ нему, иныхъ пріемовъ онъ не вмѣщаетъ въ себѣ.

Взбунтовавшійся на время рабъ карающаго, мстительнаго бога, онъ не чувствуетъ красоты бога милосердія, всепрощенія и радости. Не ощущая своей органической связи съ прошлымъ

міра, онъ считаетъ себя совершенно освобожденнымъ, но внутренно скованъ тяжелымъ консерватизмомъ зоологическихъ инстинктовъ, опутанъ густой сѣтью мелкихъ, обидныхъ впечатлѣній, подняться надъ которыми у него нѣтъ силъ. Навыки его мысли понуждаютъ его искать въ жизни и въ человѣкѣ прежде всего явленія и черты отрицательныя; въ глубинѣ души, онъ исполненъ презрѣнія къ человѣку, ради котораго однажды или стократно пострадалъ, но который самъ слишкомъ много страдаетъ для того, чтобы замѣтить или оцѣнить мученія другого. Стремясь измѣнить внѣшнія формы соціальнаго бытія, революціонеръ сего дня не въ состояніи наполнить новыя формы новымъ содержаніемъ и вносить въ нихъ тѣ же чувства, противъ которыхъ боролся. Если бы—чудомъ или насиліемъ—ему удалось создать новый бытъ, онъ первый почувствовалъ бы себя чуждымъ и одинокимъ, въ атмосферѣ этого быта, ибо, въ сущности своей, онъ не соціалистъ, даже не пресоціалистъ, а—индивидуалистъ.

Онъ относится къ людямъ, какъ бездарный ученый къ собакамъ и лягушкамъ, предназначеннымъ для жестокихъ научныхъ опытовъ, съ тою, однако, разницей, что и бездарный ученый, мучая животныхъ безполезно, дѣлаетъ это ради интересовъ человѣка, тогда какъ революціонеръ сего дня далеко не постоянно искрененъ въ своихъ опытахъ надъ людьми.

Люди для него — матеріалъ, тѣмъ болѣе удобный, чѣмъ менѣе онъ одухотворенъ. Если же степень личнаго и соціальнаго самосознанія человѣка возвышается до протеста противъ чисто внѣшней, формальной революціонности, революціонеръ сего дня, не стѣсняясь, угрожаетъ протестантамъ карами, какъ это дѣлали и дѣлаютъ многіе представители очерченнаго типа.

Это холодный фанатикъ, аскетъ, онъ оскопляетъ творческую силу революціонной идеи и, конечно, не онъ можетъ быть названъ творцомъ новой исторіи, не онъ будетъ ея идеальнымъ героемъ.

Можетъ быть, его заслуга въ томъ, что разбудивъ въ человѣческой массѣ древняго жестокаго звѣря, онъ этимъ приблизилъ смерть звѣринаго начала?

Жестокость утомляетъ и можетъ, наконецъ внушить органическое отвращеніе къ ней, а въ этомъ отвращеніи — ея гибель.

Мы, кажется, начинаемъ воспитывать въ себѣ именно физіологическое отвращеніе ко всему кровавому, жестокому, грязному—нужно, чтобы это отвращеніэ росло, чтобы оно стало идіосинкразіей большинства.

Новый строй политической жизни требуетъ отъ насъ и новаго строя души.

Разумѣется, — въ два мѣсяца не переродишься, однако, чѣмъ скорѣе мы позаботимся очистить себя отъ пыли и грязи прошлаго, тѣмъ крѣпче будетъ наше духовное здоровье, тѣмъ продуктивнѣе работа по созданію новыхъ формъ соціальнаго бытія.

Мы живемъ въ бурѣ политическихъ эмоцій, въ хаосѣ борьбы за власть, эта борьба возбуждаетъ рядомъ съ хорошими чувствами весьма темные инстинкты. Это — естественно, но это не можетъ грозить нѣкоторымъ искривленіемъ психики, искусственнымъ развитіемъ ея въ одну сторону. Политика — почва, на которой быстро и обильно разрастается чертополохъ ядовитой вражды, злыхъ подозрѣній, безстыдной лжи, клеветы, болѣзненныхъ честолюбій, неуваженіе къ личности, — перечислите все дурное, что есть въ человѣкѣ, — все это особенно ярко и богато разрастается именно на почвѣ политической борьбы.

Для того, чтобы не быть задушеннымъ чувствами одного порядка, слѣдуетъ не забывать о чувствахъ порядка иного.

Вражда между людьми не есть явленіе нормальное — лучшія наши чувства, величайшія наши идеи направленны именно къ уничтоженію въ мірѣ соціальной вражды. Эти лучшія чувства и мысли я бы назвалъ «соціальнымъ идеализмомъ», — именно его сила позволитъ намъ преодолѣвать мерзости жизни и неустанно, упрямо стремиться къ справедливости, красотѣ жизни, къ свободѣ. На этомъ пути мы создали героевъ, великомучениковъ ради свободы, красивѣйшихъ людей земли, и все прекрасное, что есть въ насъ, воспитанно этимъ стремленіемъ. Наиболѣе успѣшно и могуче будитъ въ нашей душѣ

ея добрыя начала сила искусства. Какъ наука является разумомъ міра, такъ искусство — сердце его. Политика и религія разъединяетъ людей на отдѣльныя группы, искусство, открывая въ человѣкѣ общечеловѣческое, соединяетъ насъ. Ничто не выпрямляетъ душу человѣка такъ мягко и быстро, какъ вліяніе искусства, науки.

Право пролетаріата на вражду съ другими классами всесторонне и глубоко обосновано. Но, въ то же время, именно пролетаріатъ вноситъ въ жизнь великую и благостную идею новой культуры,—идею всемірнаго братства. А потому именно пролетаріатъ первый долженъ отбросить, какъ негодное для него, старые навыки отношенія къ человѣку, именно онъ долженъ особенно настойчиво стремиться къ расширенію и углубленію души — вмѣстилища впечатлѣній бытія. Для пролетарія дары искусства и науки должны имѣть высшую цѣнность,—для него это не праздная забава, а пути углубленія въ тайны жизни. Мнѣ странно видѣть, что пролетаріатъ, въ лицѣ своего мыслящаго и дѣйствующаго органа — Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, относится такъ равнодушно и безразлично къ отсылкѣ на фронтъ, на бойню солдатъ-музыкантовъ, художниковъ, артистовъ драмы и другихъ нужныхъ его душѣ людей. Вѣдь, посылая на убой свои таланты, страна истощаетъ сердце свое, народъ отрываетъ отъ плоти своей лучшіе куски. И—для чего? Быть можетъ, только для того, чтобъ русскій талантливый человѣкъ убилъ талантливаго художника-нѣмца? Подумайте, какая это нелѣпость, какая страшная насмѣшка надъ народомъ. Подумайте и надъ тѣмъ, какую массу энергіи затрачиваетъ народъ для того, чтобы создать талантливаго выразителя своихъ чувствъ, мыслей своей души.

Неужели эта проклятая бойня должна превратить и людей искуства, дорогихъ намъ, въ убійцъ и трупы?

Въ первые же дни революціи какіе-то безстыдники выбросили на улицу кучи грязныхъ брошюръ, отвратительныхъ разсказовъ на темы «изъ придворной жизни». Въ этихъ брошю-

рахъ рѣчь идетъ о «самодержавной Алисѣ», о «распутномъ Гришкѣ», о Вырубовой и другихъ фигурахъ мрачнаго прошлаго.

Я не стану излагать содержанія этихъ брошюръ — оно невѣроятно грязно, глупо и распутно. Но этой ядовитой грязью питается юношество, брошюрки имѣютъ хорошій сбытъ и на Невскомъ, и на окраинахъ города. Съ этой отравой нужно бороться, я не знаю — какъ именно, но нужно бороться тѣмъ болѣе, что рядомъ съ этой пакостной «литературой» болѣзненныхъ и садическихъ измышленій, на книжномъ рынкѣ слишкомъ мало изданій, требуемыхъ моментомъ.

Грязная «литература» особенно вредна, особенно прилипчива именно теперь, когда въ людяхъ возбуждены всѣ темные инстинкты, и еще не изжиты чувства негодованія, обиды — чувства, возбуждающія месть. Намъ слѣдуетъ помнить, что мы переживаемъ не только экономическую разруху, но и соціальное разложеніе, всегда и неизбѣжно возникающее на почвѣ экономическаго развала.

Безспорно, часть вины за то, что мы безсильны и бездарны, мы имѣемъ право возложить на тѣ силы, которыя всегда стремились держать насъ далеко въ сторонѣ отъ живого дѣла общественнаго строительства. Безспорно, что Русь воспитывали и воспитываютъ педагоги, политически еще болѣе бездарные, чѣмъ нашъ рядовой обыватель. Неоспоримо, что всякая наша попытка къ самодѣятельности встрѣчала уродливое сопротивленіе власти, болѣзненно самолюбивой и занятой исключительно охраной своего положенія въ странѣ. Все это — безспорно, однако, слѣдуетъ, не боясь правды, сказать, что и насъ похвалить не за что. Гдѣ, когда и въ чемъ за послѣдніе годы неистовыхъ издѣвательствъ надъ русскимъ обществомъ въ его цѣломъ — надъ его разумомъ, волей, совѣстью — въ чемъ и какъ обнаружило общество свое сопротивленіе злымъ и темнымъ силамъ жизни? Какъ сказалось его гражданское самосознаніе, хулигански отрицаемое всѣми, кому была дана власть на это отрицаніе? И въ чемъ, кромѣ краснорѣчія да эпиграммъ, выразилось наше оскорбленное чувство собственнаго достоинства?

Нѣтъ, надо знать правду: мы сами расшатаны морально не менѣе, чѣмъ силы, враждебныя намъ.

Мы живемъ въ дни грозныхъ событій, глубина которыхъ, очевидно, не можетъ быть правильно понята нами, и трагизмъ дней — не чувствуется; менѣе всего въ эту пору слѣдовало бы обращать вниманія на авантюры уголовнаго характера, какъ бы онѣ ни были внѣшне занятны. Очень вѣроятно, что намъ слѣдуетъ быть готовыми принять и еще не одну такую же авантюру, но нельзя забывать, что не столько важенъ фактъ преступленія самъ по себѣ, какъ важна его воспитательная, соціально-педагогическая сила. Исторія воспитываетъ людей духовно-здоровыхъ и уничтожаетъ больныхъ. Скандалъ можетъ развратить первыхъ и еще болѣе искажаетъ міропониманіе вторыхъ. Людей духовно нездоровыхъ среди насъ слишкомъ много — событія угрожаютъ еще увеличить количество таковыхъ. Ножъ, револьверъ и все прочее этого порядка — только бутафорія изъ мелодрамы, не этимъ творится нормальная жизнь, и пора понять, что между исторіей и скандаломъ, какъ бы онъ ни былъ громокъ, нѣтъ ничего общаго.

Самые страшные люди — это люди, которые не знаютъ, чего они хотятъ, а потому необходимо употребить всю нашу волю на дѣло выработки вполнѣ ясныхъ желаній. Мы стоимъ предъ необходимостью совершить нѣкій историческій подвигъ, а всякій подвигъ требуетъ концентраціи воли.

Можно ли увлекаться грязными бульварными романами, когда вокругъ насъ во всемъ мірѣ грозно совершается трагедія? Всѣ мощныя силы міровой исторіи нынѣ приведены въ движеніе, всѣ человѣко-звѣри сорвались съ цѣпей культуры, разорвали ея тонкія ризы и пакостно обнажились — это явленіе, равное катастрофѣ, сотрясаетъ устои соціальныхъ отношеній до основанія. И нужно призвать къ дѣйствительной жизни весь лучшій разумъ, всю волю для того, чтобы исправить послѣдствія нашей трагической небрежности въ отношеніи къ самимъ себѣ, — небрежности, которая создала страшную ошибку.

Человѣчество вѣка работало надъ созданіемъ сносныхъ условій бытія не для того, чтобъ въ XX вѣкѣ нашей эры разрушить созданное.

Мы должны извлечь изъ безумныхъ событій разумные уроки, памятуя, что то, что называется Рокомъ, Судьбою, есть не что иное, какъ результатъ нашего недовѣрія себѣ самимъ; мы дол-

жны знать, что все творимое на землѣ творится единственнымъ Хозяиномъ и Работникомъ ея — Человѣкомъ.

Не дождавшись рѣшенія Совѣта Солдатскихъ Депутатовъ по вопросу объ отправкѣ на фронтъ артистовъ, художниковъ, музыкантовъ — батальонный комитетъ Измайловскаго полка отправляетъ въ окопы 43 человѣка артистовъ, среди которыхъ есть чрезвычайно талантливые, культурно-цѣнные люди.

Всѣ эти люди не знаютъ воинской службы, не обучались строевому дѣлу. Они не умѣютъ стрѣлять — только сегодня впервые ихъ ведутъ на стрѣльбище, а въ среду они должны уже ѣхать. Такимъ образомъ, эти цѣнные люди пойдутъ на бойню, не умѣя защищаться.

Я не знаю, изъ кого состоитъ батальонный комитетъ Измайловскаго полка, но я увѣренъ, что эти люди «не вѣдаютъ, что творятъ».

Потому что посылать на войну талантливыхъ художниковъ — такая же расточительность и глупость, какъ золотыя подковы для ломовой лошади. А посылать ихъ, не обучивъ воинскому дѣлу, это ужъ — смертный приговоръ невиннымъ людямъ. За такое отношеніе къ человѣку мы проклинаемъ царскую власть, именно за это мы ее свергли.

Демагоги и лакеи толпы навѣрное закричатъ мнѣ;

— А равенство?

Конечно, я помню объ этомъ. Я тоже не мало затратилъ силъ на доказательство необходимости для людей политическаго и экономическаго равенства, я знаю, что только при наличіи этихъ равенствъ человѣкъ получаетъ возможность быть честнѣе, добрѣе, человѣчнѣе. Революція сдѣлана для того, чтобы человѣку лучше жилось, и чтобъ самъ онъ сталъ лучше.

Но я долженъ сказать, что для меня писатель Левъ Толстой или музыкантъ Сергѣй Рахманиновъ, а равно и каждый талантливый человѣкъ не равенъ батальонному комитету измайловцевъ.

Если Толстой самъ почувствовалъ бы желаніе всадить пулю въ лобъ человѣку или штыкъ въ животъ ему, — тогда, разумѣется, дьяволъ будетъ хохотать, идіоты возликуютъ вмѣстѣ съ дьяволомъ, а люди, для которыхъ талантъ — чудеснѣйшій даръ природы, основа культуры и гордость страны, — эти люди еще разъ заплачутъ кровью.

Нѣтъ, я всей душой протестую противъ того, чтобъ изъ талантливыхъ людей дѣлали скверныхъ солдатъ.

Обращаясь къ Совѣту Солдатскихъ Депутатовъ, я спрашиваю его: считаетъ ли онъ правильнымъ постановленіе батальоннаго комитета Измайловскаго полка? Согласенъ ли онъ съ тѣмъ, что Россія должна бросать въ ненасытную пасть войны лучшіе куски своего сердца — своихъ художниковъ, своихъ талантливыхъ людей?

И — съ чѣмъ мы будемъ жить, израсходовавъ свой лучшій мозгъ?

Да, мы переживаемъ тревожное, опасное время — объ этомъ съ мрачной убѣдительностью говорятъ погромы въ Самарѣ, въ Минскѣ, Юрьевѣ, дикія выходки солдатъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и цѣлый рядъ другихъ фактовъ распущенности, обалдѣнія, хамства.

Конечно, не слѣдуетъ забывать, что крики «отечество въ опасности» могутъ быть вызваны не только чувствомъ искренней тревоги, но и внушеніями партійной тактики.

Однако, было бы ошибочно думать, что анархію создаетъ политическая свобода — нѣтъ, на мой взглядъ свобода то превратила внутреннюю болѣзнь — болѣзнь духа — въ накожную. Анархія привита намъ монархическимъ строемъ, это отъ него унаслѣдовали мы заразу.

И не надо забывать, что погромы въ Юрьевѣ, Минскѣ, Самарѣ, при всемъ ихъ безобразіи, не сопровождались убійствами, тогда какъ погромы царскихъ временъ, вплоть до «нѣмецкаго» погрома въ Москвѣ, были звѣрски кровавыми. Вспомните Кишиневъ, Одессу, Кіевъ, Бѣлостокъ, Баку, Тифлисъ

и безчисленное количество отвратительныхъ убійствъ въ десяткахъ мелкихъ городовъ.

Я никого не утѣшаю, а всего менѣе — самого себя, но я все-таки не могу не обратить вниманія читателя на то, что хоть въ малой степени смягчаетъ подлыя и грязныя преступленія людей.

Не забудемъ также, что тѣ люди, которые всѣхъ громче кричатъ «отечество въ опасности», имѣли всѣ основанія крикнуть эти тревожныя слова еще три года тому назадъ — въ іюлѣ 1914 года.

По соображеніямъ партійной и классовой эгоистической тактики, они этого не сдѣлали, и на протяженіи трехъ лѣтъ русскій народъ былъ свидѣтелемъ гнуснѣйшей анархіи, развиваемой сверху.

Нисходя еще глубже въ прошлое, мы встрѣчаемъ у руля русской государственности и Столыпина, несомнѣннаго анархиста, — его поддерживали апплодисментами тѣ самые благомыслящіе республиканцы, которые нынѣ громко вопятъ объ анархіи и необходимости борьбы съ ней.

Конечно, «кто ничего не дѣлаетъ—не ошибается», но у насъ ужасно много людей, которые что ни сдѣлаютъ — ошибаются.

Да, да — съ анархіей всегда надобно бороться, но иногда надо умѣть побѣждать и свой собственный страхъ предъ народомъ.

Отечество чувствовало бы себя въ меньшей опасности, еслибъ въ отечествѣ было больше культуры.

Къ сожалѣнію, по вопросу о необходимости культуры и о типѣ ея, потребномъ для насъ, мы, кажется, все еще не договорились до опредѣленныхъ рѣшеній, — по крайней мѣрѣ, въ началѣ войны, когда московскіе философы остроумно и вполнѣ искренно сравнивали Канта съ Круппомъ, эти рѣшенія были неясны для насъ.

Можно думать, что проповѣдь «самобытной» культуры именно потому возникаетъ у насъ обязательно въ эпохѣ наиболѣе крутой реакціи, что мы — люди, издревле пріученные думать и дѣйствовать «по линіи наименьшаго сопротивленія».

Какъ бы тамъ ни было, но всего меньше мы заботились именно о развитіи культуры европейской — опытной науки, свободнаго искусства, технически мощной промышленности. И вполнѣ естественно, что нашей народной массѣ непонятно значеніе этихъ трехъ основаній культуры.

Одной изъ первыхъ задачъ момента должно бы явиться возбужденіе въ народѣ — рядомъ съ возбужденными въ немъ эмоціями политическими — эмоцій этическихъ и эстетическихъ. Наши художники должны бы немедля вторгнуться всею силой своихъ талантовъ въ хаосъ настроеній улицы, и я увѣренъ, что побѣдоносное вторженіе красоты въ душу нѣсколько ошалѣвшаго россіянина умиротворило бы его тревоги, усмирило буйство нѣкоторыхъ не очень похвальныхъ чувствъ, вродѣ, напримѣръ, жадности — и вообще помогло бы ему сдѣлаться человѣчнѣе.

Но — ему дали множество — извините, плохихъ газетъ по весьма дорогой цѣнѣ и больше ничего, пока.

Науки — и гуманитарныя, и положительныя — могли бы сыграть великую роль въ дѣлѣ облагороженія инстинктовъ, но участіе людей науки въ жизни даннаго момента замѣтно еще менѣе, чѣмъ прежде.

Я не знаю въ популярной литературѣ ни одной толково и убѣдительно написанной книжки, которая разсказала бы, какъ велика положительная роль промышленности въ процессѣ развитія культуры. А такая книжка для русскаго народа давно необходима.

Можно и еще много сказать на тему о необходимости немедленной и упорной культурной работы въ нашей странѣ.

Мнѣ кажется, что возгласъ «отечество въ опасности» не такъ страшенъ, какъ возгласъ:

«Граждане, культура въ опасности».

— Анархія, анархія!—кричатъ здравомыслящіе люди, усиливая и распространяя панику въ тѣ дни, когда всѣмъ маломальски трудоспособнымъ людямъ необходимо взяться за черную будничную работу строительства новой жизни, когда для

каждаго обязательно стать на защиту великихъ цѣнностей старой культуры.

«Анархія»! И снова, какъ послѣ 5-го года, на русскую демократію, на весь русскій народъ изливаются потоки чернильнаго гнѣва, трусливой злости, бьютъ гейзера грязныхъ обвиненій.

Неловко и не хочется говорить о себѣ, но — когда года полтора тому назадъ я напечаталъ «Двѣ души» — статью, въ которой говорилъ, что русскій народъ органически склоненъ къ анархизму; что онъ пассивенъ, но — жестокъ, когда въ его руки попадаетъ власть; что прославленная доброта его души—карамазовскій сентиментализмъ, что онъ ужасающе невоспріимчивъ къ внушеніямъ гуманизма и культуры, — за эти мысли—не новыя, не мои, а только рѣзко выраженныя мною—за эти мысли меня обвинили во всѣхъ прегрѣшеніяхъ противъ народа. Даже недавно, совсѣмъ на-дняхъ, кто-то въ «Рѣчи», — газетѣ, прежде всего грамотной — заявилъ, что мое «пораженчество» какъ нельза лучше объясняется моимъ отношеніемъ къ народу.

Кстати, въ «пораженчествѣ» я совершенно не повиненъ и никогда оному не сочувствовалъ. Порицать кулачную расправу, дуэль, войну, какъ мерзости, позорнѣйшія для всѣхъ людей, какъ дѣйствія, неспособныя разрѣшить споръ и углубляющія вражду, — порицать все это — еще не значить быть «пораженцемъ» и «непротивленцемъ». Особенно несвойственно это мнѣ—человѣку, который проповѣдуетъ активное отношеніе къ жизни. Можетъ быть, я—въ нѣкоторыхъ случаяхъ — не стану защищать себя, но на защиту любимаго мною у меня хватитъ силъ.

И сейчасъ я вспомнилъ объ отношеніи къ мыслямъ, изложеннымъ мною въ статьѣ «Двѣ души» вовсе не въ цѣляхъ самозащиты, самооправданія. Я понимаю, что въ злой словесной дракѣ, которую мы для приличія именуемъ «полемикой», драчунамъ нѣтъ дѣла до правды, они взаимно ищутъ другъ у друга словесныхъ ошибокъ, обмолвокъ, слабыхъ мѣстъ и бьютъ другъ друга не столько для доказательства истинности вѣрованій своихъ, сколько для публичной демонстраціи своей ловкости.

Нѣтъ, я вспомнилъ о «Двухъ душахъ» для того, чтобы спросить бумажнхъ враговъ моихъ: когда они были болѣе искренни—когда ругали меня за мое нелестное мнѣніе о русскомъ народѣ, или теперь, когда они ругаютъ русскій народъ моими же словами?

Я никогда не былъ демогогомъ и не буду таковымъ. Порицая нашъ народъ за его склонность къ анархизму, нелюбовь къ труду. за всяческую его дикость и невѣжество, я помню: инымъ онъ не могъ быть. Условія, среди которыхъ онъ жилъ, не могли воспитать въ немъ ни уваженія къ личности, ни сознанія правъ гражданина, ни чувства справедливости—это были условія полнаго безправія, угнетенія человѣка, безстыднѣйшей лжи и звѣрской жестокости. И надо удивляться, что при всѣхъ этихъ условіяхъ народъ все-таки сохранилъ въ себѣ немало человѣческихъ чувствъ и нѣкоторое количество здороваго разума.

Вы жалуетесь: народъ разрушаетъ промышленность.

А кто же и когда внушалъ ему, что промышленность есть основа культуры, фундаментъ соціальнаго и государственнаго благополучія?

Въ его глазахъ — промышленность — хитрый механизмъ, ловко приспособленный для того, чтобы сдирать съ потребителя семь шкуръ. Онъ не правъ.

Но вѣдь три, пять мѣсяцевъ тому назадъ вы же сами изо дня въ день, во всѣхъ газетахъ и журналахъ разоблачали предъ нимъ безстыдный и фантастическій ростъ доходовъ русской промышленности, и взглядъ народа,—это вашъ взглядъ.

Разумѣется, вы должны были «разоблачать» — таковъ долгъ каждаго глашатая истины, мужественнаго защитника справедливости. Но—полемика обязываетъ къ односторонности, поэтому, говоря о грабежѣ, забывали о культурной, о творческой роли промышленности, о ея государственномъ значеніи.

Источникъ наживы для однихъ, промышленность для другихъ—только источникъ физическаго и духовнаго угнетенія — вотъ взглядъ, принятый у насъ безъ оговорокъ огромнымъ большинствомъ даже и грамотныхъ людей. Этотъ взглядъ сложился давно и крѣпко, — вспомните, какъ была принята въ Россіи книга Г. В. Плеханова «Наши разногласія», и какую бурю поднялъ «Іоаннъ Креститель всѣхъ нашихъ возрожденій», П. Б. Струве «критическими замѣтками».

Кричать объ анархіи такъ же безполезно, какъ безполезно и постыдно кричать «пожаръ», видя, что огонь истребляетъ

домъ, но не принимая никакого—кромѣ словеснаго—участія въ борьбѣ съ огнемъ.

Полемика — премилое занятіе для любителей схоластическихъ упражнаній въ словесности, и для тѣхъ людей, которые долгомъ своимъ почитаютъ всегда и во всемъ доказывать свою правоту, точность мысли своей и прочія превосходныя качества, коихъ эти люди являются безспорными обладателями.

Но—будетъ значительно полезнѣе, если мы—предоставивъ судъ надъ нами исторіи—немедля же начнемъ культурную работу, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, если мы отдадимъ таланты, умы и сердца наши россійскому народу для воодушевленія его къ разумному творчеству новыхъ формъ жизни.

Весьма вѣроятно, что мои мысли «наивны»; я уже говорилъ, что считаю себя плохимъ публицистомъ, но все-таки съ упрямствомъ, достойнымъ, быть можетъ, лучшаго примѣненія, «я буду продолжать и свою линію», не смущаясь тѣмъ, что «гласъ» мой остается «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ», увы— не безлюдной.

Съ книжнаго рынка почти совершенно исчезла хорошая, честная книга—лучшее орудіе просвѣщенія. Почему исчезла — объ этомъ другой разъ. Нѣтъ толковой, объективно-поучающей книги, и расплодилось множество газетъ, которыя изо дня въ день поучаютъ людей враждѣ и ненависти другъ къ другу, клевещутъ, возятся въ подлѣйшей грязи, ревутъ и скрежещутъ зубами, якобы работая надъ рѣшеніемъ вопроса о томъ — кто виноватъ въ разрухѣ Россіи.

Разумѣется, каждый изъ спорщиковъ искреннѣйше убѣжденъ, что виноваты всѣ его противники, а правъ только онъ, имъ поймана, въ его рукахъ трепещетъ та чудесная птица, которую зовутъ истиной.

Сцѣпившись другъ съ другомъ, газеты катаются по улицамъ клубкомъ ядовитыхъ змѣй, отравляя и пугая обывателя злобнымъ шипѣніемъ своимъ, обучая его «свободѣ слова» — точнѣе говоря, свободѣ искаженія правды, свободѣ клеветы.

«Свободное слово» постепенно становится неприличнымъ словомъ. Конечно — «въ борьбѣ каждый имѣетъ право бить, чѣмъ попало и куда попало»; конечно—«политика — дѣло безстыдное», и «наилучшій политикъ — наиболѣе безсовѣстный человѣкъ»—но, признавая гнусную правду этой зулусской морали, какую, все-таки, чувствуешь тоску; какъ мучительна тревога за молодую Русь, только что причастившуюся даровъ свободы!

Какая отрава течетъ и брызжетъ со страницъ той скверной бумаги, на которой печатаютъ газеты!

Долго молился русскій человѣкъ Богу своему: «Отверзи уста моя». Отверзлись уста и безудержно изрыгаютъ глаголы ненависти, лжи, лицемѣрія, глаголы зависти и жадности. Хоть бы страсть кипѣла въ этомъ—страсть и любовь! Но — не чувствуется ни любви, ни страсти. Чувствуется только одно — упорное и — надо сказать — успѣшное стремленіе цензовыхъ классовъ изолировать демократію, свалить на ея голову всѣ ошибки прошлаго, всѣ грѣхи, поставить ее въ условія, которыя неизбѣжно заставили бы демократію еще болѣе увеличить ошибки и грѣхи.

Это ловко задумано и не плохо выполняется. Уже вполнѣ ясно, что когда пишутъ «большевикъ», то подразумѣваютъ—«демократъ», и не менѣе ясно то, если сегодня травятъ большевиковъ за ихъ теоретическій максимализмъ, завтра будутъ травить меньшевиковъ, потому что они — соціалисты, а послѣ завтра—начнуть грызть «Единство» за то, что оно все-таки не достаточно «лойяльно» относится къ священнымъ интересамъ «здравомыслящихъ людей». Демократія не является святыней неприкосновенной — право критики, право порицанія должно быть распространяемо и на нее, это — внѣ спора. Но, хотя критика и клевета начинаются съ одной буквы, — между этими двумя понятіями есть существенное различіе — какъ странно, что это различіе для многихъ грамотныхъ людей совершенно неуловимо! О, конечно, нѣкоторые вожди демократіи «бухаютъ въ колоколъ, не посмотрѣвъ въ святцы», но не забудемъ, что вожди цензовыхъ классовъ отвѣчаютъ на эти ошибки пагубной для страны «итальянской» забастовкой бездѣйствія и запугиваніемъ обывателя — запугиваніемъ, которое уже даетъ такіе результаты, какъ, напримѣръ, слѣдующее письмо къ Врем. Правительству, полученное мною.

«Революція погубила Россію потому, что всѣмъ волю дали; у насъ вездѣ анархія. Радуются евреи, которые получили равноправіе. Они погубили и погубятъ народъ. Надо для спасенія страны самодержавіе».

Не первое письмо такого тона получаю я, и надо ожидать, что количество людей, обезумѣвшихъ со страха, будетъ рости все быстрѣй, — пресса усердно заботится объ этомъ.

Но именно теперь, въ эти трагически запутанные дни ей слѣдовало бы помнить о томъ, какъ слабо развито въ русскомъ народѣ чувство личной отвѣтственности, и какъ привыкли мы карать за свои грѣхи нашихъ сосѣдей.

Свободное слово! Казалось, что именно оно то и послужитъ развитію у насъ, на Руси, чувства уваженія къ личности ближняго, къ его человѣческимъ правамъ. Но переживая эпидемію политическаго импрессіонизма, подчиняясь впечатлѣніямъ «злобы дня», мы употребляемъ «свободное слово» только въ бѣшеномъ спорѣ на тему о томъ, кто виноватъ въ разрухѣ Россіи. А тутъ и спора нѣтъ, ибо — всѣ виноваты.

И всѣ — болѣе или менѣе лицемѣрно — обвиняютъ другъ друга, и никто ничего не дѣлаетъ, чтобъ противопоставить бурѣ эмоціи — силу разума, силу доброй воли.

«Довлѣетъ дневи злоба его»—это естественно, это законно; однако, у текущаго дня двѣ злобы: борьба партій за власть и культурное строительство. Я знаю, что политическая борьба —необходимое дѣло, но принимаю это дѣло, какъ неизбѣжное зло. Ибо не могу не видѣть, что въ условіяхъ даннаго момента и при наличіи нѣкоторыхъ особенностей русской психики—политическая борьба дѣлаетъ строительство культуры почти совершенно невозможнымъ.

Задача культуры—развитіе и укрѣпленіе въ человѣкѣ соціальной совѣсти, соціальной морали; разработка и организація всѣхъ способностей, всѣхъ талантовъ личности—выполнима ли эта задача во дни всеобщаго озвѣренія?

Подумайте, что творится вокругъ васъ: каждая газета, имѣя свой районъ вліянія, ежедневно вводитъ въ души читателей самыя позорныя чувства—злость, ложь, лицемѣріе, цинизмъ и все прочее этого порядка.

У однихъ возбуждаютъ страхъ предъ человѣкомъ и ненависть къ нему, у другихъ — презрѣніе и смерть, утомляя третьихъ однообразіемъ клеветы, заражаютъ ихъ равнодушіемъ отчаянія. Эта дѣятельность людей, которые заболѣли воспаленіемъ темныхъ инстинктовъ, не только не имѣетъ ничего общаго съ проповѣдью культуры, но рѣзко враждебна ея цѣлямъ.

А вѣдь революція совершена въ интересахъ культуры, и вызвалъ ее къ жизни именно ростъ культурныхъ силъ, культурныхъ запросовъ.

Русскій человѣкъ, видя свой старый бытъ до основанія потрясеннымъ войною и революціей, оретъ на всѣ голоса о культурной помощи ему, оретъ, обращаясь именно «въ газету» и требуя отъ нея рѣшеній по самымъ разнообразнымъ вопросамъ.

Вотъ, напримѣръ, группа солдатъ «Кавказской арміи» пишетъ:

«Учащаются случаи звѣрской расправы солдатъ съ измѣнившими имъ женамъ. Хлопочите, пожалуйста, чтобъ сознательные люди и соціальная печать выступили на борьбу съ эпидемическимъ явленіемъ и разъяснили, что бабы не виноваты. Мы, пишущіе, знаемъ кто виноватъ, и женщинъ не обвиняемъ, потому что всякій человѣкъ обязанъ своей природѣ и хочетъ предназначеннаго природой ему».

Вотъ еще сообщеніе на эту тему:

«Пишу въ поѣздѣ, выслушавъ разсказъ солдата, который со злобными слезами повѣдалъ, что онъ дезертиръ съ фронта и убѣжалъ для устройства двухъ дѣтишекъ, брошенныхъ стервой-женой. Клянется, что расправится съ ней. Изъ-за женщинъ дезертировъ сотни и тысячи. Какъ тутъ быть?»

«Въ Ростовѣ на Дону солдаты водили по улицамъ голую распутницу съ распущенными волосами, съ выкриками о ея похабствѣ и били за ней по разбитому ведру. Организаторы безобразія—мужъ ея и ея же любовникъ — фельдфебель. По-

зволье замѣтить, что страхъ передъ позоромъ не укротитъ инстинкта, а между тѣмъ эти гадости лицезрѣютъ дѣти. Что же молчитъ пресса?

А вотъ письмо, переносящее «женскій вопросъ уже въ другую плоскость:

«Прошу сообщить заказнымъ письмомъ или подробно въ газетѣ, какъ надо понимать объявлянное равноправіе съ нами для женщины, и что она теперь будетъ дѣлать.

Нижеподписанные крестьяне встревожены закономъ, отъ котораго можетъ усилиться беззаконіе, а теперь деревня держится бабой. Семья отмѣняется изъ-за этого, и пойдетъ разрушеніе хозяйства».

Далѣе: «Объявляю тебѣ, другъ людей, что по деревнямъ происходитъ чепуха, потому что солдаткамъ надѣляютъ землю, что похуже и негодно, и онѣ ревмя ревутъ. Воротятся съ войны мужья ихъ, такъ изъ этого будетъ драка, сдѣлайте одолженіе. Надобно разъяснить мужикамъ, чтобъ дѣлали по правдѣ».

И снова: «Пришлите книжку о правахъ женскихъ».

Не всѣ письма на эту тему использованы мною. Но есть тема, еще болѣе часто повторяемая въ письмахъ — это требованіе книгъ по разнымъ вопросамъ.

Пишутъ объ отношеніи къ попамъ, спрашиваютъ, «будутъ ли измѣнены переселенческіе законы», просятъ разсказать «объ американскомъ государствѣ», о томъ, какъ надо лечить сифилисъ, и нѣтъ ли «закона о свозкѣ увѣчныхъ въ одно мѣсто», присылаютъ «прошенія» о томъ, чтобы солдатамъ въ окопы отправлять лукъ—онъ «очень хорошъ противъ цынги».

Всѣ эти «прошенія», «сообщенія», «запросы» не находятъ мѣста на страницахъ газетъ, занятыхъ желчной и злобной грызней. Руководители газетъ какъ будто забываютъ, что за кругомъ ихъ вліянія остаются десятки милліоновъ людей, у которыхъ инстинктъ борьбы за власть еще дремлетъ, но уже проснулось стремленіе къ строительству новыхъ формъ быта.

И видя, какимъ цѣлямъ служитъ «свободное слово», эти милліоны легко могутъ почувствовать пагубное презрѣніе къ нему, а это будетъ ошибка роковая и надолго непоправимая.

Нельзя ли удѣлять поменьше мѣста языкоблудію и побольше—живымъ интересамъ демократіи? Не заинтересованы

ли всѣ мы въ томъ, чтобы люди почувствовали объективную цѣнность культуры и обаятельную прелесть ея?

Нѣкій почтенный гражданинъ пишетъ мнѣ:

«Ужасъ охватываетъ душу, когда слышишь на уличныхъ митингахъ, какъ солдаты, ревностно защищая крайніе лозунги ленинцевъ, въ то же время легко поддаются погромной агитаціи людей, которые нашептываютъ имъ о засиліи евреевъ въ «Совѣтѣ Р. и С. Д.». Однажды я спросилъ солдата: какъ совмѣщается въ его умѣ «соціальная революція» съ враждебнымъ отношеніемъ къ національностямъ. Онъ отвѣтилъ:

— Мы народъ необразованный, не наше солдатское дѣло разбираться въ такихъ мудреныхъ вопросахъ.

Другая корреспондентка сообщаетъ:

«Когда я сказала кондуктору трамвая, что соціалисты борются за равенство всѣхъ народовъ, онъ возразилъ:

— Плевать намъ на соціалистовъ, соціализмъ — это господская выдумка, а мы, рабочіе, большевики.

У цирка «Модернъ» группа солдатъ и рабочихъ ведетъ бесѣду съ молоденькимъ нервнымъ студентомъ.

— Если мы будемъ только спорить другъ съ другомъ, вотъ такъ враждебно, какъ вы спорите, а учиться не станемъ— кричитъ студентъ, надрываясь.

— Чему учиться? — сурово спрашиваетъ пожилой солдатъ. — Чему ты меня можешь научить? Знаемъ мы васъ — студенты всегда бунтовали. Теперь — наше время, а васъ пора долой всѣхъ, буржуазію.

Часть публики смѣется, но какой-то щеголь, похожій на парикмахера, горячо говоритъ.

— Это вѣрно, товарищи! Довольно командовала нами интеллигенція. Теперь при свободѣ правъ мы и безъ нея обойдемся.

Великія и грозныя опасности скрыты въ этомъ возбужденномъ невѣжествѣ.

Не однажды приходилось мнѣ на ночныхъ митингахъ Петроградской стороны слышать и противопоставленія большевизма соціализму, и нападки на интеллигенцію, и много другихъ столь же нелѣпыхъ и вредныхъ мнѣній. Это — въ центрѣ революціи, гдѣ идеи заостряются до послѣдней возможности, откуда онѣ текутъ по всей темной, малограмотной странѣ.

Развивается ли въ странѣ процессъ единенія революціонныхъ силъ, растетъ ли въ странѣ процессъ единенія разумныхъ революціонныхъ силъ, растетъ ли въ ней энергія, необходимая строительству культуры?

Есть признаки, какъ будто подсказывающіе отрицательный отвѣтъ.

Одинъ изъ этихъ признаковъ — все болѣе замѣтное уклоненіе интеллигенціи отъ работы въ массахъ и возникающія среди нея — то тутъ, то тамъ — попытки создать самостоятельныя, чисто интеллигентскія организаціи.

Очевидно, что есть причины, которыя отталкиваютъ интеллигента отъ массы, и очень вѣроятно, что одной изъ этихъ причинъ является то скептическое, а часто и враждебное отношеніе темныхъ людей къ интеллигенту, которое изо дня въ день внушается массѣ различными демагогами.

Этотъ расколъ можетъ быть очень полезенъ трудовой интеллигенціи. Она объединится въ организацію весьма внушительную и способную совершить много культурной работы.

Но отходя постепенно отъ массы, увлекаясь собственными интересами, задачами и настроеніями, она еще болѣе углубитъ и расширитъ разрывъ между инстинктомъ и интеллектомъ, а этотъ разрывъ — наше несчастіе, въ немъ источникъ нашей неработоспособности, нашихъ неудачъ въ творчествѣ новыхъ условій жизни.

Оставаясь безъ руководителей, въ атмосферѣ буйной демогогіи, масса еще болѣе нелѣпо начнетъ искать различія между рабочими и соціализмомъ и общности между «буржуазіей» и трудовой интеллигенціей.

А среди послѣдней раздаются призывы, диктуемые, несомнѣнно, благими намѣреніями и порывами, но отводящіе интеллектуальную энергію въ сторону отъ интересовъ массы, отъ запросовъ текущаго дня.

Въ «Извѣстіяхъ Юга» — органѣ Харьковскаго и Областного Комитетовъ Совѣтовъ Р. и С. Д. — нѣкто Иванъ Станковъ пишетъ:

«Есть огромной важности заданіе всего соціализма: это — поднятіе уровня культуры, сознаніе личности, повышеніе личности и повышеніе всенародной интеллигентности. Есть лозунгъ: широко и сразу открыть двери Солнца, Красоты и Знанія для всего народа, дабы не было неинтеллигентныхъ и дабы наше дѣленіе на интеллигентныхъ и неинтеллигентныхъ возможно скорѣе стало дикимъ пережиткомъ стараго строя, старыхъ школъ и системъ.

Пропаганда и ближайшее осуществленіе идеи «всенародной интеллигентности» и есть, по моему убѣжденію, одна изъ тѣхъ неразрывныхъ, неотложныхъ и важнѣйшихъ задачъ соціализма, которую честная объединенная интеллигенція, сознавая это какъ долгъ передъ народомъ, обязана поставить исходнымъ основаніемъ своихъ домоганій и провести ихъ въ строительствѣ новомъ, на ряду и совмѣстно съ общей платформой соціалистическихъ требованій всѣхъ партій. Только интеллигентность, очищенная отъ язвъ буржуазнаго строя, станетъ солнечной народной правдой, станетъ солнцемъ Разума и Красоты».

Слова хорошія. Еще лучше написано воззваніе Исполнительнаго Комитета Харьковскаго Совѣта Депутатовъ трудовой интеллигенціи.

«Къ вамъ, интеллигентные труженики Харьковской губерніи, обращается настоящій призывъ!

«По злой ироніи судьбы, россійская интеллигенція, усѣявшая костьми своихъ мучениковъ крестный путь народнаго освобожденія и на всемъ протяженіи своей исторіи выполнявшая великую просвѣтительную и организаціонную работу, оказалась въ настоящій моментъ, когда организовано все, неорганизованной сама. Организуя другихъ, интеллигенція, какъ классъ, забыла или не успѣла организовать себя. При ея непосредственномъ участіи организовались рабочіе, солдаты и крестьянство, справа отъ нея усиленно организуется буржуазія, и лишь она одна, трудовая интеллигенція, богатая знаніемъ, опытомъ и общественными навыками, остается необъединенной и разсыпанной въ пыль».

«Классъ, лучше всѣхъ вооруженный для общественной работы и борьбы, классъ активныхъ традицій и свѣтлыхъ соціаль-

ныхъ идеаловъ вынужденъ плестись въ самомъ хвостѣ событій, безсильный ихъ направлять.

«Не мѣсто выяснить причины, но несомнѣнный фактъ, что классъ интеллигентнаго труда, какъ классъ въ его цѣломъ, въ настоящій моментъ не входитъ и не можетъ войти ни въ одну изъ существующихъ общественныхъ группировокъ».

«Отсюда необходимость его самостоятельнаго строительства».

„Но всѣ данныя для такого строительства налицо. Великій экономическій признакъ, признакъ наемнаго труда, признакъ возмезднаго отчужденія своей интеллигентской работы капиталу во всѣхъ его разновидностяхъ — вотъ та база, на которой зиждется классъ трудовой интеллигенціи въ огромномъ его большинствѣ, вотъ та желѣзная цѣпь, которая призвана сковать его въ одно неразрывное цѣлое. Въ этомъ смыслѣ трудовая интеллигенція есть одинъ изъ отрядовъ великаго класса современнаго пролетаріата, одинъ изъ членовъ великой рабочей семьи".

„Но опредѣливъ трудовую интеллигенцію, какъ отрядъ рабочаго класса, мы тѣмъ самымъ опредѣлили и ея соціальную сущность".

„Классъ трудовой интеллигенціи, сознавшій самого себя, можетъ быть только соціалистическимъ".

„Великая россійская революція не закончилась, она продолжается. Огромныя общественныя задачи — завершеніе войны, государственное устроеніе, рѣшеніе земельной проблемы и организація народнаго хозяйства, переживающаго тягчайшій кризисъ, стоятъ передъ страной во всемъ своемъ грозномъ величіи и властно требуютъ разрѣшенія".

„Товарищи интеллигентные работники г. Харькова и Харьковской губерніи. По примѣру сердца Россіи, Москвы, гдѣ интеллигентный пролетаріатъ организовался въ мощный Совѣтъ Депутатовъ трудовой интеллигенціи, по образцу другихъ демократическихъ Совѣтовъ Депутатовъ рабочихъ, крестьянскихъ и солдатскихъ, объединяйтесь въ свой „Харьковскій Совѣтъ Депутатовъ трудовой интеллигенціи".

Только въ единеніи — сила, только въ солидарности — мощь".

Стремленіе трудовой интеллигенціи къ созданію самостоятельныхъ организацій возникаетъ не только въ Москвѣ и

Харьковѣ. Можетъ быть, это стремленіе необходимо и всячески оправдано, но не осталась бы народная масса безъ головы?

Но, всетаки, встаетъ тревожный вопросъ: что это — процессъ единенія силъ или распада ихъ?

Все чаще разные люди пишутъ мнѣ: «Мы не вѣримъ въ народъ». „Я потерялъ вѣру въ народъ". „Я не могу вѣрить въ народъ, не вѣрю партіямъ и вождямъ".

Все это искренніе вопли людей ошемломленныхъ тяжкими ударами фантастической и мрачной русской жизни хотятъ любить и вѣрить.

Но — да простятъ мнѣ уважаемые корреспонденты! — ихъ голоса не кажутся мнѣ голосами людей, желающихъ знать и работать. Это вздыхаетъ тотъ самый русскій народъ, въ способность котораго къ духовному возрожденію, къ творческой работѣ отказываются вѣрить мои корреспонденты. Уважаемые мои корреспонденты должны признать, что они плоть того самаго народа, который всегда, а нынѣ особенно убѣдительно, обнаруживалъ — и обнаруживаетъ — полное отсутствіе вѣры въ самого себя. Это народъ, вся жизнь котораго строилась на „авось" и на мечтахъ о помощи откуда-то извнѣ, со стороны— отъ Бога и Николая Угодичка, отъ „иностранныхъ королей и государей", отъ какого-то "барина", который откуда-то «пріѣдетъ» и „насъ разсудитъ". Даже теперь, когда народъ является физическимъ „хозяиномъ жизни", онъ, все-таки продолжаетъ надѣяться на „барина"; для одной части его этотъ баринъ — „европейскій пролетаріатъ", для другой — нѣмецъ, устроитель желѣзнаго порядка; нѣкоторымъ кажется, что ихъ спасетъ Японія и ни у кого нѣтъ вѣры въ свои собственныя силы.

Вѣра — это всегда хорошо для удобствъ души, для спокойствія ея, она нѣсколько ослѣпляетъ человѣка, позволяя ему не замѣчать мучительныхъ противорѣчій жизни, — естественно, что всѣ мы стремимся поскорѣе увѣровать во что нибудь, въ какого — нибудь „барина", способнаго „разсудить" и устроить добрый порядокъ внутри и внѣ насъ. Мы очень легко вѣруемъ: народники расписали намъ деревенскаго мужика, точно пряникъ, и мы охотно повѣрили — хорошъ у насъ мужикъ, настоящій китаецъ, куда до него европейскому мужику.

Было очень удобно вѣрить въ исключительныя качества души нашихъ Каратаевыхъ—не просто мужики, а всечеловѣки! Глѣбъ Успенскій „Властью земли“ нанесъ этой вѣрѣ серьезный ударъ, но вѣрующіе не замѣтили его. Чеховъ, столь нѣжно любимый нами, показалъ намъ „Мужиковъ“ въ освѣщеніи еще болѣе мрачномъ, — его поругали за невѣріе въ народъ. Иванъ Бунинъ мужественно сгустилъ темныя краски—Бунину сказали, что онъ, помѣщикъ и ослѣпленъ классовой враждой къ мужику. И, конечно, не замѣтили, что, писатели крестьяне — Ив. Вольный, Семенъ Подъячевъ п др.—изображаютъ мужика мрачнѣе Чехова, Бунина и даже мрачнѣе такихъ уже явныхъ и дѣйствительныхъ враговъ народа, какъ, напр. Радіоновъ, авторъ нашумѣвшей книги „Наше преступленіе“.

У насъ вѣрятъ не потому, что знаютъ и любятъ, а именно — для спокойствія души, — это вѣра созерцателей, безплодная и безсильная, она — „мертва есть“. Вѣрой, единственно способной горы сдвигать, мы не обладаемъ. Теперь, когда нашъ народъ свободно развернулъ предъ міромъ всѣ богатства своей психики, воспитанной вѣками дикой тьмы, отвратительнаго рабства, звѣриной жестокости, мы начинаемъ кричать:

— Не вѣримъ въ народъ!

Умѣстно спросить невѣровъ:

— А что же и почему вы раньше вѣрили? Вѣдь все то, что теперь отталкиваетъ васъ отъ народа, было въ немъ и при Степанѣ Разинѣ, и Емельянѣ Пугачевѣ, въ годы картофельныхъ бунтовъ и холерныхъ, въ годы еврейскихъ погромовъ и во время реакціи 907—8 г. г. Во что вѣрили вы?

Хорошій честный мастеръ прежде, чѣмъ сдѣлать ту или иную вещь, изучаегъ, знаетъ матеріалъ, съ которымъ онъ хочетъ работать.

Наши соціальныхъ дѣлъ мастера, затѣяли построеніе храма новой жизни, имѣя, можетъ быть, довольно точное представленіе о матеріальныхъ условіяхъ бытія народа, но совершенно не обладая знаніемъ духовной среды, духовныхъ свойствъ матеріала.

Намъ необходимо учиться и особенно нужно выучиться любви къ труду, пониманію его спасительности.

Вѣра — это очень пріятно, но необходимо знаніе. Политика — неизбѣжна, какъ дурная погода, но чтобы облагородить

политику, необходима культурная работа, и давно пора внести въ область этихъ политичнскихъ эмоцій — эмоціи доброты и добра. Вѣрить нужно въ самого себя, въ свою способность къ творческой работѣ, остальное приложиться.

Мы въ міръ пришли, чтобы не соглашаться, чтобы спорить съ мерзостями жизни и преодолѣть ихъ.

Вѣрить — это удобно, но гораздо лучше имѣть хорошо развитое чувство собственнаго достоинства и не стонать по поводу того, въ чемъ всѣ мы одинаково виноваты.

Наиболѣе культурныя группы рабочаго класса начинаютъ сознавать необходимость для рабочаго научно-техническихъ знаній. Интеллигентные рабочіе чувствуютъ, что промышленность—это ихъ дѣло, что она—основа культуры, залогъ благосостоянія страны и что для возрожденія и развитія промышленности необходимъ рабочему солидный запасъ научнаго опыта. Объ этой новой для насъ оцѣнкѣ знанія и труда говорятъ такіе факты, каковы составляемыя рабочими, членами профессіональныхъ союзовъ, докладныя записки, въ которыхъ утверждается необходимость организаціи въ странѣ музеевъ и институтовъ по разнымъ отраслямъ производствъ, напримѣръ по стеклянному, керамическому, фарфоровому.

Очень характерно, что прежде всего рабочіе указываютъ на необходимость скорѣйшаго развитія промышленности художественной, — можно думать, что здѣсь сказывается эмоціональная талантливость народа и его природная «смекалка», — люди, какъ будто, понимаютъ, что нѣмецъ, готовый завалить Россію дряннымъ и дешевымъ товаромъ, будетъ не въ состояніи конкурировать съ ней на почвѣ промышленности художественной.

«Дисциплинированный до совершенства механическаго аппарата, послушный инструментъ въ рукахъ силы, управляющей имъ, нѣмецъ можетъ чудесно поддѣлать все отъ философіи до каучука, но онъ плохо понимаетъ поэзію труда» — сказанс о нѣмцѣ, и въ этомъ есть не мало правды.

Мы, Русь, — анархисты по натурѣ, мы, жестокое звѣрье, въ нашихъ жилахъ все еще течетъ темная и злая рабья кровь— ядовитое наслѣдіе татарскаго и крѣпостного ига — что тоже

правда. Нѣтъ словъ, которыми нельзя было бы обругать русскаго человѣка — кровью плачешь, а ругаешь, ибо онъ, несчастный, далъ и даетъ право лаять на него тоскливымъ собачьимъ лаемъ, воемъ собаки, любовь которой не доступна, не понятна ея дикому хозяину, тоже звѣрю.

Самый грѣшный и грязный народъ на землѣ, безтолковый въ добрѣ и злѣ, опоенный водкой, изуродованный цинизмомъ насилія, безобразно жестокій и, въ то же время, непонятно добродушный, — въ концѣ всего — это талантливый народъ.

Теперь, когда вскрылся гнилостный нарывъ полицейско-чиновничьяго строя и ядовитый, вѣками накопленный гной растекся по всей странѣ, — теперь мы всѣ должны пережить мучительное и суровое возмездіе за грѣхи прошлаго — за нашу азіатскую косность, за эту пассивность, съ которой мы терпѣли насилія надъ нами.

Но этотъ взрывъ душевной гадости, эта гнойная буря — не надолго, ибо это процессъ очищенія и оздоровленія больного организма — «болѣзнь вышла наружу» — явилась во всемъ ея безобразіи.

Но—отказываешься вѣрить, что это смертельная болѣзнь, и что мы погибнемъ отъ нея. Нѣтъ, не погибнемъ, если дружно и упорно начнемъ лечиться. Русская интеллигенція снова должна взять на себя великій трудъ духовнаго врачеванія народа. Теперь она можетъ и работать въ условіяхъ большей свободы, и нѣтъ сомнѣнія, что трудъ духовнаго возрожденія страны раздѣлитъ вмѣстѣ съ нею и рабочая, пролетарская интеллигенція, та наиболѣе культурная часть ея, которая нынѣ тонетъ и задыхается среди темной массы.

Задача демократической и пролетарской интеллигенціи — объединеніе всѣхъ интеллектуальныхъ силъ страны на почвѣ культурной работы. Но для успѣха этой работы слѣдуетъ отказаться отъ партійнаго сектантства, слѣдуетъ понять, что одной политикой не воспитаешь «новаго человѣка», что путемъ превращенія методовъ въ догматы мы служимъ не истинѣ, а только увеличиваемъ количество пагубныхъ заблужденій, раздробляющихъ наши силы.

Силъ у насъ немного, ихъ нужно беречь, нужно экономить трату энергіи, координировать разрозненныя затѣи и усилія отдѣльныхъ лицъ, группъ, организацій и создать единую организацію, которая встала-бы во главѣ всей культурно-просвѣтительной работы, имѣющей цѣлью духовное оздоровленіе и возрожденіе страны.

Кажется, что та часть интеллигенціи, которая настроена наименѣе сектантски и еще не на смерть изуродована партійной и фракціонной „политикой“,— кажется, что эта часть интеллигенціи начинаетъ чувствовать необходимость широкой культурной работы, повелительно диктуемой трагическими условіями дѣйствительности.

Объ этомъ говоритъ попытка представителей различныхъ политическихъ взглядовъ организовать внѣпартійное общество подъ девизомъ: „Культура и Свобода“, и нѣтъ сомнѣнія, что если это общество пойметъ задачу момента достаточно глубоко,—оно можетъ исполнить трудную роль организатора всѣхъ лицъ и группъ наиболѣе дѣеспособныхъ, искренно желающихъ работать на благо страны.

Но и здѣсь, какъ первое условіе успѣшной работы, должно осуществить изданіе информаціоннаго журнала, который давалъ-бы болѣе или менѣе точную картину всего хода культурно-просвѣтительныхъ начинаній. Необходимъ подсчетъ силъ, необходимо знать кто, что и гдѣ дѣлаетъ или намѣренъ дѣлать,—у насъ часто случается, что люди трудящіеся на одной и той же почвѣ ничего не знаетъ другъ о другѣ.

Если страна будетъ имѣть два органа, изъ которыхъ одинъ поставитъ себѣ цѣлью подробно оповѣщать обо всемъ, что творится въ области чистой и прикладной науки, а другой возьметъ на себя обязанность разсказывать о работѣ культурно-просвѣтительной, эти органы окажутъ огромную пользу дѣлу воспитанія мысли и чувства. Надо работать, почтенные граждане, надо работать, — только въ этомъ наше спасеніе и ни въ чемъ иномъ.

Садическое наслажденіе, съ которымъ мы грыземъ глотки другъ другу находясь на краю гибели—подленькое наслажденіе, хотя оно и утѣшаетъ насъ въ безконечныхъ горестяхъ нашихъ.

Но, право-же, не стоитъ особенно усердно предаваться дѣлу взаимнаго истязанія и истребленія, — надо помнить, что есть достаточно людей, которые и желаютъ и, пожалуй, могутъ истребить насъ.

Будемъ-же работать спасенія нашего ради, да не погибнемъ „яко обри, ихъ-же нѣсть ни племени, ни рода“.

Отрицательныя явленія всегда неизмѣримо обильнѣе тѣхъ фактовъ, творя которые человѣкъ воплощаетъ свои лучшія чувства, свои возвышенныя мечты, — истина, столь же очевидная, сколь печальная. Чѣмъ болѣе осуществимыми кажутся намъ наши стремленія къ торжеству свободы, справедливости, красоты, — тѣмъ болѣе отвратительнымъ является предъ нами все то скотски-подлое, что стоитъ на путяхъ къ побѣдѣ человѣчески-прекраснаго. Грязь и хламъ всегда замѣтнѣе въ солнечный день, но часто бываетъ, что мы, слишкомъ напряженно останавливая свое вниманіе на фактахъ, непримиримо враждебныхъ жаждѣ лучшаго, уже перестаемъ видѣть лучи солнца и какъ бы не чувствуемъ его живительной силы.

О томъ, что Русь стоитъ на краю гибели мы начали кричать — съ тоскою, страхомъ и гнѣвомъ — три года тому назадъ, но — уже задолго до этого мы говорили о неизбѣжной гибели родины шопотомъ, вполголоса, языкомъ, искаженнымъ пытками монархической цензуры. Три года мы непрерывно переживаемъ катастрофу, все громче звучатъ крики о гибели Россіи, все грознѣе слагаются для нея внѣшнія условія ея государственнаго бытія, все болѣе — какъ будто — очевиденъ ея внутренній развалъ, и, казалось бы, ей давно уже пора рухнуть въ пропасть политическаго уничтоженія. Однако, до сего дня она все еще не рухнула, — не умретъ и завтра, если мы не захотимъ этого. Надо только помнить, что все отвратительное, какъ и все прекрасное, творится нами, надо зажечь въ себѣ все еще незнакомое намъ сознаніе личной отвѣтственности за судьбу страны.

Что мы живемъ скверно, позорно, — объ этомъ излишне говорить, это извѣстно всѣмъ, мы давно живемъ такъ; а всетаки при монархіи мы жили еще сквернѣе и позорнѣе. Мы тогда мечтали о свободѣ, не ощущая въ себѣ творческой живой силы ея. Нынѣ весь народъ, наконецъ, ощущаетъ эту силу. Онъ пользуется ею эгоистически и скотски, глупо и уродливо, — всеэто такъ, однако—пора понять и оцѣнить тотъ огромнаго значенія фактъ, что народъ, воспитанный въ жесточайшемъ рабствѣ, освобожденъ отъ тяжкихъ, уродующихъ цѣпей. Внутренно мы еще не изжили наслѣдія рабства, еще не увѣрены въ томъ, что свободны, не умѣемъ достойно пользоваться дарами свободы, и отъ этого — главнымъ образомъ, отъ неувѣренности — мы такъ противно грубы, болѣзненно жестоки, такъ смѣшно и глупо боимся и пугаемъ другъ друга.

А всетаки, вся Русь — до самаго дна, до послѣдняго изъ ея дикарей — не только внѣшне свободна, но и внутренне поколеблена въ своихъ основахъ и основѣ всѣхъ основъ ея — азіатской косности, восточномъ пассивизмѣ.

Тѣ муки, тѣ страданія, отъ которыхъ звѣремъ воетъ и мечется русскій народъ, — не могутъ не измѣнить его психическихъ навыковъ, его предразсудковъ и предубѣжденій, его духовной сущности. Онъ скоро долженъ понять, что какъ ни силенъ и жаденъ внѣшній врагъ, — страшнѣе для русскаго народа врагъ внутренній — онъ самъ, своимъ отношеніемъ къ себѣ, къ человѣку, цѣнить и уважать котораго его не учили, къ родинѣ, — которую онъ не чувствовалъ, къ разуму и знанію, силы которыхъ онъ не зналъ и не цѣнилъ, считая ихъ барской выдумкой, вредной мужику.

Онъ жилъ древней азіатской хитростью, не думая о завтрашнемъ днѣ, руководясь глупой поговоркой: „день прошелъ и слава Богу“. Теперь врагъ внѣшній показалъ ему, что хитрость травленаго звѣря — ничто передъ спокойной желѣзной силой организованнаго разума. Теперь онъ долженъ будетъ посвятить шестимѣсячныя зимы мыслямъ и трудамъ, а не полусонному, полуголодному бездѣлію. Онъ принужденъ понять, что родина его не ограничивается предѣлами губерніи, уѣзда, а — огромная страна, полная неисчерпаемыхъ богатствъ, способныхъ вознаградить его честный и умный трудъ сказочными дарами. Онъ пойметъ, что:

„Лѣнь есть глупость тѣла,
Глупость — лѣнь ума“,

и захочетъ учиться, чтобы оздоровить и умъ, и тѣло.

Революція — судорога, за которою должно слѣдовать медленное и планомѣрное движеніе къ цѣли, поставленной актомъ революціи. Великая революція Франціи сотрясала и мучила героическій народъ ея десять лѣтъ, прежде чѣмъ весь этотъ народъ почувствовалъ всю Францію своей родиной, и мы знаемъ, какъ мужественно онъ отстоялъ ея свободу противъ всѣхъ силъ европейской реакціи. Народъ Италіи на протяженіи сорока лѣтъ совершилъ десятокъ революціи, прежде чѣмъ создалъ единую Италію.

Тамъ, гдѣ народъ не принималъ сознательнаго участія въ творчествѣ своей исторіи, онъ не можетъ имѣть чувства родины и не можетъ сознавать своей отвѣтственности за несчастія

родины. Теперь русскій народъ весь участвуетъ въ созиданіи своей исторіи — это событіе огромной важности, и отсюда нужно исходить въ оцѣнкѣ всего дурного и хорошаго, что мучаетъ и радуетъ насъ.

Да, народъ полуголоденъ, измученъ, да, онъ совершаетъ множество преступленій, и не только по отношенію къ области искусства его можно назвать „бегемотомъ въ посудной лавкѣ". Это неуклюжая, не организованная разумомъ сила — сила огромная, потенціально-талантливая, воистину способная къ всестороннему развитію. Тѣ, кто такъ яростно и безъ оглядки порицаютъ, травятъ революціонную демократію, стремясь вырвать у нея власть и снова, хотя бы на время, поработить ее узко-эгоистическимъ интересамъ цензовыхъ классовъ, забываютъ простую, невыгодную имъ, истину: «Чѣмъ больше количество свободно и разумно трудящихся людей, — тѣмъ выше качество труда, тѣмъ быстрѣе совершается процессъ созданія новыхъ, высшихъ формъ соціальнаго бытія». Если мы заставимъ энергично работать всю массу мозга каждой данной страны, мы создадимъ страну чудесъ».

Непривыкшіе жить всѣми силами сердца и ума, мы устали отъ революцій — усталость преждевременная и опасная для всѣхъ насъ. Я лично не вѣрю въ эту смертельную усталость, и я думаю, что она исчезнетъ, если въ странѣ раздастся бодрый, воскресающій голосъ — онъ долженъ прозвучать.

Въ одной изъ битвъ на Западѣ французъ-капитанъ велъ роту въ аттаку на позиціи врага. Онъ съ отчаяніемъ видѣлъ, какъ падаютъ одинъ за другимъ его солдаты, убиваемые свинцомъ, а того больше — страхомъ, невѣріемъ въ свои силы, отчаяніемъ передъ задачей, которая казалась имъ невыполнимой. Тогда капитанъ, какъ и слѣдуетъ французу, человѣку воспитанному героической исторіей, крикнулъ:

— Встаньте, мертвые!

Убитые страхомъ, воскресли, и врагъ былъ побѣжденъ.

Страстно вѣрю, что близокъ день, когда намъ тоже кто-то, очень любящій насъ, кто умѣетъ все понять и простить, крикнетъ:

— Встаньте, мертвые.

И мы встанемъ, и враги наши будутъ побѣждены.

Вѣрю.

Естественно, что вниманіе мыслящихъ людей приковано къ политикѣ, — къ области насилія и деспотизма, злобы и лжи, гдѣ различныя партіи, группы и лица, сойдясь, якобы, на «послѣдній и рѣшительный бой», цинически попираютъ идеи свободы, постепенно утрачивая обликъ человѣческій въ борьбѣ за физическую власть надъ людьми. Это вниманіе естественно однако, оно одностиронне, а потому уродливо и вредно. Содержаніе процесса соціальнаго роста не исчерпывается только однимъ явленіемъ классовой, политической борьбы, въ основѣ которой лежитъ грубый эгоизмъ инстинкта, — рядомъ съ этой неизбѣжной борьбой все мощнѣе развивается иная, высшая форма борьбы за существованіе, — борьба человѣка съ природой, и только въ этой борьбѣ человѣкъ разовьетъ до совершенства силы своего значенія, здѣсь завоюетъ ту свободу, которая уничтожитъ въ немъ зоологическія начала и позволитъ ему стать умнымъ, добрымъ, честнымъ, — поистинѣ свободнымъ.

Мнѣ хочется сказать всѣмъ, кто истерзанъ жестокими пытками дѣйствительности и чей духъ угнетенъ, — мнѣ хочется сказать имъ, что даже въ эти дни, грозящіе Россіи гибелью, интеллектуальная жизнь страны не изсякла, даже не замерла, а, напротивъ, энергично и широко развивается.

Напряженно работаетъ высшее учебное заведеніе страны— Академія Наукъ, непрерывно идетъ руководимое ею изслѣдованіе производительныхъ силъ Россіи, подготовляется къ печати и печатается рядъ цѣннѣйшихъ докладовъ и трудовъ, скоро выйдетъ обзоръ успѣховъ русской науки — книга, которая даетъ намъ возможность гордиться великими трудами и достиженіями русскаго таланта.

Университетъ предполагаетъ осуществить свободные научные курсы, въ духѣ Сорбонны, работаютъ многочисленныя ученыя общества, не взирая на грубыя помѣхи, которыя ставятъ имъ невѣжество политики и политика невѣждъ.

Скромные подвижники чистаго знанія, не упуская изъ виду ничего, что можетъ быть полезно разоренной, измученной родинѣ, составляютъ проекты организаціи различныхъ институтовъ, необходимыхъ для возрожденія и развитія русской промышленности. Въ москвѣ принимается за работу «Научный Институтъ", основанный на средства г. Маркъ и руководимый проф. Лазаревымъ, въ Петроградѣ организуютъ изслѣдователь-

скіе институты по химіи, біологія и т. д. „Свободная Ассоціація для развитія и распространенія положительныхъ наукъ".

Размѣры газетной статьи не даютъ возможности перечислить всѣ начинанія, которыя возникли среди нашихъ ученыхъ за время революціи, — но не переувеличивая значенія этихъ начинаній, можно съ увѣренностью сказать, что научныя силы Россіи развиваютъ энергичную дѣятельность, и это чистая, великая работа лучшаго мозга страны — залогъ и начало нашего духовнаго возрожденія.

Если бы люди, считающіе себя политическими вождями Россіи, правильно поняли нужды народа, интересы государства, еслибъ они нашли достаточно такта для того, чтобъ не мѣшать великому дѣлу научнаго творчества и нашли немного ума, чтобъ помочь трудамъ ученыхъ!

Но, къ сожалѣнію, процессъ творчества въ области чистой и прикладной науки остается почти неизвѣстнымъ широкимъ слоямъ демократической интеллигенціи, а для нея необходимо слѣдить за развитіемъ этого процесса, – знаніе вполнѣ способно оздоровить изболѣвшія души, утѣшить замученныхъ людей и поднять ихъ рабочую энергію.

Академія Наукъ сдѣлала бы прекрасное и полезное дѣло, предпринявъ изданіе небольшого журнала, который освѣдомлялъ бы грамотныхъ людей обо всемъ, что творится въ области русской науки. Такой информаціонный журналъ несомнѣнно имѣлъ бы глубокое соціальное и національно-воспитательное значеніе; — я не обмолвился, сказавъ „національное" значеніе, ибо нахожу, что намъ, народу, силы котораго такъ ловко и широко использовали наши „друзья" для борьбы съ ихъ врагами, — намъ пора понять, что у насъ нѣтъ иныхъ друзей, кромѣ самихъ себя.

Наконецъ, для насъ, людей глубоко некультурныхъ, пора также понять и то, что мы давно живемъ въ условіяхъ, созданныхъ наукой, безъ участія которой не сдѣлаешь ни хорошаго кирпича, ни пуговицы и ничего, что облегчаетъ нашу жизнь, украшаетъ ее, стремится сохранить нашу энергію отъ безполезной траты, и преобороть начала, разрушающія жизнь; намъ пора понять, что научное знаніе — сила, безъ которой невозможно возрожденіе страны.

„Мы лѣнивы и не любопытны", но надо же надѣяться, что жестокій, кровавый урокъ, данный намъ исторіей, стряхнетъ нашу лѣнь и заставить насъ серьезно подумать о томъ, почему же, почему мы, Русь, — несчастнѣе другихъ. Повторяю, Академія Наукъ, взявъ на себя изданіе информаціоннаго журнала, который въ краткихъ очеркахъ и сообщеніяхъ давалъ бы свѣдѣнія обо всемъ, что совершается въ таинственной, скрытой отъ непосвященныхъ, области науки — предпринявъ это изданіе, Академія совершила бы національно-важное и необходимое дѣло образумлѣнія, очеловѣченія страны, теряющей вѣру въ свои силы, озвѣрѣвшей отъ циническихъ пытокъ глупости, — самаго страшнаго врага людей.

Я знаю, что сейчасъ на Руси уже не мало людей, которые страстно рвутся изъ плѣна грязной и оскорбительной дѣйствительности „подъ культуру" — къ истинной свободѣ, къ свѣту.

Но мнѣ кажется, что подобные люди, мучительно тоскующіе о лучшей жизни, представляютъ себѣ не совсѣмъ ясно, недостаточно широко содержаніе понятія „культура", „культурность".

Отъ нихъ какъ то ускользаетъ гуманитарное, глубоко идеалистическое содержаніе этихъ понятій; о чемъ, собственно, думаютъ они, какія формы чувства и мыслей представляютъ себѣ, мечтая о новой культурѣ?

Вотъ—вокругъ насъ мы видимъ немало такъ незываемыхъ „культурныхъ людей", это люди очень грамотные политически, очень насыщенные различными знаніями, но ихъ житейскій опытъ, ихъ знанія не мѣшаютъ имъ быть антисемитами, антидемократами и даже искренними защитниками государственнаго строя, основаннаго на угнетеніи народныхъ массъ, на угнетеніи свободы личности. Эти люди, персонально порядочные и даже, иногда, очень чуткіе въ частныхъ отношеніяхъ, въ борьбѣ за торжество своихъ идей, въ общественной дѣятельности ни мало не брезгаютъ прибѣгать къ пріемамъ не честнымъ, ко лжи и клеветѣ на врага, къ подленькимъ іезуитскимъ хитростямъ, даже къ жестокости — защитѣ смертной казни, къ оправданію

разстрѣловъ и т. д. И все это не мѣшаетъ имъ считать себя „культурными“ людьми. Или, возьмемъ германскую социалъ-демократическую партію, она считалась очень культурной и, дѣйствительно, ея организаціи не мало послужили дѣлу развитія внѣшней культуры Германіи.

Но — вотъ уже четыре года, сотни тысячъ социалъ-демократовъ Германіи, вооруженные мерзѣйшими орудіями истребленія, убиваютъ себѣ подобныхъ на землѣ, на водѣ, въ воздухѣ, подъ водою, убиваютъ мирное населеніе, женщинъ и дѣтей, уничтожаютъ города, виноградники, плодовые сады, огороды, пашни, храмы и пароходы, фабрики, уничтожаютъ великій, священный, вѣками накопленный, трудъ Бельгіи, Франціи и т. д.

Я потому говорю о нѣмцахъ, что ихъ отвратительная дѣятельность все время войны протекаетъ на чужихъ земляхъ, но, само собою разумѣется, что въ этой подлой войнѣ невинныхъ — нѣтъ. Въ ней повинны всѣ, и мы не менѣе другихъ; только на нашу долю выпало страдать отъ нея болѣе другихъ, потому что мы оказались всѣхъ слабѣе въ отношеніи внутренней и внѣшней культуры.

Въ чемъ же дѣло и какъ должно быть воспринято истинное содержаніе понятія культура, дабы невозможны стали такія позорныя противорѣчія, каковы указанныя?

Очевидно, что мы только тогда получимъ возможность уничтожить эти позорныя противорѣчія, когда сумѣемъ культивировать свои чувства и волю.

Нужно помнить, что все — въ насъ, все — отъ насъ, это мы творимъ, всѣ факты, всѣ явленія. Можемъ ли мы воспитать въ самихъ себѣ органическое отвращеніе къ звѣриной половинѣ нашего существа, къ тѣмъ зоологическимъ началамъ въ нашей психикѣ, которыя позволяютъ намъ быть грубыми и жестокими другъ къ другу? Можемъ ли мы внушить сами себѣ и другъ другу отвращеніе къ страданію, преступленію, ко лжи, жестокости и къ той подлой пыли, которой такъ много въ душѣ каждаго изъ насъ, кто бы онъ ни былъ, сколь бы высоко „культурнымъ“ не считался?

Истинная суть и смыслъ культуры — въ органическомъ отврещеніи ко всему, что грязно, подло, лживо, грубо, что унижаетъ человѣка и заставляетъ его страдать. Нужно научиться ненавидѣть страданіе, только тогда мы уничтожимъ его. Нужно научиться хоть немножко любить человѣка, такого

каковъ онъ есть, и нужно страстно любить человѣка, какимъ онъ будетъ.

Сейчасъ человѣкъ измотался, замучился, на тысячу кусковъ разрывается сердце его отъ тоски, злости, разочарованій, отчаянія; замучился человѣкъ и самъ себѣ жалокъ, непріятенъ, противенъ. Нѣкоторые, скрывая свою боль изъ ложнаго стыда все еще форсятъ, орутъ, скандалятъ, притворяясь сильными людьми, но они глубоко несчастны, смертельно устали.

Что же излечитъ насъ, что воскреситъ наши силы, что можетъ изнутри обновить насъ?

Только вѣра въ самихъ себя и ничто иное. Намъ необходимо кое-что вспомнить, мы слишкомъ много забыли въ дракѣ за власть и кусокъ хлѣба.

Надо вспомнить, что социализмъ — научная истина, что насъ къ нему ведетъ вся исторія развитія человѣчества, что онъ является совершенно естественной стадіей политико-экономической эвосюціи человѣческаго общества, надо быть увѣренными въ его осуществленіи, увѣренность успокоитъ насъ.

Рабочій не долженъ забывать идеалистическое начало социализма, — онъ только тогда увѣренно почувствуетъ себя и апостоломъ новой истины, и мощнымъ бойцомъ за торжество ея, когда вспомнитъ, что социализмъ необходимъ и спасителенъ не для однихъ трудящихся, но что онъ освобождаетъ всѣ классы, все человѣчество изъ ржавыхъ цѣпей старой, больной, изолгавшейся, самое себя отрицающей культуры.

Цензовые классы не принимаютъ социализма, не чувствуютъ въ немъ свободы, красоты, не представляютъ себѣ, какъ высоко онъ можетъ поднять личность и ея творчество.

А многіе рабочіе понимаютъ это? Для большинства ихъ социализмъ — только экономическое ученіе, построенное на эгоизмѣ рабочаго класса, такъ же, какъ другія общественныя ученія строятся на эгоизмѣ собственниковъ.

Въ борьбѣ за классовое не слѣдуетъ отметать общечеловѣческое стремленіе къ лучшему.

Истинное чувствованіе культуры, истинное пониманіе ея возможно только при органическомъ отвращеніи ко всему жестокому, грубому, подлому, какъ въ себѣ самомъ, такъ и внѣ себя.

Вы пробуете воспитать въ себѣ это отвращеніе?

Глѣбовъ, въ отвѣтъ на мой планъ изданія научно- и культурно-информаціонныхъ журналовъ, восклицаетъ:

„Неужели оттого у насъ происходитъ все нехорошее, что страна не имѣетъ еще двухъ органовъ?“

Это восклицаніе не гармонируетъ съ умнымъ началомъ его статьи, гдѣ онъ сокрушается объ „анархо-бунтарской струѣ насмѣшливаго отношенія къ книгѣ“.

То, что мы не понимаемъ или недооцѣниваемъ силы знанія, является величайшей помѣхой „на пути подъ культуру“. Безъ знанія и самосознанія, мы никуда не уйдемъ изъ гнилого болота современности. Именно сейчасъ необходимы органы, которые давали бы намъ болѣе или менѣе точное представленіе о томъ, что у насъ есть хорошаго, именно — хорошаго. Подсчетъ отрицательныхъ свойствъ и фактовъ сдѣланъ и дѣлается ежедневно, съ удовольствіемъ, и пора присмотрѣться, — нѣтъ ли вокругъ насъ явленій и фактовъ положительныхъ?

Человѣкъ, недавно пріѣхавшій изъ за-границы, разсказываетъ:

„Въ Стокгольмѣ открыто до шестидесяти антикварныхъ магазиновъ, торгующихъ картинами, фарфоромъ, бронзой, серебромъ, коврами и вообще предметами искусства, вывезенными изъ Россіи. Въ Христіаніи такихъ магазиновъ я насчиталъ двѣнадцать, ихъ очень много въ Сетеборгѣ и другихъ городахъ Швеціи, Норвегіи, Даніи. На нѣкоторыхъ магазинахъ надписи: „Антикварныя и художественныя вещи изъ Россіи“, „Русскія древности“. Въ газетахъ часто встрѣчаются объявленія: „Предлагаютъ ковры и другія вещи изъ русскихъ императорскихъ дворцовъ“.

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ разсказъ — печальная истина, печальная въ такой же степени, какъ и позорная для насъ. Чтобы убѣдиться въ этой истинѣ, стоитъ только посвятить два-три дня на обзоръ того, что творится въ галлереяхъ Александровскаго рынка, въ антикварныхъ лавкахъ Петрограда и безчисленныхъ комиссіонныхъ конторахъ, открытыхъ на всѣхъ улицахъ города. Всюду неутомимо ходятъ хорошо выбритые но плохо говорящіе по-русски люди американской складки и — безъ конца покупаютъ все, что имѣетъ хотя бы ничтожное художественное значеніе. Особенно усердно и успѣшно охотятся

за восточными вещами — китайскимъ и японскимъ фарфоромъ, бронзой, стариннымъ лакомъ, вышивками по шелку, рисунками, финифтью, клуазоннэ и т. д. Иностранцамъ хорошо извѣстно, что Россія густо насыщена предметами восточнаго искусства— особенно послѣ похода на Пекинъ, гдѣ наши воины вели себя весьма безцеремонно по отношенію къ собственности китайцевъ и откуда наши воеводы возили цѣнныя вещи вагонами. Манчжурская авантюра еще значительнѣе усилила притокъ восточныхъ вещей, не мало вывезено ихъ въ Россію и за время японской войны. Но, разумѣется, больше всего способствовало насыщенію Россіи восточнымъ искусствомъ наше непосредственное сосѣдство съ Китаемъ.

Знатоки дѣла, изучавшіе исторію восточнаго искусства, и коллекціонеры утверждаютъ, что у насъ можно найти въ чудесномъ изобиліи такія рѣдкія и древнія вещи Востока, какихъ нѣтъ уже ни въ Китаѣ, ни въ Японіи. Оченъ многіе иностанцы удивляются, что, несмотря на такое богатство художественными сокровищами Востока, несмотря на духовную связь русскаго искусства съ восточнымъ, у насъ нѣтъ музея восточныхъ древностей и восточнаго искусства.

Конечно—это удивленіе наивныхъ людей, разуму которыхъ совершенно недоступно пониманіе нашей русской оригинальности, нашей самобытности. Эти люди, видимо, не знаютъ, что у насъ — лучшій въ мірѣ балетъ и—самая отвратительная постановка книгоиздательскаго дѣла, несмотря на то, что Русь—обширнѣйшій въ мірѣ книжный рынокъ. Имъ не извѣстно, что газеты Сибири, изобилующей лѣсами, печатаются на бумагѣ, привозимой изъ Финляндіи, и что мы возимъ хлопокъ изъ Туркестана въ Москву для того, чтобы, обработавъ оный, отвезти обратно изъ Москвы въ Туркестанъ.

Вообще иностранцы народъ наивный и невѣжественный, и Русь для нихъ — загадка. Для нѣкоторыхъ русскихъ она тоже является загадкой и притомъ весьма глупой, но эти русскіе— просто люди, лишенные чувства къ родинѣ, патріотизма и прочаго, это—еретики, а по мнѣнію людей, обладающихъ волчьимъ патріотизмомъ, это — Хамы, не щадящіе наготы отца своего, будто бы потому, что нагота отвратительна, когда она уродлива и грязна.

Но — шутки прочь. Дѣло въ томъ, что Россію грабятъ не только сами русскіе, а иностранцы, что гораздо хуже, ибо рус-

скій грабитель остается на родинѣ вмѣстѣ съ награбленнымъ, а чужой — улепетываетъ къ себѣ, гдѣ и пополняетъ, за счетъ русскаго ротозѣйства, свои музеи, свои коллекціи, т. е.—увеличиваетъ количество культурныхъ сокровищъ своей страны, сокровищъ, цѣнность которыхъ — неизмѣрима, такъ же, какъ неизмѣримо ихъ эстетическое и пртктическое значеніе. Они не только воспитываютъ вкусъ и любовь къ изящному, не только возбуждаютъ уваженіе къ творческимъ силамъ человѣка, но служатъ возбудителями стремленія къ созданію новыхъ вещей, новыхъ формъ красоты и, такимъ образомъ, вліяютъ на развитіе художественной промышленности. А вмѣстѣ съ неизбѣжнымъ измѣненіемъ соціальныхъ условій, вмѣстѣ съ пріобщеніемъ демократіи къ культурѣ, воспитательная роль художественной промышленности будетъ огромна и развитіе ея быстро.

Мы и тутъ поплетемся сзади другихъ, а мудрецы наши будутъ охать, высказывая запоздалыя и безсмысленныя сожалѣнія:

— «Вѣдь сколько было у насъ, въ Россіи, прекрасныхъ вещей величайшаго значенія, и художественнаго, и научнаго, а вотъ—все исчезло! Такъ жаль, что не догадались своевременно собрать ихъ, устроить музей—какъ бы хорошо было это»!

Поохаютъ и—успокоятся.

А, между тѣмъ, время еще не ушло, и можно бы сохранить много цѣннаго и необходимаго для культуры Россіи.

Меня уже упрекаютъ въ томъ, что «послѣ двадцатипятилѣтняго служенія демократіи я снялъ маску» и измѣнилъ уже своему народу.

Г.г. большевики имѣютъ законное право опредѣлять мое поведеніе такъ, какъ имъ угодно, но я долженъ напомнить этимъ господамъ, что превосходныя душевныя качества русскаго народа никогда не ослѣпляли меня, я не преклонялъ колѣнъ предъ демократіей и она не является для меня чѣмъ-то настолько священнымъ, что совершенно недоступно критикѣ и осужденію.

Въ 1911 году, въ статьѣ о «Писателяхъ-самоучкахъ» я говорилъ: «Мерзости надо обличать, и если нашъ мужикъ—звѣрь, надо сказать это; а если рабочій говоритъ:

— Я пролетарій! —

тѣмъ же отвратительнымъ тономъ человѣка касты, какимъ дворянинъ говоритъ:

Я дворянинъ!—

надо этого рабочаго нещадно осмѣять».

Теперь, когда извѣстная часть рабочей массы, возбужденная обезумѣвшими владыками ея воли, проявляетъ духъ и пріемы касты, дѣйствуя насиліемъ и терроромъ, — тѣмъ насиліемъ, противъ котораго такъ мужественно и длительно боролись ея лучшіе вожди, ея сознательные товарищи, — теперь я, разумѣется, не могу идти въ рядахъ этой части рабочаго класса.

Я нахожу, что заткнуть кулакомъ ротъ «Рѣчи» и другихъ буржуазныхъ газетъ только потому, что онѣ враждебны демократіи — это позорно для демократіи.

Развѣ демократія чувствуетъ себя не правой въ своихъ дѣяніяхъ и — боится критики враговъ? Развѣ кадеты настолько идейно-сильны, что побѣдить ихъ можно лишь путемъ физическаго насилія?

Лишеніе свободы печати — физическое насиліе и это не достойно демократіи.

Держать въ тюрьмѣ старика революціонера Бурцева, человѣка, который нанесъ монархіи не мало мощныхъ ударовъ, держать его тюрьмѣ только за то, что онъ увлекается своей ролью ассензатора политическихъ партій—это позоръ для демократіи. Держать въ тюрьмѣ такихъ честныхъ людей, какъ А. В. Карташовъ, такихъ талантливыхъ работниковъ, какъ М. В. Бернацкій и культурныхъ дѣятелей, каковъ А. И. Коноваловъ, не мало сдѣлавшій добраго для своихъ рабочихъ,—это позорно для демократіи.

Пугать терроромъ и погромами людей, которые не желаютъ участвовать въ бѣшеной пляскѣ г. Троцкаго надъ развалинами Россіи—это позорно и преступно.

Все это не нужно и только усилитъ ненависть къ рабочему классу. Онъ долженъ будетъ заплатить за ошибки и преступленія своихъ вождей — тысячами жизней, потоками крови.

Хотятъ арестовать Ираклія Церетели, талантливаго политическаго дѣятеля, честнѣйшаго человѣка.

За борьбу противъ монархіи, за его защиту интересовъ рабочаго класса, за пропаганду идеи социлизма, старое правительство наградило Церетели каторгой и туберкулезомъ.

Нынѣ правителвство, дѣйствующее якобы отъ имени и по волѣ всего пролетаріата хочетъ, наградитъ Церетели тюрьмой —за что? Не понимаю.

Я знаю, что Церетели опасно боленъ, но,—само собою разумѣется, я не посмѣлъ бы оскорбить этого мужественнаго человѣка, взывая о состраданіи къ нему. Да—и къ кому бы я взывалъ? Серьезные, разумные люди, не потерявшіе головы, нынѣ чувствуютъ себя «въ пустынѣ,—увы!—не безлюдной». Они—безсильны въ бурѣ возбужденныхъ страстей. Жизнью правятъ люди, находящіеся въ непрерывномъ состояніи «запальчивости и раздраженія». Это состояніе признается закономъ одною изъ причинъ, дающихъ преступнику право на снисхожденіе къ нему, но—это все таки состояніе „вмѣняемости“.

„Гражданская война“, т. е. взаимоистребленіе демократій къ злорадному удовольствію ея враговъ, затѣяна и разжигается этими людьми. И теперь уже и для пролетаріата, околдованнаго ихъ демократическимъ краснорѣчіемъ, ясно что ими руководятъ не практическіе интересы рабочаго класса, а теоретическое торжество анархо-синдикалистскихъ идей.

Сектанты и фанатики, постепенно возбуждая несбыточныя, неосуществимыя въ условіяхъ действительности надежды и инстинкты темной массы, они изолируютъ пролетарскую, истинно социалистическую, сознательно революціонную интеллигенцію,—они отрываютъ у рабочаго класса голову.

И если они рѣшаютъ играть судьбою цѣлаго класса,—что имъ до судьбы одного изъ старыхъ, лучшихъ товарищей своихъ, до жизни одного изъ честнѣйшихъ рыцарей социализма?

Какъ для полуумнаго протопопа Аввакума, для нихъ догматъ выше человѣка.

Чѣмъ же все это кончится для русской демократіи, которую такъ упорно стараются обезличить?

Все, что заключаетъ въ себѣ жестокость или безразсудство, всегда найдетъ доступъ къ чувствамъ невѣжды и дикаря.

Недавно матросъ Желѣзняковъ, переводя свирѣпыя рѣчи своихъ вождей на простецкій языкъ человѣка массы, сказалъ, что для благополучія русскаго народа можно убить и милліонъ людей.

Я не считаю это заявленіе хвастовствомъ и хотя рѣшительно не признаю такихъ обстоятельствъ, которыя смогли-бы оправдать массовыя убійства, но—думаю—что милліонъ «свободныхъ гражданъ» у насъ могутъ убить. И больше могутъ. Почему не убивать?

Людей на Руси—много, убійцъ—тоже достаточно, а когда дѣло касается суда надъ ними,—власть народныхъ комиссаровъ встрѣчаетъ какія-то таинственныя препятствія, какъ она, видимо, встрѣтила ихъ въ дѣлѣ по разслѣдованію гнуснѣйшаго убійства Шингарева и Кокошкина. Поголовное истребленіе несогласно мыслящихъ — старый, испытанный пріемъ внутренней политики россійскихъ правительствъ. Отъ Ивана Грознаго до Николая II-го этимъ простымъ и удобнымъ пріемомъ борьбы съ крамолой свободно и широко пользовались всѣ наши политическіе вожди— почему-же Владиміру Ленину отказываться отъ такого упрощеннаго пріема?

Онъ и не отказывается, откровенно заявляя, что не побрезгуетъ ничѣмъ для искорененія враговъ.

Но я думаю, что въ результатѣ такихъ заявленій мы получимъ длительную и жесточайшую борьбу всей демократіи и лучшей части рабочаго класса противъ той зоологической анархіи, которую такъ дѣятельно воспитываютъ вожди изъ Смольнаго.

Вотъ чѣмъ грозятъ Россіи упрощенные переводы анархо-коммунистическихъ лозунговъ на языкъ родныхъ осинъ.

* * *

Пр. — прапорщикъ или профессоръ? — Романъ Петкевичъ пишетъ мнѣ: «Вашъ споръ съ большевизмомъ — глубочайшая ошибка, вы боретесь противъ духа націи, стремящагося къ возрожденію. Въ большевизмѣ выражается особенность русскаго духа, его самобытность. Обратите же вниманіе: каждому свое! Каждая нація создаетъ свои особенные, индивидуальные, только

ей свойственные пріемы и методы соціальной борьбы. Французы, итальянцы — анархо-синдикалисты, англичане наиболѣе склонны къ тредъ-юніонамъ, а казарменный соціалдемократизмъ нѣмцевъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ ихъ бездарности.

Мы-же, по пророчеству великихъ нашихъ учителей—напр. Достоевскаго и Толстого, — являемся народомъ — Мессіей, на который возложено итти дальше всѣхъ и впереди всѣхъ. Именно нашъ духъ освободитъ міръ изъ цѣпей исторіи».

И т. д. въ тонѣ московскаго неославянофильства, которое такъ громко визжало въ началѣ войны.

До чего-же безпріютенъ русскій человѣкъ!

Сегодня «Прощеное Воскресенье».

По стародавнему обычаю въ этотъ день люди просили другъ у друга прощенія во взаимныхъ грѣхахъ противъ чести и достоинства человѣка. Это было тогда, когда на Руси существовала совѣсть; когда даже темный, уѣздный русскій народъ смутно чувствовалъ въ душѣ своей тяготѣніе къ соціальной справедливости, понимаемой, можетъ быть, узко, но все-таки — понимаемой.

Въ наши кошмарные дни совѣсть издохла. Всѣ помнятъ, какъ русская интеллигенція, вся, безъ различія партійныхъ уродствъ, возмущалась безсовѣстнымъ дѣломъ Бейлиса, и подлымъ разстрѣломъ ленскихъ рабочихъ, еврейскими погромами и клеветой, обвинявшей всѣхъ евреевъ поголовно въ измѣнѣ Россіи. Памятно и возбужденіе совѣсти, вызванное процессомъ Половнева, Ларичкина и другихъ убійцъ Іоллоса, Герценштейна.

Но вотъ убиты невинные и честные люди Шингаревъ, Кокошкинъ, а у нашихъ властей не хватаетъ ни силъ, ни совѣсти предать убійцъ суду.

Разстрѣляны шестеро юныхъ студентовъ, ни въ чемъ неповинныхъ, — это подлое дѣло не вызываетъ волненій совѣсти въ разрушенномъ обществѣ культурныхъ людей.

Десятками избиваютъ «буржуевъ» въ Севастополѣ, въ Евпаторіи, — и никто не рѣшается спросить творцовъ „соціальной“ революціи: не являются-ли они моральными вдохновителями массовыхъ убійствъ?

Издохла совѣсть. Чувство справедливости направлено на дѣло разспредѣленія матеріальныхъ благъ, — смыслъ этого «распредѣленія» особенно понятенъ тамъ, гдѣ нищій нищему продастъ подъ видомъ хлѣба еловое полѣно, запеченное въ тонкій слой тѣста. Полуголодные нищіе обманываютъ и грабятъ другъ друга — этимъ наполненъ текущій день. И за все это — за всю грязь, кровь, подлость и пошлость—притаившіеся враги рабочаго класса возложатъ современемъ вину именно на рабочій классъ, на его интеллигенцію, безсильную одолѣть моральный развалъ одичавшей массы. Гдѣ слишкомъ много политики, тамъ нѣтъ мѣста культурѣ, а если политика насквозь пропитана страхомъ передъ массой и лестью ей — какъ страдаетъ этимъ политика совѣтской власти — тутъ уже, пожалуй, совершенно безполезно говорить о совѣсти, справедливости, объ уваженіи къ человѣку и обо всемъ другомъ, что политическій цинизмъ именуетъ «сантиментальностью», но безъ чего — нельзя жить.

Среди распоряженій и дѣйствій правительства, оглашенныхъ на-дняхъ въ нѣкоторыхъ газетахъ, я съ величайшимъ изумленіемъ прочиталъ громогласное заявленіе «Особаго Собранія Моряковъ Краснаго Флота Республики» — въ этомъ заявленіи моряки оповѣщаютъ:

«Мы моряки, рѣшили: если убійства нашихъ лучшихъ товарищей будутъ впредь продолжаться, то мы выступимъ съ оружіемъ въ рукахъ и за каждаго нашего убитаго товарища будемъ отвѣчать смертью сотенъ и тысячъ богачей, которые живутъ въ свѣтлыхъ и роскошныхъ дворцахъ, организовывая контръ-революціонныя банды противъ трудящихся массъ, противъ тѣхъ рабочихъ, солдатъ и крестьянъ, которые въ октябрѣ вынесли на своихъ плечахъ революцію».

Это, что-же—крикъ возмущенной справедливости?

Но тогда я, какъ и всякій другой гражданинъ нашей республики, имѣю право спросить гражданъ моряковъ:

Какія у нихъ данныя утверждать, что Мясниковъ и Забѣлло погибли отъ „предательской руки тирановъ“? И — если таковыя данныя имѣются—почему они не опубликованы?

Почему правительство нашло нужнымъ включить въ число своихъ „дѣйствій и распоряженій" грозный ревъ „красы и гордости" русской революціи?

Что-же, правительство согласно съ методомъ дѣйствій, обѣщаннымъ моряками?

Или оно безсильно воспрепятствовать этому методу?

И,—наконецъ,—не само ли оно внушило морякамъ столь дикую идею физическаго возмедія?

Думаю, что на послѣдній вопросъ, правительство, по совѣсти, должно отвѣтить признаніемъ своей вины.

Вѣроятно всѣ помнятъ, что послѣ того, какъ нѣкій шалунъ или скучающій лѣнтяй расковырялъ перочиннымъ ножикомъ кузовъ автомобиля, въ которомъ ѣздилъ Ленинъ,—«Правда», принявъ порчу автомобильнаго кузова за покушеніе на жизнь Владиміра Ильича, грозно заявила:

«За каждую нашу голову мы возьмемъ по сотнѣ головъ буржуазіи».

Видимо эта ариѳметика безумія и трусости произвела должное вліяніе на моряковъ,—вотъ они уже требуютъ не сотню, а тысячи головъ за голову.

Самооцѣнка русскаго человѣка повышается. Правительство можетъ поставить это въ заслугу себѣ.

Но для меня,—какъ, вѣроятно, и для всѣхъ, еще не окончательно обезумѣвшихъ людей,— грозное заявленіе моряковъ является не крикомъ справедливости, а дикимъ ревомъ разнузданныхъ и трусливыхъ звѣрей.

* * *

Я обращаюсь непосредственно къ морякамъ, авторамъ зловѣщаго объявленія.

Нѣтъ сомнѣнія, господа, въ томъ, что вы, люди вооруженные, можете безнаказанно перебить и перерѣзать столько «буржуевъ», сколько вамъ будетъ угодно. Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія,—ваши товарищи уже пробовали устраивать массовыя убійства буржуазной «интеллигенціи»,—перебивъ нѣсколько сотъ грамотныхъ людей въ Севастополѣ, Евпаторіи, они объявили:

«Что сдѣлано,—то сдѣлано, а суда надъ нами не можетъ быть».

Эти слова звучатъ какъ полупокаяніе, полуугроза, и въ этихъ словахъ, господа моряки, цѣликомъ сохраненъ и торжествуетъ духъ кроваваго деспотизма той самой монархіи, внѣшнія формы которой вы разрушили, но душу ея — не можете убить и вотъ она живетъ въ вашихъ грудяхъ, заставляя васъ рычать зрѣрями, лишая образа человѣчьяго.

Вамъ, господа, слѣдовало-бы крѣпко помнить, что вы воспитаны насиліемъ и убійствами и что когда вы говорите «суда надъ нами — не можетъ быть», — вы говорите это не потому, что сознали ваше право на власть, а только потому, что знаете: при монархіи за массовыя убійства никого не судили, не наказывали. Никого не судили за убійство тысячъ людей 9 января 1905 г., за разстрѣлъ ленскихъ и златоустовскихъ рабочихъ, за избіеніе вашихъ товарищей Очаковцевъ, за всѣ тѣ массовыя убійства, которыми была такъ богата монархія.

Вотъ, въ этой атмосферѣ безнаказанныхъ преступленій вы и воспитаны, эта кровавая отрыжка старины и звучитъ въ вашемъ ревѣ.

Точно такъ-же какъ монархическое правительство, избивая сотнями матросовъ, рабочихъ, крестьянъ, солдатъ, свидѣтельствовало о своемъ моральномъ безсиліи, точно такъ-же, грознымъ заявленіемъ своимъ, моряки краснаго флота признаются, что кромѣ штыка и пули у нихъ нѣтъ никакихъ средствъ для борьбы за соціальную справедливость. Разумѣется, убить проще, чѣмъ убѣдить, и это простое средство, какъ видно, очень понятно людямъ, воспитаннымъ убійствами и обученнымъ убійствамъ.

Я спрашиваю васъ, господа моряки: гдѣ и въ чемъ разница между звѣриной психологіей монархіи и вашей психологіей? Монархисты были искренно убѣждены, что счастіе Россіи возможно только при поголовномъ истребленіи всѣхъ инако мыслящихъ,—вы думаете и дѣйствуете точно такъ же.

Повторяю: убить — проще и легче, чѣмъ убѣдить, но — развѣ не насилія надъ народомъ разрушили власть монархіи. Изъ того, что вы раздѣлите между собой матеріальныя богатства Россіи, она не станетъ ни богаче, ни счастливѣе, вы не будете лучше, человѣчнѣе. Новыя формы жизни требуютъ новаго духовнаго содержанія—способны ли вы создать эту духовную новизну? Судя по вашимъ словамъ и дѣйствіямъ, вы еще не способны къ этому, — вы, дикіе русскіе люди, развращенныс

и замученные старой властью, вамъ она привила въ плоть и кровь всѣ свои страшныя болѣзни и свой безсмысленный деспотизмъ.

Но, дѣйствуя такъ, какъ вы дѣйствуете, вы даете будущей реакціи право ссылаться на васъ, право сказать въ лицо вамъ: при соціалистическомъ правительствѣ, когда власть была въ вашихъ рукахъ, вы точно такъ же, какъ мы, до революціи, массами убивали народъ.

И этимъ вы дали намъ право убивать васъ.

Господа моряки! Надобно опомниться. Надо постараться быть людьми. Это—трудно, но—это необходимо.

Моя статейка по поводу заявленія группы матросовъ о ихъ готовности къ массовымъ убійствамъ безоружныхъ и ни въ чемъ неповинныхъ людей вызвала со стороны единомышленниковъ этой группы нѣсколько писемъ, въ которыхъ разные безстыдники и безумцы пугаютъ меня страшнѣйшими казнями.

Это — глупо, потому что угрозами нельзя заставить меня онѣмѣть, и, чѣмъ бы мнѣ ни грозили, я всегда скажу, что скоты — суть скоты, а идіоты — суть идіоты и что путемъ убійствъ, насилій и тому подобныхъ пріемовъ нельзя добиться торжества соціальной справедливости.

Но вотъ письмо, которое я считаю необходимымъ опубликовать, какъ единственный человѣческій откликъ на мою статью.

«Прочитавши вашу статью „Несвоевременныя мысли“ въ газетѣ «Новая Жизнь» № 51 (266), я хочу вѣрить, что вы далеко не всѣхъ носителей матроской шинели считаете разнузданными дикарями. Но позвольте спросить, что долженъ дѣлать я при встрѣчѣ съ вами или вообще съ гражданиномъ въ статскомъ костюмѣ, согласнымъ съ вашимъ мнѣніемъ и взглядомъ на моряковъ, и не только я а сотня лицъ, сейчасъ живущихъ въ темномъ кругу со мною, которыхъ я отлично знаю, знаю, что въ нихъ, какъ и во мнѣ, никогда даже не было мысли объ убійствѣ и даже о малѣйшемъ озорствѣ. Какъ

же мы будемъ смотрѣть въ глаза, — вѣдь мы носимъ матросскія шинели.

Читая вашу статью, я болѣлъ душою не только за себя, но и за тѣхъ моихъ товарищей, которые невинно пригвождены къ позорному столбу общественнаго мнѣнія. Я живу съ ними, я знаю ихъ, какъ самого себя, знаю, какъ незамѣтныхъ, но честныхъ тружениковъ, чьи мысли не проникаютъ на судъ широкой публики, а потому я прошу васъ сказать о нихъ ваше громкое задушевное слово, такъ какъ мои и ихъ страданія — незаслуженныя. Матросъ: подпись неразборчива, Кронштадтъ, 27 марта с. г.»

Само собою разумѣется, что я далекъ отъ желанія обвинять въ склонности къ звѣрскимъ убійствамъ всѣхъ матросовъ. Нѣтъ, я имѣлъ въ виду только тѣхъ, которые заявили о себѣ убійствами въ Севастополѣ и Евпаторіи, убійствомъ Шингарева и Кокошкина, и ту группу, которая сочинила и подписала извѣстное безумное заявленіе, опубликованное среди «Распоряженій и дѣйствій Правительства».

Я не стану отрицать, что на Руси даже среди профессіональныхъ воровъ и убійцъ есть очень много «совѣстливыхъ» людей — это всѣмъ извѣстно; ограбитъ человѣкъ или убьетъ ближняго, а потомъ у него «душа скучаетъ» — болитъ совѣсть. Очень многіе добрые русскіе люди весьма утѣшаются этой «скукой души», — имъ кажется, что дрябленькая совѣстливость — признакъ духовнаго здоровья, тогда какъ вѣроятнѣе всего — это признакъ болѣзненнаго безволія людей, которые передъ тѣмъ, какъ убить, восхищаются скромной красотой полевого цвѣтка и могутъ совмѣщать въ себѣ искренняго революціонера съ не менѣе искреннимъ провокаторомъ, какъ это бывало у насъ слишкомъ часто.

Я думаю, что мы всѣ — матросы и литераторы, «буржуа» и пролетаріи — одинаково безвольны и трусливы, что отнюдь не мѣшаетъ намъ быть жесточайшими физическими и моральными истязателями другъ друга. Въ доказательство этой печальной правды, я предлагаю читателю сравнить психологію уличныхъ самосудовъ съ пріемами газетной «полемики» — въ

обоихъ случаяхъ — и въ газетахъ, и на улицахъ — онъ увидитъ одинаково слѣпыхъ и бѣшеныхъ людей, главная цѣль и высочайшее наслажденіе которыхъ въ томъ, чтобы какъ можно больнѣе и жесточе нанести ближнему ударъ «въ морду» или въ душу.

Это — психика людей, которые все еще не могутъ забыть, что 56 лѣтъ тому назадъ они были рабами — и что каждый изъ нихъ могъ быть выпоротъ розгами, что они живутъ въ странѣ, гдѣ безнаказанно возможны массовые погромы и убійства, и гдѣ человѣкъ — ничего не стоитъ. Ничего.

Гдѣ нѣтъ уваженія къ человѣку, тамъ рѣдко родятся и недолго живутъ люди, способные уважать самихъ себя.

А откуда оно явится, это уваженіе?

Въ «Правдѣ» различныя звѣрюшки науськиваютъ пролетаріатъ на интеллигенцію. Въ «Нашемъ Вѣкѣ» хитроумныя мокрицы науськиваютъ интеллигенцію на пролетаріатъ. Это называется «классовой борьбой», несмотря на то, что интеллигенція превосходно пролетаризирована и уже готова умирать голодной смертью вмѣстѣ съ пролетаріатомъ. Не саботируй! Но моральное чувство интеллигента не можетъ позволить ему работать съ правительствомъ, которое включаетъ въ число своихъ «дѣйствій и распоряженій» извѣстную угрозу группы матросовъ и тому подобныя гадости. Что бы и какъ бы краснорѣчиво ни говорили мудрецы отъ большевизма о «саботажѣ» интеллигенціи, — фактъ, что русская революція погибаетъ именно отъ недостатка интеллектуальныхъ силъ. Въ ней очень много болѣзненно раздраженнаго чувства и не хватаетъ культурно-воспитаннаго, грамотнаго разума.

Теперь большевики опомнились и зовутъ представителей интеллектуальной силы къ совмѣстной работѣ съ ними. Это — поздно, а все-таки не плохо.

Но — навѣрное, начнется нѣкій ростовщичій торгъ, въ которомъ одни будутъ много запрашивать, другіе — понемножку уступать, а страна будетъ разрушаться все дальше, а народъ станетъ развращаться все больше.

На дняхъ какіе-то окаянные мудрецы осудили семнадцатилѣтняго юношу на семнадцать лѣтъ общественныхъ работъ за то, что этотъ юноша откровенно и честно заявилъ: «я не признаю Совѣтской власти!»

Не говоря о томъ, что людей, которые не признаютъ авторитета власти комиссаровъ найдется въ Россіи десятки милліоновъ и что всѣхъ этихъ людей невозможно истребить, я нахожу полезнымъ запомнить строгимъ, но не умнымъ судьямъ о томъ, откуда явился этотъ честный юноша, столь нелѣпо—сурово осужденный ими.

Этотъ юноша — плоть отъ плоти тѣхъ прямодушныхъ и безстрастныхъ людей, которые на протяженіи десятилѣтій, живя въ атмосферѣ полицейскаго надзора, шпіонства и предательства, неустанно разрушали свинцовую тюрьму монархіи, внося, съ опасностью для свободы и жизни своей, въ темныя массы рабочихъ и крестьянъ идеи свободы, права, соціализма. Этотъ юноша — духовный потомокъ людей, которые будучи схвачены врагами и изнывая въ тюрьмахъ, отказывались на допросахъ разговаривать съ жандармами изъ презрѣнія къ побѣдившему врагу.

Этотъ юноша воспитанъ высокимъ примѣромъ тѣхъ лучшихъ русскихъ людей, которые сотнями и тысячами погибали въ ссылкѣ, въ тюрьмахъ, въ каторгѣ и на костяхъ которыхъ мы нынѣ собираемся строить новую Россію.

Это — романтикъ, идеалистъ, которому органически противна »реальная политика» насилія и обмана, политика фанатиковъ догмы, окруженныхъ — по ихъ-же сознанію — жуликами и шарлатанами.

Чтобъ воспитать мужественнаго и честнаго юношу въ подлыхъ условіяхъ русской жизни, требовалась огромная затрата духовныхъ силъ, почти цѣлый вѣкъ напряженной работы.

И вотъ теперь тѣ люди, ради свободы которыхъ совершалась эта работа, не понимая, что честный врагъ лучше подлаго друга, осудили мужественнаго юношу за то, что онъ, — какъ это и слѣдуетъ, — не можетъ и не хочетъ признавать власть, попирающую свободу. Есть очень умная басня о свиньѣ подъ дубомъ вѣковымъ, — можетъ быть, премудрые судьи найдутъ время прочитать ее? Имъ необходимо ознакомиться съ моралью этой басни.

Въ Москвѣ арестованъ И. Д. Сытинъ, человѣкъ недавно отпраздновавшій пятидесятилѣтній юбилей книгоиздательской дѣятельности. Онъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія

гораздо болѣе дѣйствительнымъ и полезнымъ для русской деревни, чѣмъ графъ Дм. Толстой и другіе министры царя. Несомнѣнно, что сотни милліоновъ Сытнинскихъ календарей и листовокъ по крайней мѣрѣ на половину сокращали рецидивы безграмотности. Онъ всю жизнь стремился привлечь къ своей работѣ лучшія силы русской интеллигенціи, и не его вина, что онъ былъ плохо понятъ ею въ своемъ искреннемъ желаніи «облагородить» сытинскую книгу. Все таки онъ съумѣлъ привлечь къ своему дѣлу вниманіе и помощь такихъ людей, какъ А. Н. Толстой, А. П. Чеховъ, Н. А. Рубакинъ, Вахтеровъ, Клюжевъ, А. М. Калмыкова и десятки другихъ. Имъ основано книгоиздательство «Посредникъ», онъ далъ Харьковскому Комитету грамотности мысль издать, многотомную и полезную «Сельско-Хозяйственную Энциклопедію». За пятьдесятъ лѣтъ Иванъ Сытинъ, самоучка, совершилъ огромную работу неоспоримаго культурнаго значенія. Во Франціи, въ Англіи, странахъ «буржуазныхъ», какъ это извѣстно, Сытинъ былъ-бы признанъ геніальнымъ человѣкомъ и по смерти ему поставили-бы памятникъ, какъ другу и просвѣтителю народа.

Въ «соціалистической» Россіи, «самой свободной странѣ міра», Сытина посадили въ тюрьму, предварительно разрушивъ его огромное, превосходно налаженное технически дѣло и разоривъ старика. Конечно, было-бы умнѣе и полезнѣе для Совѣтской власти привлечь Сытина, какъ лучшаго организатора книгоиздательской дѣятельности къ работѣ по реставраціи развалившагося книжнаго дѣла, но — объ этомъ не догадались, а сочли нужнымъ наградить рѣдкаго работника за трудъ его жизни—тюрьмой. Такъ матерая русская глупость заваливаетъ затѣями и нелѣпостями пути и тропы къ возрожденію страны, такъ Совѣтская власть расходуетъ свою энергію на безсмысленное и пагубное и для нея самой, и для всей страны возбужденіе злобы, ненависти и злорадства, съ которымъ органическіе враги соціализма отмѣчаютъ каждый ложный шагъ, каждую ошибку, всѣ вольные и невольные грѣхи ея.

Совѣтская власть снова придушила нѣсколько газетъ, враждебныхъ ей.

Безполезно говорить, что такой пріемъ борьбы съ врагами—не честенъ, безполезно напоминать, что при монархіи порядочные люди единодушно считали закрытіе газетъ дѣломъ подлымъ, безполезно, ибо понятія о честности и нечестности, очевидно, внѣ компетенціи и внѣ интересовъ власти, безумно увѣренной, что она можетъ создать новую государственность на основѣ старой—произволѣ и насиліи.

Но вотъ какія, не новыя, впрочемъ, — соображенія вызываетъ новый актъ государственной мудрости комиссаровъ.

Уничтоженіе непріятныхъ органовъ гласности не можетъ имѣть практическихъ послѣдствій, желаемыхъ властью, этимъ актомъ малодушія нельзя задержать ростъ настроеній, враждебныхъ г. г. комиссарамъ и революціи.

Г. г. комиссары бьютъ съ размаха, не разбирая, кто является противникомъ только ихъ безумствъ, кто—принципіальнымъ врагомъ революціи вообще. Хватая за горло первыхъ, они ослабляютъ голосъ революціонной демократіи, голосъ чести и правды; зажимая ротъ вторымъ, они творятъ мучениковъ въ средѣ враговъ.

Украшая растущую реакцію ореоломъ мученичества, они насыщаютъ ее притокомъ новой энергіи и создаютъ оправданіе подлостямъ будущаго, подлостямъ, которыя обратятся не только противъ всей демократіи, а главнымъ образомъ противъ рабочаго класса; онъ первый и всѣхъ дороже заплатитъ за глупости и ошибки своихъ вождей.

Итакъ, уничтожая свободу слова, г. г. комиссары не пріобрѣтутъ этимъ пользы для себя и наносятъ великій вредъ дѣлу революціи.

Чего они боятся, чего малодушничаютъ? Реальные политики, способные, казалось бы, правильно учесть значеніе силъ, творящихъ жизнь, неужели они думаютъ, что сила слова можетъ быть механически уничтожена ими? Люди, опытные въ дѣлахъ подпольныхъ, они не могутъ не знать, что запрещенное слово пріобрѣтаетъ особую убѣдительность.

И, наконецъ, неужели они до такой степени потеряли вѣру въ себя, что ихъ страшитъ врагъ, говорящій открыто, полнымъ голосомъ, и вотъ, они пытаются заглушить его хоть немножко?

Гонимая идея, хотя бы и реакціонная, пріобрѣтаетъ нѣкій оттѣнокъ благородства, возбуждаетъ сочувствіе.

Дайте свободу слову, какъ можно больше свободы, ибо, когда враги говорятъ много—они, въ концѣ концовъ говорятъ глупости, а это очень полезно.

Извѣстный русскій изслѣдователь племенъ Судана — Юнкеръ говоритъ:

«Жалкіе дикари съ ужасомъ отворачиваются отъ человѣческаго мяса, тогда какъ народы, достигшје сравнитнльно значительнаго уровня культуры впадаютъ въ людоѣдство».

Мы, русскіе, несомнѣнно достигли «сравнительно значительнаго уровня культуры»,—объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ та жадность, съ которой мы стремились и стремимся пожрать племена политически враждебныя намъ.

Едва ли не съ первыхъ дней революцій извѣстная часть печати съ яростью людоѣдовъ племени «нямъ нямъ» набросилась на демократію и стала изо дня въ день грызть головы солдатъ, крестьянъ, рабочихъ, свирѣпо обличая ихъ въ пристрастіи къ «сѣмячкамъ», въ отсутствіи у нихъ чувства любви къ родинѣ, сознанія личной отвѣтственности за судьбы Россіи и во всѣхъ смертныхъ грѣхахъ. Никто не станетъ отрицать что лѣнь, сѣмячки, соціальная тупость народа и все прочее, въ чемъ упрекали его — горькая правда, но — слѣдовало «то же бы слово, да не также молвить». И слѣдуетъ помнить что вообще народъ не можетъ быть лучше того, каковъ онъ есть, ибо о томъ, чтобы онъ былъ лучше—заботились мало.

Худосочное, истерическое раздраженіе, замѣняющее у насъ «священный гнѣвъ», пользовалось всѣмъ лексикономъ оскорбительныхъ словъ и не считалось съ послѣдствіями, какія эти слова должны были неизбѣжно вызвать въ сердцахъ судимыхъ людей.

Казалось бы, что «культурные» руководители извѣстныхъ органовъ печати должны были понимать, какой превосходной помощью авантюристамъ служитъ яростное поношеніе демократіи, какъ хорошо помогаетъ это демогогамъ въ ихъ стремленіи овладѣть психологіей массъ.

Это простое соображеніе не пришло въ головы мудрыхъ политиковъ, и если нынѣ мы видимъ предъ собой людей совершенно утратившихъ человѣческій обликъ — половину вины за это мрачное явленіе обязаны взять на себя тѣ почтенные граждане, которые пытались привить людямъ культурныя чувства и мысли путемъ словесныхъ зуботычинъ и бичей.

Объ этомъ поздно говорить? Нѣтъ, не поздно. Горло печати ненадолго зажато «новой» властью, которая такъ позорно пользуется старыми пріемами удушенія свободы слова. Скоро газеты снова заговорятъ, и, конечно, онѣ должны будутъ сказать все, что необходимо знать всѣмъ намъ въ стыдъ и въ поученіе наше.

Но, если мы, парадируя другъ передъ другомъ въ плохенькихъ ризахъ безсильнаго гнѣва и злобненькой мести, снова будемъ продолжать ядовитую работу возбужденія злыхъ началъ и темныхъ чувствъ—мы должны заранѣе признать, что беремъ на себя отвѣтственность за все, чѣмъ откликнется народъ на оскорбленія, бросаемыя въ слѣдъ ему.

Озлобленіе—неизбѣжно, однако—въ нашей волѣ сдѣлать его не столь отвратительнымъ. Даже въ кулачной дракѣ есть свои законы приличія. Я знаю,—смѣшно говорить на Святой Руси о рыцарскомъ чувствѣ уваженія къ врагу, но я думаю, что будетъ очень полезно придать нашему худосочному гнѣву болѣе приличныя словесныя формы.

Пусть каждый предоставитъ врагу своему право быть хуже его, и тогда наши словесныя битвы пріобрѣтутъ больше силы, убѣдительности, даже красоты.

Откровенно говоря—я хотѣлъ—бы сказать:

— Будьте человѣчнѣе въ эти дни всеобщаго озвѣрѣнія:

Но я знаю, что нѣтъ сердца, которое приняло бы эти слова. Ну, такъ будемъ хоть болѣе тактичными и сдержанными, выражая свои мысли и ощущенія, не надо забывать, что — въ концѣ концовъ,—народъ учится у васъ злости и ненависти.

Извѣстная часть нашей интеллигенціи, изучая русское народное творчество по нѣмецкой указкѣ, тоже очень быстро дошло до славянофильства, панславизма, «мессіанства», заразивъ вредной идеей русской самобытности другую часть мыслящихъ людей, которые, мысля по-европейски, чувствовали по-русски,

и это привело ихъ къ сентиментальному полуобожанію «народа», воспитаннаго въ рабствѣ, пьянствѣ, мрачныхъ суевѣріяхъ церкви и чуждаго красивымъ мечтамъ интеллигенціи.

Русскій народъ, — въ силу условій своего историческаго развитія, — огромное дряблое тѣло, лишенное вкуса къ государственному строительству и почти недоступное вліянію идей, способныхъ облагородить волевые акты; русская интеллигенція—болѣзненно распухшая отъ обилія чужихъ мыслей голова, связанная съ туловищемъ не крѣпкимъ позвоночникомъ единства желаній и цѣлей, а какой-то еле различимой тоненькой нервной нитью.

Забитый до отупѣнія жестокой дѣйствительностью, пьяненькій, до отвращенія терпѣливый и, по-своему, хитренькій, московскій народъ всегда былъ и остается—совершенно чуждъ психологически россійскому интеллигенту, богатому книжными знаніями и нищему знаніемъ русской дѣйствительности. Тѣло плотно лежитъ на землѣ, а голова выросла высоко въ небеса,—издали-же, какъ извѣстно, все кажется лучше, чѣмъ вблизи.

Конечно, мы совершаемъ опытъ соціальной революціи,—занятіе весьма утѣшающее маньяковъ этой прекрасной идеи и очень полезное для жуликовъ. Какъ извѣстно, однимъ изъ наиболѣе громкихъ и горячо принятыхъ къ сердцу лозунговъ нашей самобытной революціи явился лозунгъ: «Грабь награбленное»!

Грабятъ—изумительно, артистически; нѣтъ сомнѣнія, что объ этомъ процессѣ самоограбленія Руси, исторія будетъ разсказывать съ величайшимъ паѳосомъ.

Грабятъ и продаютъ церкви, военные музеи, продаютъ пушки и винтовки, разворовываютъ интендантскіе запасы,—грабятъ дворцы бывшихъ великихъ князей, расхищаютъ все, что можно расхитить, продается все, что можно продать, въ Ѳеодосіи солдаты даже людьми торгуютъ: привезли съ Кавказа турчанокъ, армянокъ, курдокъ и продаютъ ихъ по 25 руб. за штуку. Это очень «самобытно», и мы можемъ гордиться—ничего подобнаго не было даже въ эпоху Великой Французской революціи.

Честные люди, которыхъ у насъ всегда былъ недостатокъ, нынѣ почти совсѣмъ перевелись; недавно я слышалъ приглашеніе такого рода:

— Поѣзжайте къ намъ, товарищъ, а то у насъ, кромѣ трехъ рабочихъ, ни одного честнаго человѣка нѣтъ!

И вотъ этотъ маломощный, темный, органически склонный къ анархизму народъ нынѣ призывается быть духовнымъ водителемъ міра, Мессіей Европы.

Казалось бы, что эта курьезная и сентиментальная идея не должна путать трагическую игру народныхъ комиссаровъ. Но «вожди народа» не скрываютъ своего намѣренія зажечь изъ сырыхъ русскихъ полѣньевъ костеръ, огонь котораго освѣтилъ бы западный міръ, тотъ міръ, гдѣ огни соціальнаго творчества горятъ болѣе ярко и разумно, чѣмъ у насъ, на Руси.

Костеръ зажгли; онъ горитъ плохо, воняетъ Русью, грязненькой, пьяной и жестокой. И вотъ эту несчастную Русь тащатъ и толкаютъ на Голгофу, чтобы распять ее ради спасенія міра. Развѣ это не «мессіанство» во сто лошадиныхъ силъ?

А западный міръ суровъ и недовѣрчивъ, онъ совершенно лишенъ сентиментализма. Въ этомъ мірѣ дѣло оцѣнки человѣка стоитъ очень просто: вы любите, вы умѣете работать? Если такъ — вы человѣкъ необходимый міру, вы именно тотъ человѣкъ, силою котораго творится все цѣнное и прекрасное. Вы не любите, не умѣете работать? Тогда, при всѣхъ иныхъ вашихъ качествахъ, какъ-бы они ни были превосходны, вы—лишній человѣкъ въ мастерской міра. Вотъ и все.

А такъ какъ россіяне работать не любятъ и не умѣютъ, и западно-европейскій міръ это ихъ свойство знаетъ очень хорошо, то — намъ будетъ очень худо, хуже, чѣмъ мы ожидаемъ...

Наша революція дала полный просторъ всѣмъ дурнымъ и звѣрскимъ инстинктамъ, накопившимся подъ свинцовой крышей монархіи, и, въ то же время, она отбросила въ сторону отъ себя всѣ интеллектуальныя силы демократій, всю моральную энергію страны. Мы видимъ, что среди служителей Совѣтской власти то-и-дѣло ловятъ взяточниковъ, спекулянтовъ, жуликовъ, а честные, умѣющіе работать люди, чтобъ не умереть отъ голода, торгуютъ на улицахъ газетами, занимаются физическимъ трудомъ, увеличивая массы безработныхъ.

Это—кошмаръ, это чисто русская нелѣпость, и не грѣхъ сказать—это идіотизмъ!

Всѣ условія дѣйствительности повелительно диктуютъ необходимость объединенія демократіи, для всякаго разумнаго человѣка ясно, что только единство демократіи позволитъ спасти революцію отъ полной гибели, поможетъ ей одолѣть

внутренняго врага и бороться съ внѣшнимъ. Но Совѣтская власть этого не понимаетъ, будучи занята исключительно дѣломъ собственнаго спасенія отъ гибели, неизбѣжной для нея.

Устремивъ взоры свои въ даль грядущаго, она забываетъ о томъ, что будущее создается изъ настоящаго. Въ настоящемъ, страна имѣетъ дезорганизованный рабочій классъ, истребляемый въ междуусобной бойнѣ, разрушенную до основанія промышленность, ощипанное до-гола государство, отданное на потокъ и разграбленіе людямъ звѣриныхъ инстинктовъ.

Власть безсильна въ борьбѣ съ этими людьми, безсильна, сколько-бы она ни разстрѣливала „нечаянно» людей ни въ чемъ неповинныхъ.

И она будетъ безсильна въ этой борьбѣ до поры, пока не рѣшится привлечь къ дѣлу строительства жизни всѣ интеллектуальныя силы русской демократіи.

Въ десяткахъ писемъ, отовсюду присылаемыхъ мнѣ, наиболѣе интересными являются письма женщинъ. Посвященныя впечатлѣніямъ бурной дѣйствительности, эти письма насыщены тоской, гнѣвомъ, негодованіемъ; но чувство безпомощности и апатіи звучитъ въ нихъ рѣже, чѣмъ въ письмахъ мужчинъ, каждое женское письмо—крикъ живой души, терзаемой многообразными пытками суровыхъ дней.

Прочитавъ ихъ, ощущаешь сердцемъ, что всѣ они написаны какъ бы единой женщиной—матерью жизни, той, изъ лона которой пришли въ міръ всѣ племена и народы, той, которая родила и родитъ всѣхъ геніевъ, той, которая помогла мужчинѣ переродить грубо-зоологическій позывъ животнаго въ нѣжный и возвышенный экстазъ любви. Эти письма—гнѣвный крикъ существа, которое вызвало къ жизни поэзію, служило и служитъ возбудителемъ искусствъ, и которое вѣчно страдаетъ неутомимою жаждою красоты, любви, радости.

Женщина, въ моемъ представленіи, прежде всего—мать, хотя бы физически она была дѣвушкой; она—мать не только по чувству къ своимъ дѣтямъ, но также—къ мужу, любовнику, и, вообще, къ человѣку, исшедшему въ міръ отъ нея и черезъ

нее. Существо, непрерывно пополняющее убиль, наносимую жизни смертью и разрушеніемъ, она должна и болѣе глубоко, и болѣе остро, чѣмъ я, мужчина, чувствовать ненависть и отвращеніе ко всему, что усиливаетъ работу смерти и разрушенія. Такова, на мой взглядъ, психофизіологія женщины.

„Идеализмъ!“

Можетъ быть. Но если это идеализмъ — онъ изъ круга тѣхъ вѣрованій, которыя органически свойственны мнѣ и тоже являются, очевидно, основою моей психофизіологіи. Во всякомъ случаѣ, эти мнѣнія я не вчера выдумалъ, они со мною отъ юности, но—меня не смутило бы, если бы они явились у меня и вчера, ибо я нахожу, что соціальный идеализмъ какъ нельзя болѣе необходимъ именно въ эпоху революціи — я подразумѣваю, конечно, тотъ здоровый, облагораживающій чувство идеализмъ, безъ котораго революція потеряла бы свою силу дѣлать человѣка болѣе соціально сознательнымъ, чѣмъ онъ былъ до революціи, потеряла бы свое моральное и эстетическое оправданіе. Безъ участія этаго идеализма, революція — и вся жизнь — превращается въ сухую, ариѳметическую задачу распредѣленія матеріальныхъ благъ, задачу, рѣшеніе которой требуетъ слѣпой жестокости, потоковъ крови и, возбуждая звѣриные инстинкты, убиваетъ на смерть соціальный духъ человѣка, какъ мы видимъ это въ наши дни.

Письма, о которыхъ я веду рѣчь, переполнены воплями матери о гибели людей, о томъ, что среди нихъ растетъ жестокость, о томъ, что люди становятся все болѣе дикими, подлыми, безчестными, о томъ, что нравы со страшной быстротою грубѣютъ. Эти письма наполнены проклятіями большевикамъ, мужикамъ, рабочимъ — женщина призываетъ на головы ихъ всѣ козни, бичи и ужасы.

„Перевѣшать, перестрѣлять, уничтожить“ — вотъ, чего требуетъ женщина, мать и нянька всѣхъ героевъ и святыхъ, геніевъ и преступниковъ, подлецовъ и честныхъ людей, мать Христа, а также Іуды, Ивана Грознаго и безстыднаго Макіавелли, кроткаго и милаго святого Франциска изъ Ассизи, мрачнаго врага радостей Саванароллы, мать короля Филиппа II, который радостно смѣялся только однажды въ жизни, когда онъ получилъ извѣстіе объ успѣхѣ Варѳоломѣевской ночи, —

о величайшемъ изъ преступленій Екатерины Медичи, которая тоже рождена женщиной, была матерью и, по-своему, искренно заботилась о благѣ множества людей.

Отрицая жестокость, органически ненавидя смерть и разрушеніе, женщина-мать, возбудитель лучшихъ чувствъ мужчины, объектъ его восхищенія, источникъ жизни и поэзіи — кричитъ:

— Перебить, перевѣшать, разстрѣлять...

Тутъ есть страшное и мрачное противорѣчіе, въ корнѣ способное уничтожить тотъ ореолъ, которымъ окружила женщину исторія. Можетъ быть, основа его въ томъ, что женщина не сознаетъ своей великой культурной роли, что она не чувствуетъ своихъ творческихъ силъ и слишкомъ поддается отчаянію, вызванному въ ея душѣ матери хаосомъ революціонныхъ дней?

Я не стану разсматривать этотъ вопросъ, но я позволю себѣ указать на слѣдующее:

Вы, женщины, прекрасно знаете, что роды всегда сопровождаются муками, что новый человѣкъ рождается въ крови— такова злая иронія слѣпой природы. Вы по-звѣриному кричите въ моментъ родовъ и — счастливо, улыбкою Богоматери улыбаетесь, прижимая новорожденнаго къ груди.

Я не могу упрекать васъ за вашъ звѣриный крикъ — мнѣ понятны муки, вызвавшія этотъ вопль нестерпимой боли — я самъ почти издыхаю отъ этой муки, хотя я не женщина.

И я всѣмъ сердцемъ, всей душой хочу, чтобы вы скорѣе улыбались улыбкою Богоматери, прижимая къ груди своей новорожденнаго человѣка Россіи!

Вы, женщины, можете ускорить тяжкій процессъ родовъ, вы можете сократить ужасъ мукъ, переживаемыхъ страною, для этого вамъ нужно вспомнить, что вы — матери и неисчерпаема живая сила любви въ вашихъ сердцахъ. Не поддавайтесь злымъ внушеніямъ жизни, станьте выше фактовъ. Это требуетъ силы — вы найдете ее, теперь, въ Россіи, вы свободны болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ мірѣ, — что мѣшаетъ вамъ проявить ваше лучшее, ваше материнское?

Надо вспомнить, что революція не только рядъ жестокостей и преступленій, но также рядъ подвиговъ мужества, чести

самозабвенія, безкорыстія. Вы не видите этого? Но, быть можетъ, вы только потому не видите, что ослѣплены ненавистью и враждой?

А если, присмотрѣвшись внимательнѣе, вы, все-таки, не найдете ничего свѣтлаго и бодраго въ хаосѣ и бурѣ нашихъ дней, — создайте сами свѣтлое и доброе! Вы — свободны, вы сильны обаяніемъ вашей любви, вы можете заставить насъ, мужинъ, быть болѣе людьми, болѣе дѣтьми.

Сороколѣтнія гражданскія войны XVII вѣка вызвали во Франціи отвратительное одичаніе нравовъ, развили хвастливую жестокость — вспомните, какое благодѣтельное, оздоровляющее значеніе имѣла тогда для всей страны Юлія Рекамье. Такихъ примѣровъ вліянія женщины на развитіе человѣческихъ чувствъ и мнѣній вы можете вспомнить десятки. Вамъ, матери, надлежитъ быть неумѣренными въ любви къ человѣку и сдержанными въ ненависти къ нему.

Большевики? Представьте себѣ, — вѣдь, это тоже люди, какъ всѣ мы, они рождены женщинами, звѣринаго въ нихъ не больше, чѣмъ въ каждомъ изъ насъ. Лучшіе изъ нихъ — превосходные люди, которыми со временемъ будетъ гордиться русская исторіл, а ваши дѣти, внуки будутъ и восхищаться ихъ энергіей. Ихъ дѣйствія подлежатъ жесточайшей критикѣ, даже злому осмѣянію, — большевики награждены всѣмъ этимъ въ степени, быть можетъ, большей, чѣмъ они заслуживаютъ. Ихъ окружаетъ атмосфера удушливой ненависти враговъ, и еще хуже, еще пагубнѣе для нихъ — лицемѣрная, подленькая дружба тѣхъ людей, которые, пробиваясь ко власти лисой, пользуются ею, какъ волки, и — будемъ надѣяться! — издохнутъ, какъ собаки.

Я защищаю большевиковъ? Нѣтъ, я, по мѣрѣ моего разумѣнія, борюсь противъ нихъ, но—я защищаю людей, искренность убѣжденій которыхъ я знаю, личная честность которыхъ мнѣ извѣстна точно такъ же, какъ извѣстна искренность ихъ желанія добра народу. Я знаю, что они производятъ жесточайшій научный опытъ надъ живымъ тѣломъ Россіи, я умѣю ненавидѣть, но предпочитаю быть справедливымъ.

О, да, они надѣлали много грубѣйшихъ, мрачныхъ ошибокъ, — Богъ тоже ошибся, сдѣлавъ всѣхъ насъ глупѣе, чѣмъ слѣдовало, природа тоже во многомъ ошиблась — съ точки зрѣнія нашихъ желаній, противныхъ ея цѣлямъ и безцѣль-

ности ея. Но, если вамъ угодно, то и о большевикахъ можно сказать нѣчто доброе, — я скажу, что, не зная, къ какимъ результатамъ приведетъ насъ, въ концѣ концовъ, политическая дѣятельность ихъ, психологически — большевики уже оказали русскому народу огромную услугу, сдвинувъ всю его массу съ мертвой точки и возбудивъ во всей массѣ активное отношеніе къ дѣйствительности, отношеніе, безъ котораго наша страна погибла бы.

Она не погибнетъ теперь, ибо народъ—ожилъ, и въ немъ зрѣютъ новыя силы, для которыхъ не страшны ни безумія политическихъ новаторовъ. слишкомъ фантазированныхъ, ни жадность иностранныхъ грабителей, слишкомъ увѣренныхъ въ своей непобѣдимости.

Русь не погибнетъ, если вы, маложертвенно вольете все прекрасное и нѣжное вашихъ душъ въ кровавый грязный хаосъ этихъ дней.

Перестаньте кричать, ненавидя и презирая, кричите любя— вамъ, не рождающимъ страдая, не понимая удивительной силы состраданія къ человѣку! У васъ есть все, для того, чтобы смягчать и очеловѣчивать: въ сердцахъ матерей всегда больше солнечнаго тепла, чѣмъ въ сердцѣ мужчины. Вы только вспомните этихъ проклятыхъ мужчинъ—большевиковъ и прочихъ,— одичавшихъ, огрубѣвшихъ въ работѣ разрушенія, гнилой храмъ стараго строя, вспомните ихъ, когда они были новорожденными младенцами, — какъ всѣмъ младенцамъ, имъ тоже нужно было вытирать носы, и безпомощны они были, какъ всѣ младенцы. И — развѣ есть человѣкъ, который не былъ бы обязанъ вамъ вашими днями своей жизни?

Вамъ, матери, надо вспомнить все то, что вноситъ въ жизнь ваша любовь—это избавитъ васъ отъ мучительнаго гнета ненависти, которая бываетъ величайшее изъ чувствъ,—чувство матери.

Развѣ вы пробовали — пробуйте смягчать жестокость обостренной борьбы, развѣ вы пытались пересоздать нравы, облагородить отношенія, пробуждающія вашъ справедливый гнѣвъ. Вы увлекаетесь безплодной ненавистью къ взрослымъ, но, можетъ быть, позднѣе, достойнѣе было бы предохранять юношество и дѣтей отъ растлѣвающаго вліянія современности? Вы тратите ваше вниманіе и чувство на подборъ фактовъ, которые, дѣйствительно, порочатъ человѣка, возбуждаютъ отвращеніе къ нему, но—не лучше ли будетъ, если вы поищете, или попытаетесь своей силою создать явленія, возвышающія человѣка въ его и вашихъ глазахъ?

Физически матери людского міра — могли бы быть и духовными матерьми его, — вѣдь, если вы порицаете, значитъ — вы стоите на высотѣ, позволяющей вамъ видѣть больше, чѣмъ видятъ другіе. Поднимайте же и другихъ на эту высоту!

Россія судорожно бьется въ страшныхъ мукахъ родовъ,— вы хотите, чтобы скорѣе родилось новое, прекрасное, доброе, красивое, человѣческое.

Позвольте-же сказать вамъ, матери, что злость и ненависть — плохія акушерки.

Въ «Правдѣ» напечатано:

«Горькій заговорилъ языкомъ враговъ рабочаго класса».

Это — не правда. Обращаясь къ наиболѣе сознательнымъ представителямъ рабочаго класса, я говорю:

Фанатики и легкомысленные фантазеры, возбудивъ въ рабочей массѣ надежды, неосуществимыя при данныхъ историческихъ условіяхъ, увлекаютъ русскій пролетаріатъ къ разгрому и гибели, а разгромъ пролетаріата вызоветъ въ Россіи длительную и мрачную реакцію.

Далѣе въ «Правдѣ» напечатано:

Всякая революція, въ процессѣ своего поступательнаго развитія, неизбѣжно включаетъ и рядъ отрицательныхъ явленій, которыя неизбѣжно связаны съ ломкой стараго, тысячелѣтняго государственнаго уклада. Молодой богатырь, творя новую жизнь, задѣваетъ своими мускулистыми руками чужое ветхое благополучіе, и мѣщане, какъ разъ тѣ, о которыхъ писалъ Горькій, начинаютъ вопить о гибели Русскаго государства и культуры.

Я не могу считать «неизбѣжными» такіе факты, какъ расхищеніе національнаго имущества въ Зимнемъ, Гатчинскомъ и другихъ дворцахъ. Я не понимаю, — какую связь съ «ломкой тысячелѣтняго государственнаго уклада» имѣетъ разгромъ Ма-

лаго театра въ Москвѣ и воровство въ уборной знаменитой артистки нашей М. Н. Ермоловой?

Не желая перечислять извѣстные акты безсмысленныхъ погромовъ и грабежей, я утверждаю, что отвѣтственность за этотъ позоръ, творимый хулиганами, падаетъ и на пролетаріатъ, очевидно безсильный истребить хулиганство въ своей средѣ.

Далѣе: «молодой богатырь, творя новую жизнь», дѣлаетъ все болѣе невозможнымъ книгопечатаніе, ибо есть типографіи, гдѣ наборщики вырабатываютъ только 38% дѣтской нормы, установленной союзомъ печатниковъ.

Пролетаріатъ, являясь количественно слабосильнымъ среди его милліоннаго деревенскаго полуграмотнаго населенія Россіи, долженъ понимать, какъ важно для него возможное удешевленіе книги и расширеніе книгопечатанія. Онъ этого не понимаетъ на свою бѣду.

Онъ долженъ также понимать, что сидитъ на штыкахъ, а это—какъ извѣстно—не очень прочный тронъ.

И вообще—«отрицательныхъ явленій»—много,—а гдѣ же положительныя? Они не замѣтны, если не считать «декретовъ» Ленина и Троцкаго, но я сомнѣваюсь, чтобъ пролетаріатъ принималъ сознательное участіе въ творчествѣ этихъ «декретовъ». Нѣтъ, если-бы пролетаріатъ вполнѣ сознательно относился къ этому бумажному творчеству,— оно было-бы невозможнымъ въ томъ видѣ, въ какомъ дано.

Статья въ «Правдѣ» заключается нижеслѣдующимъ лирическимъ вопросомъ:

Когда на свѣтломъ праздникѣ народовъ въ одномъ братскомъ порывѣ сольются прежніе невольные враги, на этомъ пиршествѣ мира будетъ ли желаннымъ гостемъ Горькій, такъ поспѣшно ушедшій изъ рядовъ подлинной революціонной демократіи?

Разумѣется, ни авторъ статьи, ни я не доживемъ до «свѣтлаго праздника» — далеко до него: пройдутъ десятилѣтія упорной, будничной, культурной работы для созданія этого праздника.

А на праздникѣ, гдѣ будетъ торжествовать свою легкую побѣду деспотизмъ полуграмотной массы, и, какъ раньше, какъ всегда—личность человѣка останется угнетенной,—мнѣ на этомъ «праздникѣ» дѣлать нечего, и для меня это—не праздникъ.

И я особенно подозрительно, особенно недовѣрчиво отношусь къ русскому человѣку у власти,—недавній рабъ, онъ становится самымъ разнузданнымъ деспотомъ, какъ только пріобрѣтаетъ возможность быть владыкой ближняго своего.

Затративъ огромное количество энергіи, рабочій классъ создалъ свою интеллигенцію — маленькихъ Бебелей, которымъ принадлежитъ роль инстинныхъ вождей рабочаго класса, искреннихъ выразителей его матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ.

Даже въ тяжкихъ условіяхъ полицейскаго государства, рабочая интеллигенція, не щадя себя, ежедневно рискуя своей свободой, умѣла съ честью и успѣхомъ бороться за торжество своихъ идей, неуклонно внося въ темную рабочую массу свѣтъ соціальнаго самосознанія, указывая ей пути къ свободѣ и культурѣ.

Когда-нибудь безпристрастный голосъ исторіи разскажетъ міру о томъ, какъ велика, героична и успѣшна была работа пролетарской интеллигенціи за время съ начала 90-хъ годовъ до начала войны.

Окаянная война истребила десятки тысячъ лучшихъ рабочихъ, замѣнивъ ихъ у станковъ людьми, которые шли работать «на оборону» для того, чтобъ избѣжать воинской повинности. Все это, люди, чуждые пролетарской психологіи, политически неразвитые, безсознательные и лишенные естественнаго для прелетарія тяготѣнія къ творчеству новой культуры, — они озабочены только мѣщанскимъ желаніемъ устроить свое личное благополучіе, какъ можно скорѣй и во что бы то ни стало. Это люди, органически неспособные принять и воплощать въ жизнь идеи чистаго соціализма.

И вотъ, остатокъ рабочей интеллигенціи, неистребленный войною и междуусобицей, очутился въ тѣсномъ окруженіи массы, людей психологически чужихъ, людей, которые говорятъ на языкѣ пролетарія, но не умѣютъ чувствовать по-пролетарски, людей чьи настроенія, желанія и дѣйствія обрекаютъ лучшій, верхній слой рабочаго класса на позоръ и уничтоженіе.

Раздраженные истинкты этой темной массы нашли выразителей своего зоологическаго анархизма, и эти вожди взбун-

товавшихся мѣщанъ, нынѣ, какъ мы видимъ, проводятъ въ жизнь нищенскія идеи Прудона, но не Маркса, развиваютъ Пугачевщину, а не соціализмъ и всячески пропагандируютъ всеобщее равненіе на моральную и матеріальную бѣдность.

Говорить объ этомъ — тяжело и больно, но необходимо говорить, потому что за всѣ грѣхи и безобразія, творимые силой, чуждой сознательному пролетаріату — отвѣчать будетъ менно онъ.

Недавно представители одного изъ мѣстныхъ заводскихъ комитетовъ сказали директору завода о своихъ-же рабочихъ.

— Удивляемся, какъ вы могли ладить съ этой безумной шайкой!

Есть заводы, на которыхъ рабочіе начинаютъ растаскивать и продавать мѣдныя части машинъ, есть очень много фактовъ, которые свидѣтельствуютъ о самой дикой анархіи среди рабочей массы. Я знаю, что есть явленія и другого порядка: напримѣръ, на одномъ заводѣ рабочіе выкупили матеріалъ для работъ, употребивъ на это свой заработокъ. Но факты этого рода считаются единицами, фактовъ противоположнаго характера сотни.

«Новый» рабочій—человѣкъ, чуждый промышленности и не понимающій ея культурнаго значенія въ нашей мужицкой сторонѣ. Я увѣренъ, что сознательный рабочій не можетъ сочувствовать фактамъ такого рода, какъ арестъ Софьи Владиміровны Паниной. Въ ея «Народномъ домѣ» на Лиговкѣ учились думать и чувствовать сотни пролетаріевъ, точно такъ-же, какъ и въ Нижегородскомъ «Народномъ домѣ», построенномъ при ея помощи. Вся жизнь этого просвѣщеннаго человѣка была посвящена культурной дѣятельности среди рабочихъ. И вотъ она сидитъ въ тюрьмѣ. Еще Тургеневъ указалъ, что благодарность никогда не встрѣчается съ добрымъ дѣломъ, и не о благодарности я говорю, а о томъ, что надо умѣть оцѣнивать полезный трудъ.

Рабочая интеллигенція должна обладать этимъ умѣньемъ.

Бывшій министръ А. И. Коноваловъ, человѣкъ безукоризненно честный, выстроилъ у себя на фабрикѣ, въ Вичугѣ «Народный домъ», который является образцовымъ зданіемъ этого типа. Коноваловъ — въ тюрьмѣ. Отвѣтственность за эти нелѣпые аресты со временемъ будетъ возложена на совѣсть рабочаго класса.

Въ среду лицъ, якобы „выражающихъ волю революціоннаго пролетаріата», введено множество разнаго рода мошенниковъ, бывшихъ холоповъ охраннаго отдѣленія и авантюристовъ; лирически настроенный, но безтолковый А. В. Луначарскій навязываетъ пролетаріату, въ качествѣ поэта, Ясинскаго, писателя скверной репутаціи. Это значитъ — пачкать знамена рабочаго класса, развращать пролетаріатъ.

Кадетъ хотятъ вышвырнуть изъ Учред. Собранія. Не говоря о томъ, что значительная часть населенія страны желаетъ, чтобы именно кадеты выражали ея мнѣнія и ея волю въ Учр. Собр., и потому изгнаніе кадетъ есть насиліе надъ волей сотенъ тысячъ людей. Не говоря уже объ этомъ позорѣ, я укажу, что партія к.-д. объединяетъ наиболѣе культурныхъ людей страны, наиболѣе умѣлыхъ работниковъ во всѣхъ областяхъ умственнаго труда. Въ высшей степени полезно имѣть предъ собою умнаго и стойкаго врага, — хорошій врагъ воспитываетъ своего противника, дѣлая его умнѣй и сильнѣй. Рабочая интеллигенція должна понять это. И — еще разъ — она должна помнить, что все, что творится теперь — творится отъ ея имени; къ ней, къ ея разуму и совѣсти исторія предъявитъ свой суровый приговоръ. Не все же только политика, надобно сохранить немножко совѣсти и другихъ человѣческихъ чувствъ.

Не такъ давно меня обвинили въ томъ, что я «продался нѣмцамъ» и «продаю Россію», теперь обвиняютъ въ томъ что «продался кадетамъ» и «измѣняю дѣлу рабочаго класса».

Лично меня эти обвиненія не задѣваютъ, не волнуютъ, но—наводятъ на невеселыя и нелестныя мысли о моральности чувствъ обвинителей, о ихъ соціальномъ самосознаніи.

Послушайте,—господа,—а не слишкомъ ли легко вы бросаете въ лица другъ друга всѣ эти дряненькія обвиненія въ предательствѣ, измѣнѣ, въ нравственномъ шатаніи? Вѣдь если вѣрить вамъ—вся Россія населена людьми, которые только тѣмъ и озабочены, чтобы распродать ее, только о томъ и думаютъ, чтобы предать другъ друга!

Я понимаю: обиліе провокаторовъ и авантюристовъ въ революціонномъ движеніи, должно было воспитать у васъ естественное чувство недовѣрія другъ къ другу и, вообще, къ чело-

вѣку; я понимаю, что этотъ позорный фактъ долженъ былъ отравить болью остраго подозрѣнія даже очень здоровыхъ людей.

Но все же, бросая другъ другу столь беззаботно обвиненія въ предательствѣ, измѣнѣ, корыстолюбіи, лицемѣріи, вы, очевидно, представляете себѣ всю Россію, какъ страну, сплошь населенную безчестными и подлыми людьми, а вѣдь вы тоже—русскіе.

Какъ видите — это весьма забавно, но еще болѣе — это опасно, ибо постепенно и незамѣтно тѣ, кто играетъ въ эту грязную игру, могутъ внушить сами себѣ, что, дѣйствительно, вся Русь — страна людей безчестныхъ и продажныхъ, а потому—«и мы не лыкомъ шиты»!

Вы подумайте: революція у насъ дѣлается то на японскія, то на германскія деньги, контръ-революція—на деньги кадетъ и англичанъ, а гдѣ же русское безкорыстіе, гдѣ наша прославленная совѣстливость, нашъ идеализмъ, наши героическія легенды о честныхъ борцахъ за свободу, наше донъ-кихотство и всѣ другіе хорошія свойства русскаго народа, такъ громко прославленныя и устной, и письменной русской литературой?

Все это—ложь?

Поймите, — обвиняя другъ друга въ подлостяхъ, вы обвиняете самихъ себя, всю націю.

Читаешь злое письмо обвинителя, и невольно вспоминаются слова одного орловскаго мужичка:

— «У насъ—все пьяное село; одинъ праведникъ, да и тотъ—дурачекъ».

И вспоминаешь то красивое, законное возмущеніе, которое я наблюдалъ у рабочихъ въ то время, когда черносотенное «Русское Знамя» обвинило «Рѣчь» въ какомъ то прикосновеніи къ деньгамъ финновъ или эскимосовъ.

— «Нечего сказать негодяямъ, вотъ они и говорятъ самое гадкое, что могутъ выдумать».

Мнѣ кажется, что я пишу достаточно просто, понятно, и что мыслящіе рабочіе не должны обвинять меня въ «измѣнѣ дѣлу пролетаріата». Я считаю рабочій классъ мощной культурной силой въ нашей темной мужицкой странѣ, и я всей душой желаю русскому рабочему количественнаго и качественнаго развитія. Я неоднократно говорилъ, что промышленность—одна изъ основъ культуры, чье развитіе промышленности необходимо для спасенія страны, для ея европеизаціи, что фабрично-заводскій рабочій не только физическая, но и духовная сила, не только исполнитель чужой воли, но человѣкъ, воплощающій въ жизнь свою волю, свой разумъ. Онъ не такъ зависитъ отъ стихійныхъ силъ природы, какъ зависитъ отъ нихъ крестьянинъ, тяжкій трудъ котораго невидимъ, не остается въ вѣкахъ. Все, что крестьянинъ вырабатываетъ, онъ продаетъ и съѣдаетъ, его энергія цѣликомъ поглощается землей, тогда какъ трудъ рабочаго остается на землѣ, украшая ее и способствуя дальнѣйшему подчиненію силъ природы, интересамъ человѣка.

Въ этомъ различіи трудовой дѣятельности коренится глубокое различіе между душой крестьянина и рабочаго, и я смотрю на сознательнаго рабочаго, какъ на аристократа демократіи.

Именно: аристократія среди демократіи,—вотъ какова роль рабочаго въ нашей мужицкой странѣ, вотъ чѣмъ долженъ чувствовать себя рабочій. Къ сожалѣнію, онъ этого не чувствуетъ пока. Ясно, какъ высока моя оцѣнка роли рабочаго класса въ развитіи культуры Россіи, и у меня нѣтъ основанія измѣнять эту оцѣнку. Кромѣ того, у меня есть любовь къ рабочему человѣку, есть ощущеніе кровной моей связи съ нимъ, любовь и уваженіе къ его великому труду. И, наконецъ,—я люблю Россію.

Народные комиссары презрительно усмѣхаются, о конечно! Но это меня не убиваетъ. Да, я мучительно и тревожно люблю Россію, люблю русскій народъ.

Мы русскіе—народъ, еще не работавшій свободно, не успѣвшій развить всѣ свои силы, всѣ способности, и когда я думаю, что революція даетъ намъ возможность свободной работы, всесторонняго творчества, — мое сердце наполняется великой надеждой и радостью даже въ эти проклятые дни, залитые кровью и виномъ.

Отсюда начинается линія моего расхожденія съ безумной дѣятельностью народныхъ комиссаровъ.

Я считаю идейный максимализмъ очень полезнымъ для расхлябанной русской души, — онъ долженъ воспитать въ ней великіе и смѣлые запросы, вызвать давно необходимую дѣеспособность, активизмъ, развить въ этой вялой душѣ иниціативу и вообще—оформить и оживить ее.

Но практическій максимализмъ анархо-коммунистовъ и фантазеровъ изъ Смольнаго — пагубенъ для Россіи и, прежде всего,—для русскаго рабочаго класса.

Народные комиссары относятся къ Россіи, какъ къ матеріалу для опыта, русскій народъ для нихъ—та лошадь, которой ученые бактеріологи прививаютъ тифъ для того, чтобъ лошадь выработала въ своей крови противотифозную сыворотку. Вотъ именно такой жестокій и заранѣе обреченный на неудачу опытъ производятъ комиссары надъ руссимъ народомъ, не думая о томъ, что измученная, полуголодная лошадка можетъ издохнуть.

Реформаторамъ изъ Смольнаго нѣтъ дѣла до Россіи, они хладнокровно обрекаютъ ее въ жертву своей грезѣ о всемірной или европейской революціи.

Въ современныхъ условіяхъ русской жизни нѣтъ мѣста для соціальной революціи, ибо нельзя же, по щучьему велѣнью, сдѣлать соціалистами 85% крестьянскаго населенія страны, среди котораго—нѣсколько десятковъ милліоновъ инородцевъ-кочевниковъ.

Отъ этого безумнѣйшаго опыта прежде всего пострадаетъ рабочій классъ, ибо онъ — передовой отрядъ революціи, и онъ первый будетъ истребленъ въ гражданской войнѣ. А если будетъ разбитъ и уничтоженъ рабочій классъ, значитъ, будутъ уничтожены лучшія силы и надежды страны.

Вотъ, я и говорю, обращаясь къ рабочимъ, сознающимъ свою культурную роль въ странѣ: политически грамотный пролетарій долженъ вдумчиво провѣрить свое отношеніе къ правительству народныхъ комиссаровъ, долженъ очень осторожно отнестись къ ихъ соціальному творчеству.

Мое же мнѣніе таково: народные комиссары разрушаютъ и губятъ рабочій классъ России, они страшно и нелѣпо осложняютъ рабочее движеніе; направляя его за предѣлы разума, они создаютъ неотразимо тяжкія условія для всей будущей работы пролетаріата и для всего прогресса страны.

Мнѣ безразлично, какъ меня назовутъ за это мое мнѣніе о «правительствѣ» экспериментаторовъ и фантазеровъ, но судьбы рабочаго класса и Россіи—не безразличны для меня.

И пока я могу, я буду твердить русскому пролетарію:

— Тебя ведутъ на гибель, тобою пользуются, какъ матеріаломъ для безчеловѣчнаго опыта, въ глазахъ твоихъ вождей ты все еще не человѣкъ!

«Война, безспорно, сыграла огромную роль въ развитіи нашей революціи. Война матеріально дезорганизовала абсолютизмъ, внесла разложеніе въ армію, привила дерзость массовому обывателю. Но, къ счастью для насъ, война не создала революціи, къ счастью, потому что революція, созданная войною, есть безсильная революція. Она возникаетъ на почвѣ исключительныхъ условій, опирается на внѣшнюю силу,—и, въ концѣ концовъ, оказывается неспособной удержать захваченныя позиціи».

Эти умныя и даже пророческія слова сказаны въ 1905 г. Троцкимъ; я взялъ ихъ изъ его книги «Наша революція», гдѣ они красуются на 5-ой страницѣ. Съ той поры прошло не мало времени, и теперь Троцкій, вѣроятно, думаетъ иначе — во всякомъ случаѣ, онъ уже навѣрное, не рѣшится сказать, что «революція, созданная войною, есть безсильная революція».

А, между тѣмъ, эти слова не потеряли своего смысла и правды, — текущія событія всею силою своею, всѣмъ своимъ ходомъ подтверждаютъ правду этихъ словъ.

Война — 14—17 годовъ — дала власть въ руки пролетаріата, именно — дала, никто не скажетъ, что пролетаріатъ самъ, своею силою взялъ въ руки власть — она попала въ руки его потому, что защитникъ царя, солдатъ, замученный трехлѣтней войною, отказался отъ защиты интересовъ Романова, которые онъ такъ ревностно отстаивалъ въ 1906 году, истребляя революціонный пролетаріатъ. Необходимо помнить, что революція начата солдатами Петроградскаго гарнизона, и что, когда эти солдаты, снявъ шинели, разойдутся по деревнямъ, — пролетаріатъ останется въ одиночествѣ, не очень удобнымъ для него.

Было-бы наивно и смѣшно требовать отъ солдата, вновь преобразившагося въ крестьянина, чтобъ онъ принялъ, какъ религію, для себя идеализмъ пролетарія, и чтобъ онъ внѣдрялъ въ своемъ деревенскомъ быту пролетарскій соціализмъ.

Мужикъ за время войны, а солдатъ въ теченіе революціи кое-что нажилъ, и оба они хорошо знаютъ, что на Руси всего лучше обезпечиваютъ свободу человѣка — деньги. Попробуйте разрушить это убѣжденіе или хотя-бы поколебать его.

Надо помнить, что въ 1905 году пролетаріатъ былъ и количественно, и качественно сильнѣе, чѣмъ теперь, и что тогда промышленность не была разрушена до основанія.

Революція, созданная войной, неизбѣжно окажется безсильной, если, вмѣсто того, чтобы посвятить всю свою энергію соціальному творчеству, пролетаріатъ, повинуясь своимъ вождямъ, станетъ съ корнемъ уничтожать «буржуазныя» техническія организаціи, механикою которыхъ онъ долженъ овладѣть, и работу которыхъ ему надлежитъ контролировать.

Революція погибнетъ отъ внутренняго истощенія, если пролетаріатъ, подчиняясь фанатической непримиримости народныхъ комиссаровъ, станетъ все болѣе и болѣе углублять свой разрывъ съ демократіей. Идеологія пролетаріата не есть идеологія классоваго эгоизма, лучшіе учителя его, Марксъ, Каутскій и др., возлагаютъ на его честную силу обязанность освободить всѣхъ людей отъ соціальнаго и экономическаго рабства.

Жизнью міра движетъ соціальный идеализмъ — великая мечта о братствѣ всѣхъ со всѣми — думаетъ ли пролетаріатъ, что онъ осуществляетъ именно эту мечту, насилуя своихъ идейныхъ враговъ? Соціальная борьба не есть кровавый мордобой, какъ учатъ русскаго рабочаго его испуганные вожди.

Революція — великое, честное дѣло, дѣло, необходимое для возрожденія нашего, а не безсмысленные погромы, разрушающіе богатство націи. Революція окажется безсильною и погибнетъ, если мы не внесемъ въ нее все лучшее, что есть въ нашихъ сердцахъ, и если не уничтожимъ, или хотя бы не убавимъ жестокость, злобу, которыя, опьяняя массы, порочатъ русскаго рабочаго революціонера.

Всякое правительство — какъ бы они себя но именовало, — стремится не только «управлять» волею народныхъ массъ, но и воспитывать эту волю сообразно своимъ принципамъ и цѣлямъ. Наиболѣе демагогическія и ловкія правительства обычно прикрашиваютъ свое стремленіе управлять народной волей и воспитывать ее словами: «мы выражаемъ волю народа».

Это, разумѣется, не искреннія слова, ибо, въ концѣ концовъ, интеллектуальная сила правительства одолѣваетъ инстинкты массъ, если же это не удается правящимъ органамъ, они употребляютъ для подавленія враждебной ихъ цѣлямъ народной волѣ физическую силу.

Резолюціей, заранѣе обдуманной въ кабинетѣ, или штыкомъ и пулей, но правительство всегда и неизбѣжно стремится овладѣть волею массъ, убѣдить народъ въ томъ, что оно ведетъ его по самому правильному пути къ счастью.

Эта политика является неизбѣжной обязанностью всякаго правительства: будучи увѣреннымъ, что оно разумъ народа, оно принуждается позиціей своей внушать народу убѣжденіе въ томъ, что онъ обладаетъ самымъ умнымъ и честнымъ правительствомъ, искренно преданнымъ интересамъ народа.

Народные комиссары стремятся именно къ этой цѣли, не стѣсняясь — какъ не стѣсняется никакое правительство — разстрѣлами, убійствами и арестами несогласныхъ съ нимъ, не стѣсняясь никакой клеветой и ложью на врага.

Но, воспитывая довѣріе къ себѣ, народные комиссары, вообще, плохо знающіе «русскую стихію», совершенно не принимаютъ въ разсчетъ ту страшную психическую атмосферу, которая создана безплодными мученіями почти четырехъ-лѣтней войны, и, благодаря которой, «русская стихія» — психологія русской массы — сдѣлалась еще болѣе темной, хлестской и озлобленной.

Г. г. народные комиссары совершенно не понимаютъ того факта, что, когда они возглашаютъ лозунги «соціальной» революціи — духовно и физически измученный народъ переводитъ эти лозунги на свой языкъ нѣсколькими краткими словами:

— Громи, грабь, разрушай...

И разрушаетъ рѣдкія гнѣзда сельско-хозяйственной культуры въ Россіи, разрушаетъ города Персіи, ея виноградники, фруктовые сады, даже оросительную систему, разрушаютъ все и всюду.

А когда народные комиссары слишкомъ краснорѣчиво и панически кричатъ о необходимости борьбы съ «буржуемъ», темная масса понимаетъ это, какъ прямой призывъ къ убійствамъ, что она доказала.

Говоря, что народные комиссары «не понимаютъ», какое эхо будятъ въ народѣ ихъ истерическіе вопли о назрѣвающей контръ-революціи, я сознательно дѣлаю допущеніе, нѣсколько объясняющее безумный образъ ихъ дѣйствій, но отнюдь не оправдываю ихъ. Если они влѣзли въ «правительство», они должны знать, кѣмъ и при какихъ условіяхъ они управляютъ.

Народъ изболѣлъ, изстрадался, измученъ неописуемо, полонъ чувства мести, злобы, ненависти, и эти чувства все растутъ, соотвѣтственно силѣ своей организуя волю народа.

Считаютъ ли себя г.г. народные комиссары призванными выражать разрушительныя стремленія этой больной воли? Или они считаютъ себя въ состояніи оздоровить и организовать эту волю? Достаточно ли сильны и свободны они для выполненія второй, настоятельно необходимой работы?

Этотъ вопросъ они должны бы поставить предъ собою со всей прямотой и рѣшительностью честныхъ людей. Но нѣтъ никакихъ основаній думать, что они способны поставить на судъ разума и совѣсти своей этотъ вопросъ.

Окруженные взволнованной русской стихіей, они ослѣпли интеллектуально и морально и уже теперь являются безсильной жертвой въ лапахъ измученнаго прошлымъ и возбужденнаго ими звѣря.

Гражданинъ Мих. Надеждинъ спрашиваетъ меня въ «Красной Газетѣ».

Скажите, — при крѣпостномъ правѣ, когда мужиковъ сотнями запарывали на смерть, — была ли жива тогда совѣсть?.. И чья?

Да, въ ту проклятую пору, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ расширялось физическое право насилія надъ человѣкомъ, вспыхнулъ и ярко освѣтилъ душный мракъ русской жизни прекрасный пламень совѣсти. Вѣроятно, Мих. Надеждину памятны имена Радищева и Пушкина, Герцена и Чернышевскаго, Бѣлинскаго, Некрасова, огромнаго созвѣздія талантливѣйшихъ русскихъ людей, которые создали исключительную по оригинальности своей литературу, исключительную потому, что вся она цѣликомъ и насквозь была посвящена вопросамъ совѣсти, вопросамъ соціальной справедливости. Именно эта литература воспитала революціонную энергію нашей демократической интеллигенціи, вліянію этой литературы русскій рабочій обязанъ своимъ соціальнымъ идеализмомъ.

Такъ что «совѣсть вколачивалась» не только «палками и нагайками», какъ утверждаетъ М. Надеждинъ, она была въ душѣ народа, какъ утверждали это Толстые, Тургеневы, Григоровичи и цѣлый рядъ другихъ людей, которымъ надо вѣрить, — они знали народъ и, по-своему, любили его, даже нѣсколько прикрашивая и преувеличивая его достоинства.

Гр. Надеждинъ тоже, очевидно, любитъ свой народъ, той нѣсколько сентиментальной и льстивой любовью, которая, вообще, свойственна россійскимъ народолюбцамъ. Нынѣ эта любовь у насъ еше болѣе испорчена безшабашной и отвратительной демагогіей.

Надеждинъ упрекаетъ меня:

«Непростительно именно вамъ, Алексѣй Максимовичъ, какъ учителю народа, вышедшему изъ народа, взваливать такія обвиненія на своихъ же братьевъ».

Я имѣю право говорить обидную и горькую правду о народѣ, и я убѣжденъ, что будетъ лучше для народа, если эту правду о немъ скажу я первый, а не тѣ враги народа, которые теперь молчатъ до копятъ месть и злобу для того, чтобы въ удобный для нихъ моментъ плюнуть этой злостью въ лиц народа, какъ они плевали послѣ 905 и 6 г.г.

Нельзя полагать, что народъ святъ и праведенъ только потому, что онъ—мученикъ, даже въ первые вѣка христіанства было много великомучениковъ по глупости. И не надо закрывать глаза на то, что теперь, когда «народъ» завоевалъ право физическаго насилія надъ человѣкомъ,—онъ сталъ мучителемъ не менѣе звѣрскимъ и жестокимъ, чѣмъ его бывшіе мучители.

Способъ разсужденій Мих. Надеждина вводитъ его въ безвыходный кругъ: такъ какъ народъ мучили — онъ тоже имѣетъ право мучить. Но вѣдь этимъ онъ даетъ право отмстить ему за муки—мукой, за насиліе — насиліемъ. Какъ же выйти изъ этого круга?

Нѣтъ, лучше будемъ говорить правду, — она цѣлебна, и только она можетъ вылечить насъ.

Нехорошъ народъ, который, видя, что его сосѣди по деревнѣ голодаютъ, не продаетъ имъ хлѣба, а варитъ изъ него кумышку и ханжу, потому что это выгоднѣе. Нельзя похвалить народъ, который постановляетъ: всякій односельчанинъ, кто продаетъ тѣ или иные продукты не въ своей деревнѣ, а въ сосѣдней—подлежитъ аресту на три мѣсяца.

Нѣтъ, будемъ говорить просто и прямо: большевистская демагогія, раскаляя эгоистическіе инстинкты мужика, гаситъ зародыши его соціальной совѣсти.

Я понимаю, что «Красной Газетѣ», «Правдѣ» и другимъ, иже съ ними, непріятно слышать это, особенно непріятно теперь, когда большевизмъ постепенно кладетъ руль направо, стремясь опереться на «деревенскую бѣдноту» и забывая объ интересахъ рабочаго класса.

Напомню Мих. Надеждину нѣсколько фразъ московской рѣчи Ленина:

«Заключая миръ, мы предаемъ эстляндскихъ рабочихъ, украинскій пролетаріатъ и т. д. Но неужели же, если гибнутъ наши товарищи, то мы должны гибнуть вмѣстѣ съ ними? Если отряды нашихъ товарищей окружены значительными силами враговъ и не могутъ сопротивляться, то мы тоже должны бороться? Нѣтъ и нѣтъ»!

Навѣрное, Мих. Надеждинъ согласитя, что это не политика рабочаго класса, а древне-русская, удѣльная, истинно суздальская политика.

Далѣе Ленинъ говоритъ:

«Мартовъ дрожащимъ, надрывающимся голососъ звалъ насъ къ борьбѣ. Нѣтъ, онъ звалъ насъ не къ борьбѣ, онъ звалъ насъ къ смерти, онъ звалъ насъ умирать за Россію и революцію. Большинство съѣзда — крестьянская масса — полторы тысячи человѣкъ (рабочихъ на съѣздѣ незначительное количество) была совершенно равнодушна къ призывамъ Мартова. Она не хотѣла умирать за Россію и революцію, она хотѣла жить, чтобы заключить миръ».

Въ этихъ словахъ полное подчиненіе всего «народа» и — смертный приговоръ рабочему классу.

Вполнѣ достойный конецъ отвратительной демагогіи, развратившей «народъ».

Право критики налагаетъ обязанность безпощадно критиковать не только дѣйствія враговъ, но и недостатки друзей. И морально, и тактически для развитія въ человѣкѣ чувства соціальной справедливости гораздо лучше, если мы сами честно сознаемся въ нашихъ недостаткахъ и ошибкахъ раньше, чѣмъ успѣетъ злорадно указать на нихъ врагъ нашъ. Конечно, и въ этомъ случаѣ врагъ не приминетъ торжествующе воскликнуть:

— Ага!

Но злость торжества будетъ притуплена, и ядъ злости безсиленъ.

Не слѣдуетъ забывать, что враги часто бываютъ правы, осуждая нашихъ друзей, а правда усиливаетъ ударъ врага; — сказать печальную и обидную правду о друзьяхъ раньше, чѣмъ скажетъ ее врагъ, значитъ обезсилить нападеніе врага.

Птенцы изъ большевиковъ почти ежедневно говорятъ мнѣ, что я «откололся» отъ «народа». Я никогда не чувствовалъ себя «приколотымъ» къ народу, настолько, чтобъ не замѣчать его недостатковъ, и такъ какъ я не лѣзу въ начальство — у меня нѣтъ желанія замалчивать эти недостатки и распѣвать темной массѣ русскаго народа демагогическіе акафисты.

Если я вижу, что моему народу свойственно тяготѣніе къ равенству въ ничтожествѣ, тяготѣніе, исходящее изъ дрянненкой азіатской догадки: быть ничтожными — проще, легче, безотвѣтственнѣй; — если я это вижу, я долженъ сказать это.

Если я вижу, что политика совѣтской власти «глубоко національна» — какъ это иронически признаютъ и враги большевиковъ, — а націонализмъ большевистской политики выражается именно «въ равненіи на бѣдность и ничтожество», — я обязанъ съ горечью признать: враги — правы, большевизмъ — національное несчастіе, ибо онъ грозитъ уничтожить слабые зародыши русской культуры въ хаосѣ возбужденныхъ имъ грубыхъ инстинктовъ.

Мы всѣ немножко побаиваемся критики, а самокритика — внушаетъ намъ почти отвращеніе.

Оправдывать у насъ любятъ не меньше, чѣмъ осуждать, но въ этой любви къ оправданію гораздо больше заботы о себѣ, а не о ближнемъ, — въ ней всегда замѣтно желаніе оправдать свой личный будущій грѣхъ; — очень предусмотрительно, однако — скверно.

Любимымъ героемъ русской жизни и литературы является несчастненькій и жалкій неудачникъ, герои — не удаются у насъ; народъ любитъ арестантовъ, когда ихъ гонятъ на ка-

торгу и очень охотно помогаетъ сильному человѣку своей среды надѣть халатъ и кандалы преступника.

Сильнаго — не любятъ на Руси, и отчасти поэтому сильный человѣкъ не живучъ у насъ.

Не любитъ его жизнь, не любитъ литература, всячески исхищряясь запутать крѣпкую волю въ противорѣчіяхъ, загнать ее въ темный уголъ неразрѣшимаго, вообще — низвести пониже, въ уровень съ позорными условіями жизни, низвести и сломать. Ищутъ и любятъ не борца, не строителя новыхъ формъ жизни, а — праведника, который взялъ бы на себя гнусненькіе грѣшки будничныхъ людей.

Изъ этого матеріала — изъ деревенскаго темнаго и дряблаго народа, — фантазеры и книжники хотятъ создать новое, соціалистическое государство, — новое не только по формамъ, но и по существу, по духу. Ясно, что строители должны работать примѣнительно къ особенностямъ матеріала, а главнѣйшей и наиболѣе неустранимой особенностью деревенскаго люда является свирѣпый собственническій индивидуализмъ, который неизбѣжно долженъ будетъ объявить жестокую войну соціалистическимъ стремленіямъ рабочаго класса.

Парижскую коммуну зарѣзали крестьяне, — вотъ что нужно помнить рабочему.

Вожди его забыли объ этомъ.

На-дняхъ я получилъ нижеприведенное письмо — очень рекомендую его вниманію товарищей, убѣжденныхъ, что они строятъ «соціалистическое отечество»:

«Въ послѣдней вашей статьѣ вы пишите, что очень много денегъ привозятъ солдаты въ деревню, и вы удивляетесь, откуда у нихъ такой капиталъ. А вотъ вамъ примѣръ. Мой братъ, солдатъ, на войнѣ не былъ, службу несъ легкую въ Петроградѣ, а потомъ устроился въ охранѣ на желѣзной дорогѣ, и тамъ проходили поѣзда со спиртомъ, который онъ съ другими долженъ былъ охранять. И вотъ, прослуживъ тамъ два мѣсяца, онъ привезъ домой 5 тысячъ руб. А заработалъ онъ честно: когда поѣздъ стоялъ, они открывали вагонъ, сверлили бочку (а можетъ быть, какъ-нибудь по другому дѣлали), только набирали въ бутылки спирту (онъ былъ не одинъ), опять запирали вагонъ, пломбировщикъ пломбировалъ вагонъ, и все было въ порядкѣ. Деньги дѣлили по старшинству, и такъ было мѣсяца два-три. Вернулся онъ домой въ недѣлѣ назадъ, положилъ деньги въ банкъ, всѣ были такъ довольны, всѣ сосѣди наперерывъ приглашали его къ себѣ, и сосваталъ онъ себѣ богатую невѣсту, вѣдь деньга деньгу любитъ. Ни одинъ человѣкъ не осудилъ его; только мнѣ, сестрѣ его, простой крестьянкѣ, стыдно и больно, что у меня братъ — воръ, казнокрадъ, а такихъ, какъ онъ — сотни тысячъ».

Крестьянка Н. губ., Н. уѣзда, а деревни не пишу».

«Простая крестьянка» — честный человѣкъ, — деревню «не пишетъ». Очевидно, потому, что боится, какъ бы сосѣди не оторвали ей голову.

Товарищи-строители соціалистическаго рая на Руси: «воззрите на птицы небесныя, яко не сѣютъ, не жнутъ, но собираютъ въ житницы своя», воззрите и скажите по совѣсти — это ли птицы райскія. Не черное ли это воронье, и не заклюетъ ли оно на-смерть городской пролетаріатъ.

Знаю, что письмо «простой крестьянки» не можетъ поколебать каменную увѣренность «немедленныхъ соціалистовъ» въ ихъ правотѣ. Ея не поколеблютъ и десятки, и сотни подобныхъ показаній о современности настроеній «деревенской бѣдноты», не поколеблютъ и такія свидѣтельства, какъ сценка Ив. Вольнаго, напечатанная въ 12 номерѣ «Дѣло Народа».

Ив. Вольный, — самъ крестьянинъ, участникъ событій 5-го—6-го г. г., человѣкъ битый, мученый, человѣкъ, котораго конвоировали въ тюрьму его школьные товарищи. Онъ много претерпѣлъ, но сохранилъ живую, страстно-любящую душу и умѣлъ беззлобно, правдиво написать мрачную эпопею черносотеннаго движенія въ деревнѣ послѣ 1906 г. Это — честный, правдивый свидѣтель, и я знаю, какъ тяжело ему говорить горькую правду о своихъ людяхъ, — сердце его горитъ искренней любовью къ нимъ, Это—человѣкъ, которому и можно, и должно вѣрить.

А дѣйствительность, которая всегда правдивѣе и талантливѣе всѣхъ, даже и геніальныхъ писателей, рисуетъ русскую деревню нашихъ дней еще болѣе жестоко.

Я особенно рекомендую эти источники для пониманія современной жизни г. Горлову изъ «Правды»,— онъ очень горячій человѣкъ и, будучи—вѣроятно—человѣкомъ честнымъ, долженъ хорошо знать, о чемъ говоритъ. что защищаетъ. Онъ не знаетъ этого.

У него нѣтъ никакого права болтать ерунду о моихъ, якобы, «презрительныхъ плевкахъ въ лицо народа». То, что ему угодно называть «презрительными плевками», есть мое убѣжденіе, сложившееся десятками лѣтъ. Если г. Горловъ грамотенъ, онъ обязанъ знать, что я никогда не восхищался русской деревней и не могу восхищаться «деревенской бѣднотой», органически враждебной психикѣ, идеямъ и цѣлямъ городского пролетаріата.

Разумѣется, вполнѣ естественно. что, отталкивая все далѣе отъ себя рабочій классъ, «немедленные соціалисты» должны опереться на деревню, они первые и заревутъ отъ ея медвѣжьихъ объятій; заревутъ горькими слезами и многочисленные Горловы, которымъ необходимо учиться и слишкомъ рано учить.

Г. Зиновьевъ сдѣлалъ мнѣ «вызовъ» на словесный и публичный поединокъ. Не могу удовлетворить желаніе г. Зиновьева, — я не ораторъ, не люблю публичныхъ выступленій, недостаточно ловокъ для того, чтобъ состязаться въ краснорѣчіи съ профессіональными демагогами.

Да и зачѣмъ необходимъ этотъ поединокъ? Я — пишу, всякій грамотный человѣкъ имѣетъ возможность читать мои статьи, такъ-же, какъ имѣетъ право не понимать ихъ или дѣлать видъ, будто не понимаетъ.

Г. Зиновьевъ утверждаетъ, что, осуждая творимые народомъ факты жестокости, грубости и т. под., я тѣмъ самымъ „чешу пятки буржуазіи“.

Выходка грубая, неумная, но — ничего иного отъ г.г. Зиновьевыхъ и нельзя ждать. Однако, онъ напрасно умолчалъ предъ лицомъ рабочихъ, что, осуждая нѣкоторыя ихъ дѣйствія, я постоянно говорю, — что:

рабочихъ развращаютъ демагоги, подобные Зиновьеву;

что безшабашная демагогія большевизма, возбуждая темные инстинкты массъ, ставитъ рабочую интеллигенцію въ трагическое положеніе чужихъ людей въ родной средѣ;

и что совѣтская политика — предательская политика по отношенію къ рабочему классу.

Вотъ о чемъ долженъ бы разсказать г. Зиновьевъ рабочимъ.

Уже не разъ ко мнѣ обращались представители домашней прислуги съ просьбами «похлопотать» о разрѣшеніи печатать въ газетахъ объявленія о спросѣ на трудъ и предложеніи труда.

Вотъ одна изъ такихъ просьбъ, изложенная въ письмѣ:

«Постарайтесь разъяснить теперешней власти, чтобы она избрала, какую ей угодно газету и разрѣшила бы публикаціи, по которымъ мы могли бы найти себѣ занятіе, какъ это было прежде. Прежде, бывало, возьмешь газету и можешь выбрать по своей спеціальности предложеніе, а теперь обобьешь пороги всѣхъ союзовъ и видишь подлыя улыбки и грубыя шутки, а работы нѣтъ. Пусть совѣтская власть выбираетъ газету для публикацій о трудѣ. Публикаціи принесутъ ей большіе доходы, и это тѣмъ важно для нея, вѣдь у совѣта денегъ нѣтъ».

Не знаю, вѣрно-ли, что ищущіе труда встрѣчаютъ въ правленіяхъ профессіональныхъ союзовъ «подлыя улыбки», но невольно,—въ виду единодушія жалобъ,—приходится вѣрить, что «грубыя шутки» и вообще грубость уже вошли въ привычку новой бюрократіи. Объ этомъ не мало писали «буржуи», но буржуямъ не принято вѣрить, даже и тогда, когда они вполнѣ искренно утверждаютъ, что всѣ брюнеты—черноволосы. Однако, начинаютъ жаловаться рабочіе:

«Я, пишетъ одинъ изъ нихъ,—имѣю передъ революціей не меньше заслугъ, чѣмъ тѣ мальчики на Гороховой, которые лаютъ на меня собаками. Я большевикъ съ 904-го года, а не съ октября, я два года семь мѣсяцевъ торчалъ въ тюрьмахъ, отбылъ пять лѣтъ голодной ссылки. По должности предсѣдателя волостного комитета, я прихожу къ начальству съ мужиками, на насъ орутъ, и мнѣ стыдно взглянуть въ глаза товарищей-крестьянъ, вдругъ они спросятъ меня: «Чего же это кричатъ, какъ будто при царѣ?» Дѣйствуйте на этихъ людей какъ-нибудь, чтобы они опамятовались!»

Рабочій, арестованный за то, что упрекнулъ пьянаго красногвардейца въ групости, былъ обвиненъ въ контръ-революціонномъ настроеніи», и на допросѣ ему, по его словамъ, «совали въ рыло револьвертомъ, приговаривая: отвѣчай! Я имъ отвѣтилъ: товарищи мы али нѣтъ? А они—такихъ по зубамъ нужно бить товарищей. Извольте заявить, что по зубамъ били достаточно встарину, а если и нынче такъ, то—не стоитъ овчинка выдѣлки».

Такія обвиненія раздаются все чаще, и я не вижу, чѣмъ могутъ оправдать себя люди, вызывающіе столь постыдныя обвиненія и жалобы. При старомъ режимѣ презрѣніе къ человѣку рабочаго класса объяснялось психологіей свиньи, пожравшей правду; послѣ 905 г. свинья хрюкала особенно грубо и нагло: чувствуя себя побѣдившей, она торжествовала.

Но въ наши дни—побѣдителей нѣтъ, хотя мы и деремся непрерывно, торжествовать—некому и—надъ кѣмъ издѣваться? Неужели мы издѣваемся другъ надъ другомъ только по привычкѣ, потому, что надъ нами издѣвались въ свое время?

«Я не отвѣчаю за армію?»—отвѣтилъ одинъ солдатъ на извѣстные упреки штатской улицы.

Представители власти, юнцы, вчерашніе политическіе блондины, сегодня интенсивно рыжіе, не могутъ воспользоваться отвѣтомъ солдата для своего оправданія. Вѣдь каждый изъ нихъ, навѣрное, считаетъ себя носителемъ новой, соціально-гуманной. справедливой власти, и каждый обязанъ отвѣчать и лично за себя, и за всю армію строителей новой жизни. Вѣдь таково ихъ идеальное назначеніе, не правда ли? Вѣдь это именно они смѣнили старыхъ сѣятелей «разумнаго, добраго, вѣчнаго»? Что же именно новаго, много ли разумнаго и добраго вносятъ они непосредственно въ бытъ, въ тяжкую жизнь голодныхъ будень?

Если у нихъ нѣтъ ума—то, можетъ быть, найдется немножко совѣсти, и она заставитъ ихъ подумать надъ обвиненіями, выдвинутыми противъ нихъ со стороны представителей того класса, интересамъ котораго они, якобы, служатъ.

Съ жадностью голоднаго—психологически очень понятной —«Петроградская Правда» отмѣчаетъ каждое доброе слово, сказанное по адресу «большевиковъ». Говоритъ ли о нихъ Изгоевъ—съ ироніей іезуита—или Клара Цеткина, со множествомъ поясненій, уничтожающихъ хвалу, «Правда» немедленно

перепечатываетъ на своихъ страницахъ эти сомнительныя похвалы, очевидно, полагая, что они касаются и ея. Перепечатала она и нѣсколько словъ изъ моего отвѣта на письма женщинъ и сопроводила ихъ такимъ вопросомъ:

«Не согласится-ли теперь Горькій, что многія изъ «мыслей», высказывающихся имъ ранѣе, были, дѣйствительно, „несвоевременными»?

Нѣтъ, не соглашусь. Все то, что я говорилъ о дикой грубости, о жестокости большевиковъ, восходящей до садизма, о некультурности ихъ, о незнаніи ими психологіи русскаго народа, о томъ, что они производятъ надъ народомъ отвратительный опытъ и уничтожаютъ рабочій классъ—все это и многое другое, сказанное мною о „большевизмѣ“—остается въ полной силѣ.

Равноправіе евреевъ — одно изъ прекрасныхъ достиженій нашей революціи. Признавъ еврея равноправнымъ русскому, мы сняли съ нашей совѣсти позорное, кровавое и грязное пятно.

Въ этомъ поступкѣ нѣтъ ничего, что давало бы намъ право гордиться имъ. Уже только потому, что еврейство боролось за политическую свободу Россіи и гораздо болѣе честно и энергично, чѣмъ дѣлали это многіе русскіе люди, потому что евреи давали гораздо меньше ренегатовъ и провокаторовъ — мы не должны и не можемъ считаться „благодѣтелями евреевъ“, какъ называютъ себя въ письмахъ ко мнѣ нѣкоторые «добродушные» и «мягкосердечные» русскіе люди.

Кстати: изумительно безстыдно лаются эти добродушные, мягкосердечные люди.

Освободивъ еврейство отъ «черты осѣдлости», изъ постыднаго для насъ плѣна «ограниченій», мы дали нашей родинѣ возможность использовать энергію людей, которые умѣютъ работать лучше насъ, а всѣмъ извѣстно, что мы очень нуждаемся въ людяхъ, любящихъ трудъ.

Гордиться намъ нечѣмъ, но — мы могли бы радоваться тому, что, наконецъ, догадались сдѣлать дѣло, хорошее и морально, и практически.

Однако, радости по этому поводу — не чувствуется; вѣроятно, потому, что намъ некогда радоваться — всѣ мы страшно заняты «высокой политикой», смыслъ которой всего лучше изложенъ въ пѣсенкѣ какихъ-то антропофаговъ:

Тигры любятъ мармеладъ,
Люди ближняго ѣдятъ.
Ахъ, какая благодать
Кости ближняго глодать!

Радости — не чувствуется, но антисемитизмъ живъ и понемножку, осторожно снова поднимаетъ свою гнусную голову, шипитъ, клевещетъ, брызжетъ ядовитой слюной ненависти.

Въ чемъ дѣло? А въ томъ, видите ли, что среди анархически настроенныхъ большевиковъ оказалось два еврея. Кажется, даже три. Нѣкоторые насчитываютъ семерыхъ и убѣждены, что эти семеро Сампсоновъ разрушатъ вдребезги 170-ти милліонную храмину Россіи.

Это было бы очень смѣшно и глупо, если бы не было подло.

Грозный еврейскій Богъ спасалъ цѣлый городъ грѣшниковъ за то, что среди нихъ оказался одинъ праведникъ. Люди, вѣрующіе въ кроткаго Христа, полагаютъ, что за грѣхи двухъ или семерыхъ большевиковъ долженъ страдать весь еврейскій народъ.

Разсуждая такъ, слѣдуетъ признать, что за Ленина, чистокровнаго русскаго грѣшника, должны отвѣчать всѣ уроженцы Симбирской губерніи, а также и смежныхъ съ нею.

Евреевъ значительно больше среди меньшевиковъ, но мои корреспонденты, притворяясь людьми невѣжественными, утверждаютъ, что всѣ евреи — анархисты.

Это очень дрянное обобщеніе. Я убѣжденъ, я знаю, что въ массѣ своей евреи — къ изумленію моему — обнаруживаютъ болѣе разумной любви къ Россіи, чѣмъ многіе русскіе.

Этого не замѣчаютъ, хотя это очень рѣзко бросается въ глаза, если взять статьи евреевъ-журналистовъ.

Въ «Рѣчи» — газетѣ, которую можно не любить, но тѣмъ не менѣе, очень почтенной газетѣ, работаетъ немало евреевъ. «Новое Время», въ числѣ сотрудниковъ коего тоже есть евреи, еще не такъ давно называло «Рѣчь» «еврейской газетой».

Сотрудники «Рѣчи» совершенно лишены даже и тѣни симпатій къ большевикамъ.

Есть еще тысячи доказательствъ въ пользу того, что уравненіе «еврей=большевикъ» — глупое уравненіе, вызываемое зоологическими инстинктами раздраженныхъ россіянъ.

Я, разумѣется, не стану приводить эти доказательства — честнымъ людямъ они не нужны, для безчестныхъ — неубѣдительны.

Идіотизмъ — болѣзнь, которую нельзя излечить внушеніемъ. Для больного этой неизлечимой болѣзнью ясно: такъ какъ среди евреевъ оказалось семь съ половиной большевиковъ, значитъ, во всемъ виноватъ еврейскій народъ. А посему...

А посему честный и здоровый русскій человѣкъ снова начинаетъ чувствовать тревогу и мучительный стыдъ за Русь, за русскаго головотяпа, который въ трудный день жизни непремѣнно ищетъ врага своего гдѣ-то внѣ себя, а не въ безднѣ своей глупости.

Надѣюсь, что мои многочисленные корреспонденты удовлетворены этимъ отвѣтомъ по «еврейскому вопросу».

И добавлю — для меня нѣтъ больше такого вопроса.

Я не вѣрю въ успѣхъ клеветнической пропаганды антисемитизма. И я вѣрю въ разумъ русскаго народа, въ его совѣсть, въ искренность его стремленія къ свободѣ, исключающей всякое насиліе надъ человѣкомъ. Вѣрю, что «все минется, одна правда останется».

Мнѣ прислана пачка юдофобскихъ прокламацій, одна изъ нихъ — издана «Центральнымъ Комитетомъ Союза христіанскихъ соціалистовъ» въ Москвѣ, 6-го мая, другая — Петроградскимъ Отдѣломъ» того же союза. Не знаю, существуетъ ли такой «Союзъ», но, если существуетъ, то члены его ужъ, конечно, не христіане, не соціалисты, а — обыкновенные русскіе люди изъ тѣхъ одичавшихъ бездѣльниковъ и лѣнтяевъ, которые, будучи сами виноваты во всѣхъ своихъ несчастіяхъ, безстыдно обвиняютъ за свое ничтожество и неумѣніе жить всѣхъ, кого угодно, — только не себя. Что они — не христіане и, — тѣмъ болѣе, — не соціалисты, — объ этомъ свидѣтельствуетъ ихъ подленькая прокламація.

Вотъ ея начальныя фразы:

«Антисемиты всѣхъ странъ, всѣхъ народовъ и всѣхъ партій, объединяйтесь». «Союзъ Христіанскихъ Соціалистовъ» обращается ко всѣмъ русскимъ гражданамъ съ призывомъ очистить себя отъ той скверны іудейской, которой насквозь пропитана наша родина — отъ самыхъ верховъ и до народныхъ низинъ. Особенно поражена этой скверной наша интеллигенція, наше, такъ называемое, образованное общество, воспитанное на іудейской прессѣ, проповѣдующей ложные принципы равенства и братства всѣхъ народовъ и племенъ. Но каждый разумный человѣкъ знаетъ, что ни равенства, ни братства нѣтъ и не можетъ быть. А слѣдовательно, не можетъ быть и одинаковаго отношенія ко всѣмъ людямъ, ко всѣмъ національностямъ.

Не правда ли, это истинные послѣдователи любвеобильнаго Христа, для котораго не было ни эллина, ни іудея, который самъ, вмѣстѣ съ первоапостолами, былъ іудеемъ и страдалъ, и принялъ мучительную смерть за человѣка вообще, за людей всѣхъ расъ и племенъ. И — не правда ли — хороши эти соціалисты, считающіе принципъ равенства — ложнымъ и „скверной іудейской“.

Глупые и жалкіе люди, несчастные люди. Утверждая, что русскіе граждане „насквозь — отъ верховъ до низинъ“ — пропитаны «іудейской скверной», т. е. „принципами равенства и братства всѣхъ племенъ и народовъ“ — священными принципами, которые проповѣдуются почти всѣми религіями и величайшими мыслями всѣхъ вѣковъ и странъ, — авторы прокламацій обнаруживаютъ слишкомъ лестное, но — увы — совершенно невѣрное представленіе о русскихъ гражданахъ. Примѣръ — сами граждане — члены „Союза христіанскихъ соціалистовъ“, они не только не „пропитаны насквозь“ высокими принципами равенства, но просто, какъ большинство гражданъ русскихъ, не имѣютъ никакого представленія о планетарной, общекультурной цѣнности этихъ принциповъ.

Далѣе, они пишутъ:

„Арійская раса — типъ положительный, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, іудеи — типъ отрицательный, стоящій на низшей ступени человѣческаго развитія. Если наша интеллигенція, наша „соль земли русской“ пойметъ это и уразумѣетъ, то отброситъ, какъ старую, негодную ветошь затрепанныя фразы о равенствѣ іудеевъ съ нами и о необходимости одинаковаго отношенія какъ къ этимъ паріямъ человѣчества, такъ и къ остальнымъ людямъ“.

Вы подумайте — „и къ остальнымъ людямъ“, кромѣ евреевъ, нельзя относиться одинаково. Кто же эти остальные люди? Можетъ быть, германцы, представители „арійской расы“, — «типъ положительный въ нравственномъ отношеніи», что не мѣшаетъ этому «типу» разстрѣливать массами безоружныхъ русскихъ мужиковъ. а также и евреевъ. А можетъ быть, кроткіе славяне, тѣ русскіе люди, которые нынѣ такъ безсмысленно и жестоко грабятъ и убиваютъ другъ друга.

Или эти „остальные люди“ — вообще всѣ люди, способные такъ или иначе помѣшать спокойному развитію волчьяго патріотизма авторовъ прокламаціи. Ибо, — нѣтъ сомнѣнія, что прокламація исходитъ изъ круговъ русскихъ хищниковъ, которые привыкли наживать сто на сто, сдирая со своего горячолюбимаго ими народа по семи шкуръ.

Конечно, «остальные люди» — невольная обмолвка, подсказанная „христіанамъ-соціалистамъ“ ихъ соціальнымъ одичаніемъ, а также моральной и всяческой безграмотностью. Однако, мѣстами эта безграмотность очень подозрительна, а пожалуй, и сугубо фальшива.

Петроградская прокламація адресована „рабочимъ, солдатамъ, крестьянамъ“ и составлена въ явномъ разсчетѣ на темноту ума и чувства адресатовъ.

Она спрашиваетъ:

«Много ли вы знаете евреевъ-кузнецовъ, дворниковъ, молотобойцевъ, хлѣбопашцевъ, прачекъ, кухарокъ, судомоекъ“? Видѣли ли вы нашихъ евреевъ, выпрашивающихъ гроши на улицахъ городовъ? Нѣтъ».

Разумѣется, нѣтъ, никто не видѣлъ въ Петроградѣ и Москвѣ евреевъ-дворниковъ, ибо полицейская должность эта уже никоимъ образомъ не могла быть занимаема евреями, ясно — почему. Въ Одессѣ же большинство ломовыхъ извозчиковъ — евреи; 92 проц. евреевъ, живущихъ въ чертѣ осѣдлости, — ремесленники и бѣдняки.

Совершенно вѣрно, что внѣ черты осѣдлости евреевъ-нищихъ никто не видалъ. Это объясняется прекраснымъ развитіемъ у еврейства общественной помощи, тѣмъ, что полиція не позволила бы еврею ниществовать и — думаю — тѣмъ еще, что православные любвеобильные христіане, навѣрное, совали бы

въ руку нищаго еврея не хлѣбъ, а камень или змѣю. Какъ все это лживо, какъ отвратителенъ этотъ антисемитизмъ лѣнивой клячи.

Когда читаешь всѣ эти глупыя мерзости, подсказанныя русскимъ головотяпамъ безсмысленной и гаденькой злобой, становится такъ стыдно и страшно за Русь, страну Льва Толстого, создавшую самую гуманную, самую человѣчную литературу міра.

Третья прокламація является провокаціонной выдумкой, еще болѣе жульнической и глупой.

Она озаглавлена:

„Секретно. Предсѣдателямъ отдѣловъ Всемірнаго Израильскаго Союза". И въ ней «предсѣдателямъ» рекомендуется соблюдать всяческую осторожность. «Мы твердо и неуклонно должны идти по пути разрушенія чужихъ алтарей и троновъ», „мы заставимъ Россію встать на колѣни", «мы сдѣлаемъ все, чтобы возвеличить великій еврейскій народъ", но — не торопясь, соблюдая «осторожность».

Кого хотятъ идіоты напугать этими выдумками. Хоть бы то сообразили, что вѣдь циркуляръ такой исключительной важности, адресованный, «предсѣдателямъ Всемірнаго Израильскаго Союза» былъ бы напечатанъ на еврейскомъ языкѣ, а не порусски. Или хоть бы догадались добавить „переводъ съ еврейскаго".

Какъ все это бездарно и постыдно.

Остальныя прокламаціи не остроумнѣе цитированныхъ.

Я уже нѣсколько разъ указывалъ антисемитамъ, что, если нѣкоторые евреи умѣютъ занять въ жизни наиболѣе выгодныя и сытыя позиціи, — это объясняется ихъ умѣніемъ работать, экстазомъ, который они вносятъ въ процессъ труда, любовью «дѣлать» и способностью любоваться дѣломъ. Еврей почти всегда лучшій работникъ, чѣмъ русскій, на это глупо злиться, этому надо учиться. И въ дѣлѣ личной наживы, и на аренѣ общественнаго служенія еврей вноситъ больше страсти, чѣмъ многоглаголевый россіянинъ, и, въ концѣ концовъ, какую бы чепуху ни пороли антисемиты, они не любятъ еврея только за то, что онъ явно лучше, ловчѣе, трудоспособнѣе ихъ.

Теперь, когда мы со страшною очевидностью убѣдились въ томъ, до какой степени монархія сгноила насъ, обезсилила, духовно оскопила, — мы должны особенно цѣнить умѣлыхъ

работниковъ, — людей иниціативы, влюбленныхъ въ трудъ, а мы — дико оремъ:

— «Бей ихъ — потому что они лучше насъ».

Только поэтому, господа антисемиты, только поэтому, что бы вы ни говорили.

Прокламаціи, конечно, удѣляютъ немало вниманія такимъ евреямъ, какъ Зиновьевъ, Володарскій и другимъ евреямъ, которые упрямо забываютъ, что ихъ безтактности и глупости служатъ матеріаломъ для обвинительнаго акта противъ всѣхъ евреевъ вообще. Ну, что же. «Въ семьѣ не безъ урода», — но не вся же семья состоитъ изъ уродовъ, и, конечно, есть тысячи евреевъ, которые ненавидятъ Володарскихъ ненавистью, вѣроятно, столь же яростной, какъ и русскіе антисемиты. Это, разумѣется, не убѣдитъ антисемитовъ въ томъ, что не всѣ евреи одинаковы, и что классовая вражда среди еврейства не менѣе остра, какъ и среди другихъ націй; это не убѣдитъ ихъ, что имъ необходимо быть убѣжденными въ противномъ.

Но, можетъ быть, тѣмъ, кого хотятъ натравить, какъ собакъ, на еврейство, можетъ быть, имъ — пора уже возмутиться этой новой попыткой организаціи погромовъ. Можетъ быть, они найдутъ необходимымъ и своевременнымъ сказать авторамъ прокламацій, «Камморамъ Народной Расправы» и другимъ организаціямъ темныхъ авантюристовъ.

„ — Прочь! Хозяева страны — мы, мы завоевали ей свободу, не скрывая своихъ лицъ, и мы не допустимъ какихъ-то темныхъ людей управлять нашимъ разумомъ, нашей волей. Прочь!".
